

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
РАНХиГС

Серия: политология и социология

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

№3 2017

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии 4 номера в год

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(председатель Редакционного совета);
Е. М. Бабосов, академик Национальной Академии Наук
Республики Беларусь;
В. А. Лоскутов, д-р филос. наук, профессор;
А. В. Понделков, д-р полит. наук, профессор;
С. П. Поцелуев, д-р полит. наук, доцент;
Ф. М. Эфендиев, д-р филос. наук, профессор;
М. Я. Яхьяев, д-р филос. наук, профессор

Главный редактор:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Заместитель главного редактора:

Ю. А. Дроздова, канд. социол. наук, доцент

Ответственный научный секретарь:

Е. В. Перерва, канд. истор. наук

Редакторы перевода:

Е. В. Гуляева, канд. филол. наук, доцент;
Ю. В. Семикина, канд. филол. наук, доцент

Редакционная коллегия:

С. С. Восканян, д-р полит. наук, доцент;
Р. А. Данакари, д-р филос. наук, доцент;
О. А. Долгополова, канд. психол. наук, доцент;
Д. М. Зиновьева, канд. психол. наук;
И. А. Злочевский, канд. эконом. наук, доцент;
В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент;
А. Л. Клейтман, канд. ист. наук;
А. Л. Кузванова, д-р социол. наук, доцент;
А. М. Медведев, канд. психол. наук, доцент;
Е. Р. Мкртчян, канд. социол. наук, доцент;
И. Л. Морозов, д-р полит. наук, доцент;
А. А. Огарков, канд. эконом. наук, доцент;
Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;
О. В. Рвачева, канд. ист. наук, доцент;
Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;
Д. Р. Яворский, д-р филос. наук, доцент;
А. В. Одинцов, канд. социол. наук (секретарь);
С. С. Ермакова, секретарь

Адрес редакции: Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru

Издательство Волгоградского института управления –
филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITOLOGIAY

М. Я. Яхьяев ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: СИМУЛЯЦИЯ ДВИЖЕНИЯ..... 4

М. В. Бейлин ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ИНСТИТУТАМИ..... 8

В. Н. Власова РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСАХ..... 13

С. С. Восканян ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР..... 17

К. М. Магомедов ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО..... 21

В. Ю. Максимов ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА РОССИИ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО ТРИДЦАТИЛЕТИЯ..... 24

П. А. Поломошнов ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ..... 27

M. Ya. Yakhyayev CIVIL SOCIETY IN RUSSIA: SIMULATION OF MOVEMENT..... 4

M. V. Beylin POLITICAL MANIPULATION IN THE SOCIAL INSTITUTIONS MANAGEMENT..... 8

V. N. Vlasova LINGUISTIC MANIPULATION IN THE POLITICAL AND SOCIOCULTURAL DISCOURSES..... 13

S. S. Voskanyan THE MAIN STAGES OF THE NATIONAL POLICY IN THE USSR..... 17

K. M. Magomedov THE STATE AND CIVIL SOCIETY..... 21

V. U. Maksimov FACTORS OF CHANGE IN RUSSIA'S GEOPOLITICAL STATUS DURING THE LAST 30 YEARS..... 24

P. A. Polomoshnov PROSPECTS OF RUSSIAN DEMOCRACY DEVELOPMENT..... 27

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

М. А. Анипкин КРАХ ПАРТИИ И РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА: ПРОВАЛ ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ ОБНОВЛЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ?..... 34

Т. И. Липич ПАТРИОТИЗМ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ..... 42

Е. Г. Олейникова ПРИОРИТЕТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ СТАЛИНГРАДА..... 44

А. Н. Булаткин К ВОПРОСУ ОБ ИМИДЖЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ..... 50

Ю. А. Дроздова МИГРАЦИЯ КАК ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ГРАНТА РФФИ № 16-13-34011 «МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»)..... 56

M. A. Anipkin PARTY COLLAPSE AND SOVIET BREAKDOWN: A FAILURE OF GENERATIONAL RENEWAL?..... 34

T. I. Lipic PATRIOTISM AS A LINK OF MULTICULTURAL AND INTER-ETHNIC RELATIONS IN RUSSIAN SOCIETY..... 42

E. G. Oleinikova PRIORITIES OF SOCIAL AND ECONOMIC POLICY OF CENTRAL AND REGIONAL AUTHORITIES IN THE PERIOD OF POST-RESTORE RECOVERY OF STALINGRAD..... 44

A. N. Bulatkin TO THE ISSUE OF THE IMAGE OF MODERN RUSSIA..... 50

Julia A. Drozdova MIGRATION AS SEARCH FOR IDENTITY (BASED ON MATERIALS OF RFBR GRANT 16-13-34011 MIGRATION RISKS IN A MULTIETHNIC REGION: SOCIOLOGICAL AND MANAGERIAL ANALYSIS)..... 56

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

М. Р. Арпентьева ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ, МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ТРАНСКУЛЬТУРАЛИЗМ: ПУТИ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ..... 60

К. А. Соловьев БИБЛЕЙСКАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТЕ ОТРЕЧЕНИЯ ОТ ПРЕСТОЛА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II..... 67

И. Б. Беляева, В. Н. Власенко О ДОВЕРИИ И НЕДОВЕРИИ В ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ..... 73

Г. К. Савченко ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕСТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ..... 77

M. R. Arpentieva INTERNATIONALISM, MULTICULTURALISM, AND TRANSCULTURALISM: PATHS OF UNDERSTANDING..... 60

K. A. Soloviev BIBLICAL LEXIS IN THE ABICATION TEXT OF EMPEROR NICHOLAS II..... 67

V. I. Belyaeva, V. N. Vlasenko ABOUT TRUST AND MISTRUST IN THE LEGAL COMMUNICATION..... 73

G. K. Savchenko TESTS IN THE PROCESS OF TEACHING OF A FOREIGN LANGUAGE IN THE INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION FOR NON LINGUISTIC SPECIALITIES..... 77

**СЛОВО –
МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ**

**THE WORD FROM
YOUNG SCIENTISTS**

Е. Д. Копытова ТРЕХСТОРОННЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (ВЛАСТЬ – БИЗНЕС – ОБЩЕСТВО) В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА..... 83

Е. Ю. Абрамова, С. В. Варакин МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ И ЕЕ ВИДЫ..... 91

А. А. Маркелова К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СССР..... 94

К. Г. Назаретян ПЕРВИЧНАЯ АДАПТАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ УКРАИНЫ В МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ..... 98

М. О. Пащенко ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД..... 102

E. D. Kopytova TRILATERAL COOPERATION (GOVERNMENT – BUSINESS – SOCIETY) IN THE DEVELOPMENT CHALLENGES OF THE REGION..... 83

E. Y. Abramova, S. V. Varakin YOUTH POLICY: SYSTEMATIZATION OF CONCEPTS AND ITS TYPES..... 91

A. A. Markelova TO THE QUESTION OF THE USSR NATIONAL POLICY..... 94

K. G. Nazaretyan PRIMARY ADAPTATION OF REFUGEES FROM UKRAINE TO THE LOCAL COMMUNITY OF RUSSIA: STATE AND PROBLEMS..... 98

M. O. Pashchenko INFLUENCE OF THE MEDIA ON THE FORMATION OF THE MULTIPOLAR WORLD: THE RUSSIAN VIEW..... 102

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITOLOGIAIY

УДК 323.21(470)
ББК 66.3(2Рос),1

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: СИМУЛЯЦИЯ ДВИЖЕНИЯ

М. Я. Яхьяев

Аннотация. Появление идеи гражданского общества в статье увязывается с зарождением политической организации общества. Однако движение от идеи к реальности не происходит ни в условиях рабовладения, ни при феодализме. Минимальным условием и необходимой предпосылкой зарождения гражданского общества автор считает обретение личностью юридической свободы, позволяющей ей распоряжаться своим имуществом, интеллектом, способностью к труду, собственной жизнью и т. д. Необходимым условием утверждения гражданского общества в России является обретение ее государством правового состояния.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, правовое государство, рабовладение, феодализм, буржуазное общество, капитализм.

CIVIL SOCIETY IN RUSSIA: SIMULATION OF MOVEMENT

M. Ya. Yakhyayev

Abstract. The author considers that the emergence of the idea of the civil society is related to the political organization of society. However, the idea didn't turn into reality neither under slavery nor under feudalism. The author also considers the acquisition of a legal personality by an individual, allowing to dispose the property, intellect, ability to work and own life, etc., as the minimum precondition for the birth of civil society. An essential condition for the advent of civil society in Russia is the acquisition of the state of law.

Key words: civil society, state, state of law, slavery, feudalism, bourgeois society, capitalism.

Последние десятилетия отечественной истории резко оживили дискуссию вокруг проблем становления гражданского общества. Широкое распространение получили утверждения о том, что перспективы цивилизационного развития России находятся в прямой зависимости от эффективной организации и функционирования институтов гражданского общества. По властной указке сверху было инициировано создание различных элементов гражданского общества, симитировано успешное взаимодействие государства с гражданским обществом. И все это происходило и происходит в условиях полного отсутствия каких-либо комплексных исследований, устанавливающих сущность феномена гражданского общества, раскрывающих условия и предпосылки его формирования, выявляющих возможности и особенности его построения в

странах с традиционной культурой и отсталой экономикой.

Сегодня ни в научной среде, ни в публицистике, ни в речах идеологов российских реформ нет единого понимания гражданского общества. Как пишет академик А. А. Гусейнов: «В одном случае под гражданским обществом понимается структурная единица (сфера) общества, обозначающая зону между индивидом и государством; в другом – общество в целом, рассматриваемое к тому же в качестве цели, идеала; в третьем – совокупность налогоплательщиков, которые, как считается, нанимают государственных чиновников; в четвертых – негосударственная сфера политической жизни..., в пятых – неполитические формы общественной активности типа гражданских инициатив и т.п. ... Никто не может сказать

толком, что такое гражданское общество, но все знают, что это хорошо» [1, с. 265–266].

Таким образом, понятие «гражданское общество» сегодня подменило собой привычное для советских людей понятие «коммунизм», но с той лишь разницей, что коммунизм предстал в массовом сознании как отрицание частной собственности и всего того, что надстроено над ним, а гражданское общество немислимо без частной собственности на средства производства и политического государства, стоящего на страже частной собственности.

Такая ситуация с определением гражданского общества требует от нас обозначения хотя бы контуров того социального состояния, которое очерчивается этим понятием. Без понятийного определения гражданского общества бессодержательно говорить о перспективах его формирования в России. Поэтому, не углубляясь в дебри научных дискуссии, согласимся с тем, что гражданское общество – это «относительно самостоятельная и обособленная от государства область жизнедеятельности людей в различных сферах общественных отношений, отличающаяся высокой степенью самоорганизации, являющейся формой мобилизации частной инициативы в социально позитивное русло и превращения частных лиц в граждан государства, активно участвующих в реализации общих интересов... В структурном плане гражданское общество является совокупностью неполитических институтов общества, действующих автономно от государства и способных на него повлиять» [2, с. 33].

Добавим к этому то, что гражданское общество есть не что иное, как сфера активного взаимодействия свободных и равноправных граждан, которые сами наделяют государство правом и средствами обеспечения целостности общества, оставаясь при этом вне поля действия «официальности». Вооружившись таким пониманием гражданского общества, зададимся вопросом, когда же в истории человечества вообще стал возможным исторический старт гражданского общества?

Для начала отметим, что любое общество возможность называться гражданским обществом обретает лишь с момента возникновения государства. Иначе говоря, даже абстрактная возможность становления гражданского общества в истории человечества проявляется лишь тогда, когда родоплеменная организация социума начинает перерастать в государственную политическую организацию. В первобытных формах социальной организации не было граждан, поэтому не могло быть и гражданского об-

щества. Первым и необходимым условием возможности гражданского общества является превращение членов первобытного коллектива в граждан конкретного государства. Таким образом, сама возможность становления гражданского общества обозначается как историческая перспектива только по мере утверждения рабовладельческого государства.

Однако сказанное не означает, что одновременно с рабовладельческим государством зарождается и гражданское общество. Дело в том, что при рабовладельческом общественно-политическом строе гражданами государства является лишь небольшая часть свободных людей, имеющих имущественные возможности обеспечения личной свободы. Именно в силу своего свободного состояния, обеспеченного наличием частной собственности, граждане, в отличие от неграждан, принимают посильное участие в ведении общих дел, т. е. являются «политическими животными». Неграждане рабовладельческого общества-государства – это рабы, они всего лишь «говорящие орудия труда», которые находятся вне общества, целиком и полностью совпадающего с государством. Потому-то рабы, как неграждане государства, не могут образовать и гражданского общества, не могут быть институциональной частью этого общества. Иначе говоря, государственно-организованное рабовладельческое общество не создает социального пространства формирования ни гражданского общества в целом, ни каких-либо его отдельных элементов. В силу этого все попытки обнаружить истоки, ростки, элементы гражданского общества в античной эпохе обречены на провал. Как говорили в древности мудрые китайцы: «Трудно обнаружить черную кошку в темной комнате, особенно если знаешь, что ее там нет».

Принципиальным образом не меняется сложившаяся при рабовладельческом строе ситуация и с переходом к феодальной политической организации общества. Новый социально-политический и экономический уклад сохраняет личную несвободу, хотя и в иных, трансформированных формах. Утверждавшаяся форма личной и имущественной зависимости массы крепостных крестьян от феодалов лишает их малейшей возможности участия в делах государства, препятствует образованию структур, которые можно было бы обозначить в качестве элементов гражданского общества. Поэтому и феодальное общество-государство, так же как и рабовладельческое, не создает никаких реальных возможностей становления гражданского общества.

Минимальным условием и необходимой предпосылкой зарождения гражданского общества, по нашему мнению, является обретение личностью хотя бы формальной юридической свободы, позволяющей ей по своему усмотрению распоряжаться тем, чем она располагает, – имуществом, интеллектом, способностью к труду, собственной жизнью и т. д. Формально свободной личностью провозглашается победившей буржуазной революцией, поэтому и гражданином государства она становится лишь по мере формирования буржуазных общественно-политических порядков.

Ставь свободным гражданином буржуазного государства, личность получает реальную возможность заявить о своих потребностях и интересах, отличных от интересов государства. Она обретает право на объединение с другими членами общества с целью выражения и защиты своих частных интересов, не выражаемых или ущемляемых государством. Именно этот момент истории развития человечества мы рассматриваем как стартовый для гражданского общества и утверждаем, что реальный процесс становления гражданского общества начинается в европейских государствах лишь после победы первых буржуазно-демократических революций. Осуществляется этот процесс исключительно как процесс развития буржуазного общества, осознающего себя как нечто отличное от политического государства.

Из всего вышесказанного следует, что в докапиталистическом общественном состоянии нет реальной возможности формирования гражданского общества, но в этом состоянии могут быть некоторые предпосылки и намечаться тенденции его становления. Усмотрев в реальном историческом процессе абстрактную возможность формирования гражданского общества, философствующий разум еще в античности стал рефлексировать по поводу реальной возможности формирования гражданского состояния общества. Но переходить от выдвижения тех или иных идей о гражданском обществе к признанию реальности процесса формирования такого – это, если говорить словами И. Канта, не что иное, как «недопустимый трансцензус».

Однако из всего сказанного вовсе не следует, что утверждение буржуазного государства неизбежно влечет за собой становление гражданского общества. Наличие буржуазного государства – необходимое условие формирования гражданского общества, но условие не единственное и не достаточное. Для формирования и особенно эффективного функционирования

гражданского общества необходимо еще и особое качественное состояние буржуазного государства, которое обозначается как правовое государство, т. е. такое государство, где объективная природа и сущность права в должной мере находят свое выражение в законах государства и особенно в правоприменительной практике. Именно в правовом государстве существуют и реально работают механизмы защиты таких фундаментальных принципов организации государства, как верховенство закона, равенство всех перед законом, демократизм, гласность, приоритет прав и свобод человека и гражданина и пр. И чем ближе буржуазное государство к своему правовому состоянию, тем полнее в нем утверждено гражданское общество, и наоборот, чем развитее гражданское общество, тем более правовой характер имеет его политическое государство.

Современная Россия вот уже более двух десятилетий, отказавшись от идеалов социализма и коммунизма, упорно утверждает у себя капиталистические политико-правовые и социально-экономические порядки. Как результат сегодня мы уже имеем олигархическое капиталистическое государство, страшно далеко стоящее от идеалов правового государства, защищающее интересы компрадорской буржуазии, предающей и продающей интересы многонационального российского народа. Такому государству подлинное гражданское общество нужно не более, чем «пятое колесо телеге социализма». Поэтому сегодня в России гражданское общество и существует, во-первых, преимущественно на уровне научных идей и прогнозов, политических спекуляций и деклараций, благих пожеланий граждан; во-вторых, в форме действительных предпосылок и наметившихся тенденций становления такого состояния, порождаемых любым буржуазным государством, коль скоро Россия таковым является.

Реальные предпосылки и тенденции становления гражданского общества объективно ведут к пробуждению гражданского сознания россиян, к различным формам их самоорганизации, самовыражения, защиты своих частных интересов и пр. Поэтому по мере продвижения российского государства к своему правовому состоянию гражданское общество неизбежно сформируется стихийно, по инициативе самих граждан, как это и происходило на Западе в классических гражданских обществах. В этом случае гражданское общество может обрести такие формы и состояния, которые реально будут контролировать государство, требовать от него существования и

функционирования в установленных самим же государством правовых рамках. Оно может потребовать от государства, чтобы последнее творило законы как выражение воли всего общества, а не только избранных олигархических групп, обеспечивало бы действенность этих законов, да и само бы играло по установленным нормам и правилами. А этого власть, прислуживающая олигархии, допустить никак не может.

Чтобы обуздать процесс становления гражданского общества и направить его в желательное русло, российское государство финансирует различные научные проекты, раздает гранты, инициирует проведение конференций, форумов, прочих широко анонсированных мероприятий, призванных убедить весь мир и самих себя в том, что мы успешно продвигаемся к полноценному гражданскому обществу. Одновременно в массовом сознании россиян вся идеологическая и просветительская машина государства культивирует иллюзии по поводу реальности движения к полноценному гражданскому обществу. По указке сверху, как в центре, так и на местах, создаются многообразные «потемкинские деревни» гражданского общества, в большей мере представляющие суррогатами действительно важных институтов гражданского общества.

По количеству бутафорских структурных элементов гражданского общества мы находимся впереди планеты всей. Одних только религиозных объединений и организаций насчитывается более десятков тысяч. Не меньше и других общественных объединений, движений, фондов, союзов, НКО и др., как на федеральном уровне, так и на региональных уровнях существуют Общественные палаты, Координационные центры по проблемам формирования гражданского общества, Советы старейшин, Уполномоченные по правам человека, Уполномоченные по правам ребенка, множество других консультативных и совещательных органов. Иначе говоря, структурных элементов гражданского общества в России более чем достаточно, нет только самого гражданского общества, способного взаимодействовать с государством и обеспечивать как выражение и защиту частных интересов россиян, так и функционирование самого государства в рамках существующего правового поля.

Такое состояние гражданского общества в некоторых регионах России, в частности, в республиках СКФО оборачивается одной из значимых причин вызревающих процессов архаизации жизни. Отдельные социальные группы, конфес-

сиональные сообщества и даже некоторые исследователи все чаще обращаются к архаике в поиске основных организационных форм и базовых ценностей гражданского общества. В качестве формы организации гражданского общества, основанной на истории и традициях, в республике чаще всего называется джамаат.

Действительно джамаат в истории (в переводе с арабского – общество, коллектив, община) объединял людей, имеющих общие цели, как правило, религиозного характера. Но не только. Джамааты – это и сельский сход, и вольное общество, и патриархальная родовая (или патриархально феодальная) община, и территориальное объединение. В последние десятилетия утвердилось и иное понимание джамаатов, а именно как политико-организованной конфессиональной общности. В основе такого понимания джамаатов лежит политизированный ислам фундаменталистского толка. Такой джамаат ставит перед собой политические цели, он жестко структурирован и в условиях Северного Кавказа выступает первичной ячейкой террористической боевой организации. При любом из приведенных положений джамаат не является базовым институтом гражданского общества, тем более он не может предстать как эффективная форма организации гражданского общества.

Гражданское общество в России сегодня формируется как буржуазное общество, тесно взаимодействующее с политическим государством, продвигающимся к своему правовому состоянию. И в этом движении надо полагаться не на возрождение архаических форм патриархальной организации общества. Институты гражданского общества должны вызревать и возникать в недрах самого общества, являться выразителями потребностей и интересов различных социальных слоев. Структурные элементы гражданского общества сами должны существовать в правовом поле государства и обладать возможностью контролировать органы государственной власти, убеждая и принуждая их функционировать в том же правовом пространстве.

Библиографический список

1. Гусейнов, А. А. Философия, мораль, политика / А. А. Гусейнов. М.: «Академкнига». 2002. 304 с.
2. Яхьяева, А. М. Правовые проблемы становления гражданского общества / А. М. Яхьяева. Махачкала, ИПЦ ДГУ, 2011.

УДК 32.019.51:316.66
ББК 66.6,5

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ИНСТИТУТАМИ

М. В. Бейлин

Аннотация. В статье манипулятивность политики определяется через практическое выявление спектра действий, скрывающих механизмы воздействия на психику человека. Отмечается, что скрытое управление поведением широких масс осуществляется принудительным способом, путем преднамеренного формирования ложных целей, желаний, намерений, установок. Из-за нехватки знаний и низкого уровня политической культуры у индивидов формируется неадекватное, деформированное отношение к общественно-политической действительности.

Ключевые слова: политические манипуляции, деформации сознания, социальные институты, контроль, социальное принуждение, риски, фобии, стрессы, идеология.

POLITICAL MANIPULATION IN THE SOCIAL INSTITUTIONS MANAGEMENT

M. V. Beylin

Abstract. The author of the article determines manipulative policy as the practical finding of actions, which mean the influence on the human psyche. It is noted that the ulterior control of the masses' behavior is exercised in involuntary way, through the deliberate formation of goals, desires, intentions, attitudes. Due to the lack of knowledge and low level of political culture of individuals inadequate attitude to the socio-political reality is formed.

Key words: political manipulation, deformation of consciousness, social institutions, control, social compulsion, risks, phobias, stress, ideology.

Манипулятивный характер современной политики и, как следствие, возникновение деструктивных тенденций, влияющих на психику человека, нарушают баланс в сфере управления социальными институтами. Современные кризисные явления, пронизывающие глобальное социальное пространство, нуждаются не только в объяснении с целью предотвращения этих деструктивных проявлений в сфере сознания, но и требуют нейтрализации или хотя бы компенсации. Поэтому особенно важной становится проблема зависимости сознания от разного рода политических вызовов и потрясений. В условиях мирового финансового кризиса неизбежным становится вопрос об ответственности аналитиков, экспертов, экономистов, политиков, рекламистов и представителей mass-media, которые анализируют и обсуждают перспективы человечества. Основные психологические проблемы, связанные с деформацией сознания в контексте развертывания мирового экономического и политического кризиса, возникают из-за того, что любой «кризис» выглядит «привлекательным для жонглирования» им политиками или финансистами для удовлетворения своих интересов, а манипулятивно преподносимые факты и цифры способны существенно дезориентировать людей. Намеченное создание «информационного хаоса» и

«информационного шума», в котором тонет значимая информация, создает у неподготовленного потребителя электронных и печатных СМИ противоречивые впечатления о неконтролируемости экономических и политических рисков, приводя к разочарованию и фрустрации массового сознания, стрессу и даже суицидальным реакциям.

Политические манипуляции порождают многочисленные риски в сфере управления социальными институтами, вызывая деформацию сознания людей. На важную структурную характеристику современных обществ указал Ж. Рансьер, рассматривая «управление без политики», используя для описания этой модели метафору «пастух, ведущий свое стадо» [14, с. 35]. Проблема деформации сознания наиболее основательно была проанализирована З. Фрейдом [6]. Они обратили внимание на деструктивные психические процессы, происходящие в результате имеющих место в обществе негативных политических тенденций. З. Фрейд заметил, что в худшем случае поведение массы в большей степени похоже на поведение стада диких зверей, чем на поведение людей [7, с. 27], и пришел к выводу, что личность может гармонично развиваться и чувствовать себя самодостаточной, если общество будет производить такую систему ценностных координат, в которой она могла бы чувство-

вать себя комфортно. Искусство манипулирования сознанием зависит от способности власти «зацепить необходимые струны в нужное время». Общественное назначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – членам общества – необходимость «политически верных» действий и/или оценок. То есть целью политического дискурса является убеждение или формирование почвы для убеждения и побуждения к действиям [12, с.104]. М. Чукес подчеркивает, что в основе политических манипуляций лежит стремление представить узкие меркантильные интересы как отвечающие потребностям и стремлениям всего общества [13, с. 35].

История красноречиво подтверждает, что периоды экономического или политического деkadанса всегда сопровождалась массовыми психическими расстройствами. Здесь следует заметить, что наряду с кризисными тенденциями, которые наблюдались в экономической, политической, интеллектуальной и других сферах, такие отрасли медицинского знания, как психиатрия, психодиагностика и психоаналитика достигли высокого уровня развития в XX веке. Современный изменчивый политический мир выглядит трансгрессивно, учитывая многочисленные войны, катаклизмы и политические конфликты. С появлением психоанализа, который способствовал лучшему пониманию происходящих в человеческой психике процессов, а также предложил процедуры лечения неврозов и других психических расстройств, возникли и определенные проблемы. М. Фуко отмечает, что общество находится под различными формами контроля, включая медицинский [11, с. 75]. Впервые, медицина, особенно в европейском обществе, действительно установила своеобразный контроль над гражданами, обеспечив практически каждого, кто в состоянии позволить себе персональные психоаналитические тренировки, персональным психоаналитиком, который устанавливает диагноз и предлагает рецепты от всевозможных стрессов. Таким образом, практически все граждане превратились в потенциальных пациентов. О мощном влиянии медицины на человеческое сознание М. Фуко писал в своей книге «Горящий ум» и указал на взаимосвязь психоанализа и католической церкви. Он подчеркивал, что именно церковь ввела индивидуализированные и принудительные механизмы контроля и дискурса (он понимает их в качестве инструментов воздействия на сознание) [10, с.265]. Также М. Фуко отмечает, что природа как конкретная форма «непосредственного» обладает фундамен-

тальной способностью излечивать безумие. Именно ей подвластно освобождать человека от подаренной ему свободы. Возвращаясь к природе – вернее, к той циклической природе, из которой изгнаны и неконтролируемые желания, и нереальность фантазий, – человек, безусловно, освобождается от социального принуждения (от тех оков, которые заставляют его, «высчитывая, подводить итог относительно своих мнимых удовольствий, которые являются таковыми лишь по названию») и неконтролируемого движения страстей [9, с. 399]. Во-вторых, как только в повседневную практику общения из психоанализа вошли термины: «фобия», «стресс», «фрустрация», «депрессия», – человек сразу прибег к «самодиагностике» и «самолечению», приписывая себе все симптомы этих заболеваний. В большинстве случаев они вызывают серьезные неврозы, возникающие из-за того, что накопленная индивидом мощная негативная энергия не находит выхода. В последнее время «фобий» становится все больше, и значительное их количество порождено искусственно. В привычных для него условиях человек чувствует себя некомфортно: его могут угнетать экономические реалии, он может терять привычные источники дохода, имущество, он вынужден привыкать к некачественным продуктам как питания, так и массовой культуры. Современные политические реалии также не способствуют самоуспокоению, а внедрение новых информационных технологий в политическом медиа-пространстве обостряет состояние фрустрации. Так, негативные новости могут вызывать у человека острые негативные эмоции, которые, если они устойчиво завладевают психоэмоциональной сферой человека, способны превращаться в фобии и вводить его в стрессы, которые становятся одной из причин критических ситуаций. Они вызваны теми социальными обстоятельствами, которые заставляют индивидов приспосабливаться к совершенно новым требованиям жизни, а также противоречат существующим установкам и стереотипам поведения. Современный человек все чаще нуждается в квалифицированной помощи, поскольку не может справиться со своими проблемами самостоятельно. Он становится зависимым не столько от внешних обстоятельств, сколько от образа зависимости, от неспособности принимать решения, от потери силы духа. И именно это заставляет серьезно задуматься над тем, какую на самом деле цель преследуют политики и чиновники? Э. Фромм не случайно предупреждал о появлении «общества невротиков» и указывал на интенсификацию деструктивных проявлений в че-

ловеческой психике [8, с. 228]. Обесценивание традиционной культуры, подмена понятий в сфере идеологии, невозможность идентифицироваться в профессиональном плане приводят к потере способности социализироваться. В таких условиях человек постепенно превращается в социопата.

Современный мировой экономический кризис, а также кризисные явления в политике порождают критические ситуации, несущие опасность для большей части населения планеты, поэтому пессимистические прогнозы политических экспертов относительно недалекого будущего вызывают у людей страхи. Это означает, что следует четко отделять реальные показатели экономических и политических угроз от различных мыслей и предположений относительно кризисных вызовов. Их очень часто высказывают чиновники, музыканты и прочие особы, имеющие возможность высказываться публично. Зачастую они скорее позиционируют себя в качестве экспертов, чем являются таковыми, но своими высказываниями они создают представление о кризисе, а их предположения превращаются в спекуляции и манипуляции сознанием. Прогнозы же напоминают «паутину из интерпретаций». П. Рикер предложил понимать «интерпретацию» так же широко, как и символ. Так, интерпретация – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении значений, которые коренятся в буквальном смысле [4, с. 51]. Философский дискурс также наполняется понятиями, которыми обозначаются те или иные кризисные явления в глобализованном социуме (примером являются термины «трансгрессия», «бифуркация», «трансформация», «эко-риски», «эко-будущее» и т. п.). Кризис рассматривается как процесс перестройки, трансформации социальных практик в условиях глобализации, как разрушение старого на пути к новому. «Кризис» как термин приобретает негативный оттенок, хотя как явление он предстает как неотъемлемая составляющая социального развития. И какой бы сферы общественной жизни или социальной практики не коснулись изменения, впоследствии они отобразятся и в других сферах или практиках, поскольку все они взаимосвязаны. Это означает, что экономический кризис и кризис в сфере мирового хозяйства обязательно влечет за собой культурный и, как следствие, духовный кризис.

Экономический кризис вызывает необратимый деструктивный характер изменений в политической области. Это рождает нестабильность, массовые неврозы и, как следствие, про-

воцирует войны и революции. Термин «кризис» приобретает свое отрицательное значение из-за наличия деструктивных процессов в психике людей. Такие явления наблюдаются психологами в переходные моменты или в периоды становления (социальные революции, войны, природные катаклизмы, изменения парадигмальных и мировоззренческих основ в связи с научными открытиями и т.п.). Трансгрессивный характер изменений проявляется в современном политическом социуме, их непредсказуемость также негативно влияет на человеческое сознание, трансформируя его. Трансгрессия (от лат. *transgressio*) означает переход за пределы допустимого, известного, прежде освоенного, нарушение нормы, меры. Итак, деформация сознания происходит из-за репрессивных манипуляций с ним, которые осуществляются путем внедрения политических идеологий или конкретных политических технологий, а также через другие внешние воздействия (сюда включается потеря человеком доходов и сбережений, обесценивание продуктов его труда, страх потери работы; потеря жилья из-за неспособности платить кредиты; страх из-за ожидания последствий политического кризиса и вследствие того, что СМИ пророчат, что кризисные явления будут глубокими и долговременными и т. д.). Однако наиболее угрожающей формой манипуляции сознанием является «семантический террор». Искусственное усиление страха является чрезвычайно опасной тенденцией. Ведь страх выступает как эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида.

О том, что глобальный экономический кризис становится все более вероятен, за несколько лет до его начала предупреждал ряд экономистов и политологов. Все большие сомнения вызывала устойчивость американской «финансовой пирамиды», рождающей триллионные долги на фоне сокращения реального сектора экономики США. Учитывая то, что кризис мирового хозяйства – это глубокое расстройство всего хозяйства, которое вызвано его внутренними противоречиями и свидетельствует об объективной необходимости существенной перестройки основных принципов и механизмов его функционирования, следует ожидать радикальных изменений в глобальном масштабе. Эти изменения могут существенно повлиять и на архетипные формы сознания. В определенной степени кризис культуры уже начался. Последний следует понимать как разрыв преемственности в развитии традиций, обычаев, ценностных ориентаций; угасание или потерю идеалов; отсутствие жиз-

ненных перспектив. Очень часто кризис культуры обусловлен резкими изменениями, реформами, переворотами в социально-политической сфере и в идеологической жизни общества. Потеря духовности приводит к разрушению культурных основ и, как следствие, к вымыванию нравственных ценностей. В интеллектуальных кругах сегодня идут острые дискуссии именно о кризисе духовности. Сфера знания также претерпевает существенные изменения, бифуркационные процессы (латинском *bifurcatio* – раздвоенный) проявляются здесь через разветвление путей и возможностей научного исследования, направлений развития: появление значительного количества прикладных наук, методологический кризис в сфере философии и этики, кризис рациональности и ситуации несовпадения исторического и логического, синергетическое течение политических событий. Действительно, манипуляция сознанием в политической плоскости сегодня становится нормой жизни. Популярные сегодня политические технологии продуцируют многочисленное количество терминов и метафор, посредством которых можно описать различные политические явления. Заслуживает внимания метафора «темные времена», призванная изобразить современное состояние мировой экономики. В. Вельш подчеркивает, что не случайно сегодня успешные авторы апеллируют в своих статьях преимущественно к позднему, полиморфному Средневековью. Это означает, что они ищут в прошлом то, чего человек желает от будущего. Поэтому «дальнее зеркало» по имени Средневековье выглядит как довольно темное или местами тусклое [1, с.78–79]. Мировой экономический кризис иногда сравнивают с «темными временами» эпохи Средневековья, которые существенно отделили во времени триумф технического прогресса. Однако, с другой стороны, в тех исторических условиях научная мысль и нуждалась в определенном упадке, поскольку человечество еще не было готово (прежде всего, морально) пользоваться техническими благами и контролировать оружие массового уничтожения. Несмотря на «упадок», эпоха Средневековья была также величественной и плодотворной, ведь подарила человечеству основы христианской морали, силу божественного откровения и, главное, веру в трансцендентное благо. В основе же глобальной экономики и политики лежат сугубо меркантильные интересы владельцев крупнейших банков и корпораций. Поэтому эпоху Средневековья нельзя назвать только регрессивной, а мировой экономический кризис нельзя сводить к средневековым «темным временам». Вместе с

тем такие сравнения приводят к появлению устойчивых стереотипов и укореняются в массовом сознании.

Современные средства массовой информации в подавляющем большинстве политически ангажированы и не способны быть свободными и объективными источниками информации. Однако от степени их объективности зависит качество информации политического характера, которую они распространяют в больших объемах в процессе своей деятельности. Недаром сегодня СМИ активно применяют технические устройства для трансляции политических новостей на большие расстояния и таким образом существенно влияют на сознание широких масс людей. Следовательно, можно утверждать, что кризис духовности, который четко проявляется в политической плоскости через амбивалентность политики и морали, связан с отсутствием сознательного подхода к решению насущных проблем человечества. Г. Ломан предполагает, что политический процесс принятия решений сам должен соответствовать цели удовлетворения прав человека [3, с. 86]. Принятие решений – это особый вид деятельности, который предусматривает и особую меру ответственности. О. Гюффе отмечает, что даже в демократических обществах существует напряжение – дискуссия между духом демократии и буквой закона [2, с. 220]. Приемлемый баланс между ними устанавливается при наличии у политиков определенного набора соответствующих моральных ценностей. Сегодня признаки разрушения и упадка проявляются во всех сферах общественной жизни, однако их характер в различных политических сообществах несимметричен. Единственным выходом из этой ситуации является нахождение универсальных нравственных и духовных ценностей. Сущность власти изменяется, и происходит переход от общества государств к транснациональному и функционирующему в общепланетарном масштабе гражданскому обществу. Отмечается растерянность и потеря человеком XXI в. ориентиров перед лицом новых угроз, которые обозначились в результате разрушения господствующих идеологий, «размытия» границ и образования нового политического миропорядка.

Политическое системно влияет на развитие социальной реальности и выполняет регулируемую функцию, выступая механизмом управления социальными институтами. Вследствие рациональных действий человека, внедрения стратегически важных для него жизненных программ, идея управления и принцип системности были искусственным способом экстраполирова-

ны в плоскость политической реальности. Эти идеи материализовались в виде различных технических средств и способов реализации политической власти. Манипулятивность политики определяется через практическое выявление спектра действий, скрывающих механизмы воздействия на психику человека. Манипулирование является одной из форм политического влияния, при котором массовое сознание воспринимает политическую действительность рационально или иррационально, а объектом такого воздействия является, прежде всего, ценностно-информационная составляющая человеческого сознания. При этом манипуляция осуществляется с целью трансформации сознания, установления контроля над ним, фиксации в индивидуальном и общественном сознании необходимых политических стереотипов, мифов, которые в определенный момент времени автоматически введут в действие механизмы бессознательного. Человеческая психика воспринимает политические процессы сознательно или бессознательно, однако политическое влияние осуществляется путем активизации бессознательного. Политическая манипуляция выступает высокотехнологичным процессом и имеет инновационный характер. Она предусматривает запрет критического отношения к политическому процессу; сокрытие достоверной информации и переориентацию на ложь; инспирации провокаций и конфликтов между участниками политической коммуникации; маскировку истинных намерений; мимирию в зависимости от политической обстановки. В результате из-за нехватки знаний и низкого уровня политической культуры у индивидов формируется неадекватное, деформированное отношение к общественно-политической действительности. Учитывая тотальную манипулятивность глобальной политики, конструктивный диалог в области политики, экономики и бизнеса пока невозможен. Поскольку политика и экономика глубоко проникают во все без исключения сферы социального, то политика предусматривает укрепление власти и усиление контроля, а экономика – осуществление управления и получение прибыли. Поскольку эти институты объединились на пути к освоению глобального рынка ресурсов, то коммуникация устанавливается односторонне, в интересах мировых монополий. Признаками присутствия политического в бытии социального выступают проявления власти, контроля, силы, влияния, принуждения, которые выступают также и центральными категориями политического. Власть может существовать в нескольких ипостасях: как инструмент управления

и как способ применения силы. Она может влиять на объекты с целью их организации, реорганизации и благоустройства. В качестве инструмента, посредством которого осуществляется контроль, политическая власть сохраняет наличную систему политических отношений целостной. Для того чтобы установить порядок и баланс в такой системе, власть должна действовать конструктивно и продуктивно. Если же иная политическая система становится нестабильной, то это означает, что контроль над ней постепенно утрачивается, а влияние ослабевает.

Библиографический список

1. Вельш, В. Наш постмодерный модерн [пер. з нім. А. Л. Богачова, М. Д. Култаєвої, Л. А. Ситніченко]. К.: Альтерпрес, 2004. 328 с.
2. Гьофе, О. Розум і право. Складові інтекультурного правового [пер. з нім. Л. А. Ситніченко, М. Д. Култаєвої]. К.: Альтерпрес, 2003. 264 с.
3. Ломанн, Г. Права людини між мораллю і правом // Філософія прав людини ; за редакції Ш. Госепата та Г. Ломанна; [пер. з нім. О. Юдіна та Л. Доронічева]. [2-ге вид.]. К.: Ніка-Центр, 2012. 320 с.
4. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовина]. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
5. Стівенс, М. Виробництво новин: телебачення, радіо, Інтернет [пер. з англ. Н. Єгорова; наук. ред.: А. В. Яковець]. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. 407 с.
6. Фрейд, З. Лекции по введению в психоанализ: Сб. произведений [пер. с нем.]. М.: Апрель-Пресс, Изд-во: «Эксмо-Пресс», 2001. 528с.
7. Фрейд, З. Тотем и табу [пер. с нем.]. М.: АСТ: «АСТ МОСКВА», 2009. 317 с.
8. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности [пер. с англ. Э. М. Телятникова, Т. В. Панфилова]; худ. обл. М. В. Драко. Мн.: ООО «Попурри», 1999. 624 с.
9. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху [пер. с фр. И. К. Стаф]. М.: «АСТ МОСКВА», 2010. 698 с.
10. Фуко, М. Пылающий разум // К. Г. Юнг, М. Фуко. Матрица безумия. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 384 с.
11. Фуко, М. Рождение клиники [пер. с фр. А. Ш. Тхостова]. М.: Академический Проект, 2010. 252 с.
12. Bayley, P. Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches // G. Rag-

azzini, D.R.B.P. Miller eds. Campaign Language: Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Elections 1984. Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77–174.

13. Choukas, M. Propaganda Comes of age. Washington, 1975. 210 p.

14. Ranciere, J. Hatred of Democracy. London & New York : Verso, 2006. 106 p.

УДК 32.019.51

ББК 66.6,5

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСАХ

В. Н. Власова

Аннотация. Статья посвящена речевому воздействию в политическом и социокультурном дискурсах. Основное внимание уделено функционированию речевого воздействия в политическом дискурсе. Рассмотрены основные характеристики речевого воздействия, а также произведен анализ политического дискурса. Описаны различные научные подходы к феномену речевого воздействия, рассмотрены суггестивные тактики речевого воздействия, применяемые в политическом дискурсе как механизмы манипулирования сознанием реципиента.

Ключевые слова: речевое воздействие, речевая агрессия, речевое манипулирование, политический дискурс, предвыборный дискурс, социокультурный дискурс.

LINGUISTIC MANIPULATION IN THE POLITICAL AND SOCIO-CULTURAL DISCOURSES

V. N. Vlasova

Abstract. The article is devoted to linguistic manipulation in the political and socio-cultural discourses. The main attention is paid to the functioning of linguistic manipulation in the political discourse and to basic characteristics of linguistic manipulation and the analysis of political discourse. The author describes various scientific approaches to the phenomenon of linguistic manipulation, considers suggestive tactics of linguistic manipulation used in political discourse as mechanisms of manipulation with consciousness of the recipient.

Key words: linguistic manipulation, hostile rhetoric, verbal manipulation, political discourse, electoral discourse and cultural discourse.

Современную жизнь невозможно представить вне политики. Именно поэтому изучение политического дискурса в последнее десятилетие становится все более актуальным. Политический дискурс, безусловно, имеет свои особенности, обладает своими тактиками и приемами воздействия на электорат. В своей работе мы стараемся не только назвать основные речевые суггестивные тактики, но и объяснить, как они работают. Речевое воздействие вследствие актуальности юрислингвистики как науки в последнее время привлекает внимание многих исследователей. Однако, несмотря на это, в методической литературе нет ее единого терминологического обозначения. Наиболее часто используются такие термины как речевое воздействие и вербальное воздействие. В своей работе мы будем использовать термин «речевое воздействие», так как, на наш взгляд, он наиболее полно отражает суть проблемы по следующим причинам:

1) В центре внимания стоит лингвистический подход к исследуемому вопросу, т. к. «вер-

бальное воздействие» – это психологосоциальный термин, при помощи которого описывается, в первую очередь, эмоциональное состояние индивида. При анализе речевых произведений, на наш взгляд, целесообразно отказаться от этой терминологической единицы, т. к. речь идет именно о проявлениях речевого воздействия, представленного как в устной, так и в письменной речи.

2) Слово «вербальный» определяется как устный, словесный, в то время как термин «речевой» подчеркивает актуализацию компонента, выражаемого в устной форме.

3) В языковедческой терминологии чаще используется термин «речевой» («речевой акт», «речевое поведение», «речевая тактика», «речевая стратегия»), и термин «речевое воздействие», в отличие от «вербального воздействия», не вносит диссонанс в данный терминологический ряд.

Феномены речевого воздействия относятся к проблемам юрислингвистического пространства. Оценивание юридической силы речевых

действий, являющееся объектом актуальной и стремительно развивающейся комплексной дисциплины – юрислингвистики, должно распространяться и на феномены речевого воздействия. До сегодняшнего дня манипулятивные методы могли избежать разоблачения и наложения правовых санкций. Как справедливо утверждает И. В. Беляева, «из-за недостаточной изученности инвективного функционирования языка и принципов его соотнесения с правовой сферой так называемые “лингвистические преступления”, как правило, остаются безнаказанными, а инвективные конфликты неразрешенными. Юридическое разрешение этих конфликтов затруднено вследствие неразработанности и несистематизированности инвективной стороны языка, отсутствия специализированного словаря, описывающего инвективную лексику именно с точки зрения юридической лингвистики, а также правовых механизмов, которые учитывали бы как стихийные закономерности естественного языка, так и систему правовых норм» [2, с. 73].

С позиции коммуникативного взаимодействия речевое воздействие является своего рода установкой говорящего на антидиалог в широком смысле слова. Данный тип речевого поведения можно охарактеризовать с двух сторон. Во-первых, это сознательное желание адресанта использовать прагматическую направленность речевого акта, т. е. субъектно-объектный тип отношений, выражаемый с помощью содержания высказывания и посредством деструктивных форм речевого поведения. Во-вторых, в агрессивном общении, вне зависимости от типа коммуникативного акта, должно присутствовать выражение негативного отношения либо к адресату, либо к предмету речи, т. е. общение переходит в аффективный вектор.

Феномен речевого воздействия в научно-методической литературе также не получил однозначного определения в аспекте категориальной принадлежности. Существует ряд подходов к рассмотрению соотношения речевого воздействия, речевой агрессии и речевого манипулирования. По традиции данные понятия рассматриваются в системе коммуникативного воздействия как деструктивные явления. Однако существует противоположная точка зрения.

Например, К. Ф. Седов, создавая типологию форм манипуляции, определяет понятие речевого воздействия как форму коммуникативного воздействия, направленного на фрустрирование адресата через достижение отрицательного эмоционального состояния. В качестве одной из типичных ее разновидностей автор отмечает

скрытую речевую агрессию, которая проявляется посредством различных речевых тактик в речевом жанре «ссора» (ввод имплицитной информации, коммуникативный саботаж, колкость, злая шутка и т. д.) [7, с. 62].

Одной из основных сфер использования речевого воздействия является политический дискурс. Политический дискурс – это особый речевой акт, которому присущи черты эмоционального настроя, призыва и побуждения к действию, а также убедительной позиции кандидата. На основании общих целей он пересекается с такими риторическими жанрами, как агитационный, аргументирующий, информирующий, художественный и риторический. [3, с. 32]. Политический дискурс обладает высокой общественно-политической значимостью и относится к числу сложных коммуникативных образований. В. И. Карасик выделяет следующие его составляющие:

- участники – кандидаты на определенную должность и их избиратели;
- хронотоп – предвыборная кампания, при этом включается не только время ее проведения, но и время подготовки;
- стратегии проведения дискурса (манипулятивная и аргументивная), а также ряд их тактик;
- тематика дискурса, наиболее актуальные для избирателей проблемы, а также их ценности [5, с. 164].

Исследователи выделяют следующие коммуникативные особенности данного типа дискурса:

- институциональность как обязательный атрибут политической коммуникации;
- конвенциональность, реализуемая посредством определенных семантических форм (идиомы, клише);
- идеологичность как средство выражения идеологии;
- полисубъектность, которая обеспечивается участием нескольких кандидатов;
- публичность как одна из главных составляющих: действие избирательной кампании направлено на электорат;
- оценочность (наличие оценки избирателями, оппонентами и самими кандидатами – самооценка);
- информативность как важнейший компонент борьбы;
- агитационность, определенная направленностью политического дискурса на оказание влияния на избирателей;
- манипулятивность, обусловленная прагматической целью избирательной кампании [8, с. 119–121; 9, с. 184–185].

Пожалуй, центральной составляющей политического процесса является политическая реклама, которую можно определить как главную форму политической коммуникации. Ее ядром является адресное речевое воздействие на электорат, имеющее целью преподнести идею партии или кандидата в максимально доступной, лаконичной, эмоциональной и легко запоминающейся форме и внедрить в массовое сознание определенное представление о них. Политическая реклама также направлена на создание желаемой психологической установки, предопределяющей выбор реципиента. Она вбирает в себя знания из сферы политических наук, общей теории рекламы, а также экономической сферы, представленной такой специфической отраслью знания, как маркетинг [4, с. 95]. Не менее важным для создания эффективной политической рекламы является наличие знаний в области психологии, социологии, НЛП и теории массовой коммуникации, так как ее цель – влияние на массовое сознание. Таким образом, можно предположить, что политическая реклама представляет собой дифференцированную, многоцелевую, многофункциональную форму политической коммуникации в условиях осуществления политического выбора. Она предполагает в лаконичной, легко запоминающейся и оригинальной форме адресное воздействие на многочисленные электоральные группы.

Политическая визуальная пропаганда занимает одну из центральных позиций в структуре политических технологий в целом и политической рекламы в частности. Феномен визуального образа принадлежит пространству политико-культурных феноменов. Визуализация политического дискурса осуществляется с помощью мультимедийных средств, т. е. визуальных посредников, способствующих передаче политического сообщения. Визуализированные политические объекты путем символического кодирования включаются в замкнутый смысловой мир политики, при этом именно визуальные средства определяют политическую реальность [11, с. 5]. Однако не следует забывать, что визуальный образ не отражает объективную действительность (и это относится даже к фиксирующей реальность фотографии), но символически конструирует политический мир. При этом фотографии и телекартинки политических объектов, видеоряд любой видеопродукции на политическую тему (имиджевого фильма, политической рекламы), многочисленные электронные медиа, выполняющие политические функции, и т. п. репрезентации конструкторов или «фактов» визуальной со-

ставляющей политической реальности могут нами пониматься как политико-культурные «тексты», которые «считывает» коллективная личность.

В данной работе мы рассмотрим наиболее распространенные виды – политический агитационный плакат и политический ролик.

Политический плакат по праву считается одним из наиболее популярных и эффективных типов агитационной продукции. Он представляет собой сложное креолизованное образование, в котором эффект воздействия достигается через корреляцию вербальных и невербальных средств [10, с. 14]. Плакат – достаточно эффективное средство агитации, так как его действие не ограничено по времени, и многократность восприятия зрительного образа лишь подпитывает эффект. Политический плакат рекламирует определенного кандидата и агитирует голосовать именно за него. Этому в значительной степени способствуют заглавия плакатов, в частности их синтаксическая структура и ее лексическое наполнение, напрямую зависящие от плакатного жанра [6, с. 96].

Обычно агитационный плакат представляет собой крупноформатный полноцветный продукт, ориентированный на эмоциональное воздействие, при этом визуальный ряд зачастую преобладает над вербальным. «Плакат сначала захватывает зрительное внимание, в плакатных формах смысл становится изображением. Поэтому язык плакатных образов может «работать» как редуцирующий механизм, переводя политическую информацию на уровень обыденного понимания масс. В основе политического плаката лежит зрительный образ, при этом текст лишь дополняет изображение, помогая направить чувства и мысли реципиента по нужному пути. Однако вместе текст и визуальный ряд всегда образуют единый контекст, усиливают друг друга, делая идею плаката ясной и четкой. При этом текст служит не только пояснением, он воспринимается как призыв к действию: голосуй за нашего кандидата. Функцию убеждения плакату помогают выполнить паралингвистические средства: графическая сегментация текста и его расположение на бумаге, использование пробелов, цифр и символов, варьирование длины строки, шрифт, цвет, курсив, разрядка, подчеркивание. Сюда же можно отнести необычную орфографию слов и расстановку пунктуационных знаков, а также другие средства, набор которых не является жестко фиксированным и меняется в зависимости от характера конкретного текста.

Следует также отметить, что политическая информация плакатов и листовок вплетается в

«текст» городского пространства, поэтому эти сообщения общедоступны, их действие не зависит от работы телевизора, в отличие, к примеру, от политического ролика. Реципиентами невольно являются все жители города, так как плакаты окружают их повсюду, и они не могут их не видеть. Что касается изображения, представленного на агитационных плакатах, принято выделять следующие его функции:

- аттрактивная функция состоит в привлечении внимания реципиента, а также включении изображения в организацию визуального восприятия текста;

- информативная функция заключается в передаче информации, важной для понимания идеи плаката;

- экспрессивная функция направлена на формирование нужного адресанту эмоционального настроения реципиента и закладывание в его память необходимых чувств, связанных с идеей плаката;

- эстетическая функция заключается в воплощении художественного замысла, а также в активизации наглядности образа.

Исследователь пропаганды Леонард Дуб утверждает, что большинство реципиентов считают плакат аутентичным отображением действительности. Таким образом, агитационный плакат является одним из наиболее эффективных способов воздействия на реципиента.

Типичным является использование изображения, на котором представлен портрет кандидата. Политический портрет предлагает реципиенту вариант внешнего облика лидера, прямую или косвенную характеристику его личных качеств, фрагменты биографии, общезначимой деятельности и в том или ином объеме – программу. Портрет хорош для привлечения внимания части электората, незнакомой с претендентом, для внушения симпатии к нему колеблющихся избирателей. Не менее ярким и гораздо более распространенным средством выразительности является рифма.

Рифма очень часто используется в рекламе вообще и в политическом слогане в частности, так как рифмованный текст легко запоминается и обладает высокой воспроизводимостью. Таким образом, шрифт выполняет аттрактивную и смысловыделительную функции: заставляет реципиента не только обратить внимание на слоган, но и запомнить его, поверить ему и, как следствие, проголосовать за нужного кандидата.

Политический ролик по сравнению с политическим плакатом, на наш взгляд, более эффективен, так как аудиовизуальная реклама дей-

ствует больше каналов восприятия. К тому же транслирование предвыборных роликов посредством телевидения и сети Интернет обеспечивает массовость их просмотра. Более того, создается так называемый эффект присутствия: реципиент чувствует максимальную приближенность к событиям ролика, включенность, следовательно, доверяет представленной в нем информации. Политический ролик имеет ряд жанровых особенностей. Обычно он представляет собой непосредственное обращение претендента к избирателям, построенное по законам публичной речи и содержащее основные предложения кандидата.

Специфика политических дебатов формируется за счет особых ситуативных условий: это устная спонтанная речь в ее диалогической форме в ситуации непосредственного общения, но с дистанционным и пассивным истинным адресатом. Субжанры предвыборных дебатов – это программная речь, речь в прениях и предвыборное обращение кандидата. В программной речи кандидат излагает собственную позицию по определенным вопросам. «Речь в прениях – это выступление, в котором оратор формирует определенную точку зрения на предмет речи, убеждает в предпочтительности или преимуществах предлагаемой точки зрения перед другими возможными или имеющимися» [1 с. 328], при этом речь в прениях рождается спонтанно в ходе непосредственного диалога оппонентов. Предвыборное обращение кандидата, завершающее дебаты, обычно коротко, в нем тезисно изложены основные постулаты программы и содержится непосредственное обращение к электорату с целью побудить его предпочесть на выборах данного кандидата. Таким образом, особенности дебатов как сложного речевого события обуславливают не только определенный набор жанров и их субжанров, но и соотношение в них творческого начала и стандарта: в программной речи наиболее ярко проявляется творческая индивидуальность говорящего, в речи в прениях – тип языковой личности, а обращение к избирателям строится по шаблону.

Таким образом, в политическом и социокультурном пространстве достаточно актуальна проблема феноменов речевого воздействия. Наиболее презентативным является их проявление через содержание высказывания и деструктивные формы речевого поведения. При этом не всегда учитываются особенности типа коммуникативного акта. Для агрессивного речевого общения характерна направленность в аффективный вектор: присутствует выражение негативного отношения либо к адресату, либо к предмету речи.

Решающую роль при квалификации речевого акта как содержащего речевую агрессию играют социальные характеристики коммуникантов, их статусные и позиционные роли, цели, мотивы, потребности, отношение друг к другу, т. е. социальный компонент является наиболее значимым.

Библиографический список

1. Анисимова, Т. В. Современная деловая риторика / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. М.: Воронеж, 2004.
2. Беляева, И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты / И. В. Беляева. Ростов-на-Дону, 2009.
3. Гайкова, О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гайкова О. В. Волгоград, 2003.
4. Грачев, М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: монография / М. Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002.
6. Нефедов, И. В. Некоторые особенности синтаксической структуры заглавий дореволюционных и советских плакатов / И. В. Нефе-

дов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. №1.

7. Седов, К. Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной личности / К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2004.

8. Филинский, А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Филинский А. А. Тверь, 2002.

9. Хазагеров, Г. «Аргументы ad hominem, или «Ты меня уважаешь?» / Г. Хазагеров // Социальная реальность. 2006. № 10.

10. Халатян, А. Б. Предвыборный дискурс / А. Б. Халатян, // Политическая лингвистика. 2011. № 2.

11. Ходус, Е. Ю. Вербальные и невербальные средства выражения экспрессивности в тексте французского политического плаката: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ходус Е. Ю. Воронеж, 2012.

12. Щербинина, Н. Г. Визуальный феномен в политической репрезентации / Н. Г. Щербинина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3, 2012.

УДК 323.1(47)
ББК 66.3(2)613-3

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР

С. С. Восканян

Аннотация. В статье рассматривается развитие национальной политики в СССР. Автор выявляет три основных этапа в ее истории, которые содержали в себе общие и отличительные черты. Наиболее динамичным был первый период, самым статичным – второй. В силу объективных и субъективных причин властям не удалось полностью решить все проблемы в национальном вопросе, что частично стало дополнительным активатором распада страны.

Ключевые слова: автономия, дружба народов, межнациональные отношения, национальная политика, статус автономий, этносы в СССР.

THE MAIN STAGES OF THE NATIONAL POLICY IN THE USSR

S. S. Voskanyan

Abstract. The article discusses the development of the USSR national policy. The author identifies three main phases in its history that included common and distinctive features. The most dynamic was the first period, the second one was the most static. Due to objective and subjective reasons, the government failed to resolve all issues in the nationalities question, which was an additional activator of the country's disintegration.

Key words: autonomy, national cohesion, interethnic relations, national politics, the status of autonomy, the ethnic groups in the USSR.

Развитие демократии и капитализма способствовало резкому подъему самосознания народов, национально-освободительным войнам и становлению национальных государств. В

XX в. межэтнические отношения превратились в один из значимых факторов, влиявших на общественные процессы как в отдельно взятой стране, так и на международном уровне. Особый статус

они приобрели в полиэтнических обществах. Россия в этом плане не была исключением. К 1917 г. национальный вопрос прочно занял свое место среди наиболее важных государственных задач, став обязательным пунктом программ многих политических партий, хотя и с дифференцированными, вплоть до полярности, подходами.

Данная проблема не была простой и состояла из ряда аспектов. Однако базовым был статус меньшинств: культурный предполагал свободное пользование родным языком, его изучение в учебных заведениях и т. д.; политический – давал возможность этносам претендовать на большее количество прав и привилегий в общественной системе и даже мире (в случае приобретения независимости). То есть от решения этой дилеммы зависела площадь страны и/или ее административно-территориальное деление. В октябре 1917 г. эта головоломка перешла к большевикам, чья национальная политика на протяжении всего периода пребывания у власти не была однозначной. В ее истории можно выделить несколько основных этапов.

Первый этап. Октябрь 1917 г. – октябрь 1964 года. Большевики, придя к власти, ясно осознавали важность вопроса, в том числе с точки зрения получения поддержки этнических меньшинств в борьбе за установление и сохранение своего режима. Именно поэтому уже 2 (15) ноября 1917 г. в качестве одного из первых, был принят декрет под названием «Декларация прав народов России», провозгласивший равенство и суверенность народов страны; их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп.

Большевистская теория и практика разрешения национального вопроса не была полностью их изобретением. Она близко смыкалась с позицией западных социал-демократов (следует напомнить, что до переименования в «коммунистическую» партия называлась «социал-демократической»). Но присутствовали и различия, причем по отдельным позициям достаточно существенные. Так, например, европейские левые, провозглашая право народов на самоопределение, его осуществление увязывали с требованиями самих этносов («снизу»), то есть с желанием национальных меньшинств, осознавших это право (доросших до него), в то время как новая российская власть предпочитала порой реа-

лизировать его и некоторые другие постулаты национальной политики «сверху», без учета мнения и готовности субъектов. Именно такое, преждевременное, претворение в жизнь, с одной стороны, позволило некоторым народам и народностям России/СССР перепрыгнуть определенные этапы своего исторического развития, а с другой – породило немало проблем. В результате, вероятно, окрыленные своими отдельными быстрыми успехами в некоторых аспектах национальной политики (создание СССР, различных автономий и т.д.), коммунисты, устами Г. Зиновьева, в Политическом отчете ЦК XIII съезду партии (май 1924 г.) пафосно декларировали: национальный вопрос урегулирован, «осталось доделать только детали», при этом признав, что проблема является «громадной важности» и ее «правильное разрешение ... – это 50 % успешного разрешения задач революции» [2, с. 42–44].

Первый этап оказался самым динамичным и противоречивым. Из основных мероприятий властей можно особо выделить следующие:

- 1) принятие независимости ряда регионов (Польша, Финляндия, Закавказье, Прибалтика, Средняя Азия и др.);
- 2) отказ от такого признания, с ликвидацией самостоятельности территорий (республики Южного Кавказа, Средней Азии и др.);
- 3) создание национально-административных единиц различного уровня, статуса и полномочий, от округа до союзной республики;
- 4) ликвидация автономий (АССР Немцев Поволжья, Калмыцкая АССР, Карачаевская АО, Чечено-Ингушская АССР и др.);
- 5) восстановление национально-административных единиц (Калмыцкая АССР, Чечено-Ингушская АССР и др.);
- 6) повышение статуса автономий (Кара-Киргизская АО – Киргизская АССР – Киргизская ССР, Молдавская АССР – Молдавская ССР и др.);
- 7) понижение статуса территорий (Карело-Финская ССР – Карельская АССР, Крымская АССР – Крымская область и т.д.);
- 8) переименование автономий (Карело-Финская ССР – Карельская АССР, Кара-Киргизская АО – Киргизская АССР и т. д.);
- 9) возвращение названий национально-административным единицам (Кабардино-Балкарская АССР – Кабардинская АССР – Кабардино-Балкарская АССР и т.д.);
- 10) территориальные размежевания, включавшие в себя выделение, отделение, объединение, разъединение, возвращение и т. д. земель автономий.

Аналогично непоследовательными были действия руководства страны по другим направлениям национальной политики, что было следствием авторитарного режима, базировавшегося на праве центральной власти на определение «кому и чего». В результате проблемы в данной сфере с разной степенью игнорировались, решались, создавались.

Второй этап. Октябрь 1964 г. – март 1985 года. Вышеназванная национальная политика продолжалась вплоть до первой половины 1960-х гг., пока шел авторитарный период Октябрьской революции. С середины 1960-х гг. начался консервативно-бюрократический этап в истории советской власти, и смещение Н. Хрущева партноменклатурой стало событием ясно и четко продемонстрировавшим его приход. Партийно-государственные верхи после почти пяти десятилетий всевозможных преобразований, трансформаций и сверхактивности устремились к одному – стабильности, причем во всех сферах и вопросах. Отныне прекратились какие-либо перекраивания административно-территориальных единиц. Теперь о межнациональных отношениях, в том числе об их истории, можно было говорить только с положительной точки зрения. Все негативное же в них в дооктябрьский период объяснялось политикой царских властей, а отдельные случаи после 1917 г. (в Грозном, Степанакерте, Тбилиси и др.) – действиями «националистических элементов, попавших под влияние буржуазной пропаганды».

Национальная политика базировалась на трех основных положениях. Первое – продолжение выравнивания уровня развития различных этносов страны. Второе – усиление пропаганды концепции интернационализма и создания единой наднациональной (гражданской) общности – советского народа. Третье – максимальное игнорирование (в том числе в информационном пространстве) существующих проблем межнационального плана. И если первые две идеи, безусловно, носили положительный характер, с точки зрения интересов всех участников общественной системы (государства, общества, этносов, индивида), то последняя – в целом отрицательный. Базовым постулатом властей, фактически, стала фраза, приписываемая одному из руководителей СССР – А. Микояну: «Не трогайте этот муравейник» [1].

Среди наиболее значимых событий, имевших негативный межнациональный оттенок, можно особо выделить следующие:

1) требования армян о передаче Нагорного Карабаха Армении (1965, 1968, 1977, 1978 гг.);

2) митинги абхазов в Сухуми против грузин за преобразование Абхазской АССР в союзную республику или ее перевод под юрисдикцию РСФСР (1967, 1978 гг.);

3) выступление ингушей в Грозном с требованием о передаче Пригородного района Северной Осетии в ЧИ АССР и националистическими лозунгами (1973 г.);

4) демонстрации грузин в Тбилиси в защиту родного языка и культуры (1978, 1981 гг.);

5) выступление представителей разных этносов (в основном не немцев) в Целинограде против образования там Немецкой автономной области (1979 г.);

6) осетино-ингушские столкновения в Орджоникидзе, переросшие со стороны осетин в антиправительственные беспорядки (1981 г.);

7) молдавано-цыганские волнения в Атаки (1982 г.) и нек. др.

Эти инциденты не были особо примечательными для межнациональных отношений, т. к. примерно идентичные явления происходили и до середины 1960-х гг., причем в отдельных случаях они приобретали более агрессивные формы (погромы, резня, этнические чистки, пик пришелся на период Гражданской войны).

Но самым противоречивым процессом стала миграция населения. Активный переезд людей разных национальностей на «чужую» землю имел двойственный результат. С одной стороны, нехватка кадров (порой, даже, низкоквалифицированных) для улучшения социально-экономической сферы отдельных регионов вынуждала власти через различные механизмы решать данный вопрос за счет представителей других уголков страны и этнических групп. Итогом становилось повышение уровня жизни коренного населения и развитие территории. Но, с другой стороны, инородцы своим прибытием меняли этно-демографическую структуру местного сообщества и по объективным и субъективным причинам медленно социализировались и инкультурировались, что порождало/усиливало взаимные ксенофобские настроения у людей, способствуя росту межнациональной напряженности. По разным каналам (КГБ, МВД, ученые и др.) партийно-государственное руководство получало достаточную информацию о существующих проблемах, однако в целом предпочитало действовать не столько в направлении профилактики «пожаров», сколько их «тушения».

Оценивая второй этап национальной политики, можно констатировать, что в целом он был также эффективным, как предыдущий. Но в то же время главным образом из-за просчетов властей

образовывались дополнительные конфронтационные точки. Наиболее остро сложились три: «русскоязычное – коренное население», «русские – «южане» (позднее – “лица кавказской национальности”) в славянских республиках», «титовская нация – остальные народы» [3].

Третий этап. Март 1985 г. – декабрь 1991 года. Горбачевская перестройка и гласность позволили советским народам открыто и громко заявить о своих проблемах. Вместе с тем решения некоторых из них представляли определенную сложность, т. к. противоречили друг другу. Так, к примеру, повышение политического статуса национального меньшинства нередко негативно воспринималось большим этносом, а тем более, когда речь шла о выходе автономии из состава административно-территориальной единицы. Кроме того, государство не готово было идти на компромиссы, а тем более требования низов. Первоначально национальная политика соответствовала стратегическому курсу предыдущего этапа – сохранение статус-кво во всем и вся, хотя ряд конфликтных ситуаций уже требовали немедленного вмешательства. Однако инфантилизм властей и радикализм отдельных групп населения в конечном итоге привели к кровавым событиям в Сумгаите, Фергане, Оше. В стране повторялась ситуация начала века – есть проблемы, но правительство запаздывает с их устранением, только теперь уже на более высоком уровне и в больших масштабах, т. к. за истекший период, с одной стороны, резко поднялся уровень национального самосознания всех этносов страны, а с другой – появились новые болевые места в межнациональных отношениях.

Недовольные пассивной позицией управленческих структур нацменьшинства обратились к имени Ленина, считая, что из всех большевистских вождей именно он был идеологом и практиком самого справедливого отношения к ним, включая реализацию такого непростого принципа, как права народов на самоопределение. Однако ни Ленин, ни кто-либо другой из последующих правителей никогда не руководствовался этим императивом, подменяя его правом властей на определение «кому чего». Фактически отсутствие опыта в осуществлении данного постулата и стало причиной того, что ни советское руководство, ни постсоветское не смогли принять и позволить этносам (СССР, Россия) осуществить этот принцип. А то, что было сделано, представляло собой лишь компромисс или не до конца

улаженную проблему (Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия).

На рубеже 1980–1990 гг., главным образом под давлением масс или политически активных групп, партийно-государственные верхи были вынуждены постепенно менять свою позицию, пойдя на уступки в некоторых вопросах.

Из основных процессов и событий третьего этапа, повлекших определенные последствия, необходимо отметить такие, как:

- 1) декларирование независимости официально признанного национального-территориального образования (союзные республики, Нагорный Карабах, Чечня);
- 2) самопровозглашение автономии или независимости территории (Приднестровье);
- 3) повышение статуса автономии, предполагавшего выход из соответствующей административно-территориальной единицы (Абхазская АССР – Абхазская ССР, Татарская АССР – Татарская ССР, ЧИ АССР – ЧИ ССР, Юго-Осетинская АО – Юго-Осетинская СР и т. д.);
- 4) объявление государственного суверенитета без выхода из территориального субъекта высшего уровня (Калмыцкая АССР – Калмыцкая ССР и др.);
- 5) создание/восстановление автономии (Крымская АССР, Ингушская Республика);
- 6) неконтролируемые выступления масс;
- 7) принятие правовых актов о реабилитации репрессированных народов, о языках народов СССР.

Таким образом, национальная политика в СССР прошла три этапа своего развития, однако полностью решить существующие в этой области проблемы властям не удалось, и они перешли в новый – постсоветский – период. Кроме того, кризис межэтнических отношений стал одним из детонаторов распада страны.

Библиографический список

1. Баграмов Э. Как делалась национальная политика // Независимая газета. 1992. 24 января.
2. РКП (б). Съезд, 13-й. Москва. 1924. Стенографический отчет. М., Госполитиздат, 1963. 883 с.
3. Шубин А.В. Перестройка (главы из исторического исследования) URL: <http://www.rodon.org/shav/p.htm#a17> (дата обращения 03.03.2017 г.)

УДК 323.21(470)
ББК 66.3(2Рос),1

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

К. М. Магомедов

Аннотация. В статье раскрываются некоторые методологические аспекты взаимоотношения государства и гражданского общества. Особенно обращается внимание на различное соотношение гражданского общества, государства и государственно-правовых структур, отмечается, что гражданское общество находится вне государства, но не вне государственно-правовых отношений. Анализируются различные модели взаимоотношений государства и гражданского общества в различных странах, показывается специфика российских гражданско-правовых отношений.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, государственно-правовые отношения, вертикальная и горизонтальная структура.

THE STATE AND CIVIL SOCIETY

К. М. Magomedov

Abstract. The article describes some methodological aspects of a state and a civil society's interrelations. The author pays attention to the different correlations of civil society, the state and state legal structures, he considers that civil society is outside the state, but not out of state-legal relations. Different models of relations between the state and civil society in different countries are examined, the specificity of the Russian civil law relations are shown.

Key words: state, civil society, state and legal relations, the vertical and horizontal structure.

В политико-правовом и социально-философском лексиконе понятия государства и гражданского общества, наверное, самые употребляемые. При этом в них вкладывается самое различное содержание и между ними складываются различные модели взаимоотношений. Одни гражданское общество считают атрибутом государства; другие, наоборот, государство – частью гражданского общества. Наверное, сосуществование таких полярных подходов – это не свидетельство незрелости социально-политической теории, а доказательство сложности и диалектичности взаимодействия государственных механизмов и институтов гражданского общества.

Да, наличие государства – важнейший признак гражданского общества; без него это понятие теряет всякий эвристический смысл. Ведь гражданское общество, как понятие и как социальный институт, имеет значение постольку, поскольку есть государство и его атрибуты. В этом плане мысль Гегеля, о том что государство – «официальное выражение гражданского общества, его политическое бытие, гарант его существования» [2, с. 211], более чем справедлива. Оно всегда должно быть орудием реализации целей гражданского общества. Но от этого государство не становится неотъемлемым элементом гражданского общества, как это представляется в ряде статей [1, с. 56–62].

Для государства быть главным субъектом формирования гражданского общества не означает стать его составной частью, элементом. Это положение лишь констатирует тот факт, что какое гражданское общество не может существовать независимо от государства и его структур. Быть *вне государственно-властных структур и быть вне государства* – это две разные вещи. Поэтому институты гражданского общества находятся вне государственно-властных структур, но не вне государственно-правового поля.

Быть субъектом какого-то формирования не обязательно предполагает внутреннее, формально-юридическое членство в его структурах. Например, Маркс, Энгельс, Ленин стали идеологами революционного пролетарского движения, не будучи сами пролетарского происхождения, менталитета и носителями соответствующей культуры. Точно так же реализуются отношения государства и гражданского общества. Государство в современных условиях становится ведущим субъектом, «приводным ремнем» действия всех механизмов гражданского общества, само не будучи его составной частью.

Иначе теряется весь смысл разделения этих понятий в науке и общественном сознании. Гражданское общество – это все то, что находится вне государственно-властных структур, но

никак не вне государства. По нашему мнению, такое разделение этих понятий почти общепризнано в научной и публицистической литературе.

В методологии познания есть два важных принципа, особенно значимых для логико-понятийного определения содержания того или иного термина:

- принцип, выраженный латинским понятием *differentia specifica*, означающий, что в содержательном определении того или иного понятия должен быть выделен существенный отличительный признак, иначе данное определение перестает быть «определением» и оно не «работает»;

- принцип, выраженный метафорой «бритва Оккама», по которому сущность не должна умножаться сверх необходимого, она должна основываться на необходимом минимуме аргументов. Приведение дополнительных аргументов, как правило, ничего не добавляет к сущности. Это, если можно так выразиться, принцип экономии мышления, сформулированный в свое время махизмом.

Если не соблюдать эти методологические правила, подлежащее определению понятие становится аморфным и предельно абстрактным в своем содержании, что снижает его эвристическую ценность.

Попытаемся применить эту методологию к анализу категорий государства и гражданского общества.

Прежде всего, необходимо отметить, что у государства и гражданского общества разная методология строения и логика сосуществования элементов: у первого – *вертикальная*, у второго – *горизонтальная*. Государство строит свою деятельность иерархически; даже есть такая метафора – «вертикаль власти», т. е. оно организует свою работу по траектории субординации: снизу вверх и наоборот.

У гражданского же общества преимущественно горизонтальная технология организации работы, без всякой властной субординации. Оно отменяет вертикально-иерархическую форму организации общества и вводит параллельный способ сосуществования людей, этносов, конфессий, диаспор, субкультур и т. д.

Поэтому у государства наличествует строго централизованное управление «от Москвы до самых до окраин», как поется в известной советской песне; у гражданского же общества доминируют механизмы партнерства и сосуществования.

В истории различных социально-политических субъектов отношения между госу-

дарственными органами и институтами гражданского общества складывались и складываются совершенно по-разному. Но можно сказать, что исторические судьбы всех государств объединяет одно обстоятельство: формирование подлинной культуры взаимодействия государства и институтов гражданского общества происходило и происходит столетиями, наверное, этот процесс перманентный и бесконечный.

Для одних стран формирование институтов гражданского общества происходило до государственного устройства; для других, наоборот, государство, сформированное раньше, создавало условия для функционирования механизмов гражданского общества; для третьих характерно одновременное возникновение институтов государства и гражданского общества.

Например, в Англии, США, Швейцарии механизмы гражданского общества действовали задолго до формирования государственности. А во Франции, Германии, Испании, Португалии, наоборот, государство укрепилось раньше, и институтам гражданского общества долго приходилось отвоевывать свои полномочия у государства.

Россия, как известно, относится к «поздним культурам», где формирование цивилизационных механизмов и осознание своей культурно-исторической самобытности и гражданского сознания происходило несколько позже, чем во многих странах. Это во-первых.

Во-вторых, в течение длительного времени определяющей социальной ячейкой, цементирующей общество в целостный организм, была крестьянская община – образование весьма еще далекое от государственно-правовых и властных отношений. Поэтому вряд ли следует относить крестьянскую общину к исторически первым структурам гражданского общества, как это иногда делают.

Хотя справедливости ради необходимо отметить, что в основе гражданского общества лежит именно общинная форма организации жизни. Если только под общиной понимать свободный от государственного принуждения способ взаимодействия людей. Это своего рода структура для формирования иммунитета от государственного давления через утверждение собственных механизмов взаимодействия людей.

Действительно, если посмотреть внимательно, то у всех составляющих гражданское общество структур мы найдем признаки общинности, с ее духом коллективизма, взаимной поддержки, жизни «не по закону, а по совести»: этносов, религиозных конфессий, различных не-

формальных организаций, общественных объединений, профсоюзов и т.д.

Нечто похожее происходило у нас в Дагестане. Если проследить историю, то можно заметить, что завоевывающая сторона была в основном заинтересована в расширении своих государственных границ и полномочий. А «культурное» же завоевание происходило не так активно, как военно-политическое. Ведь для этого и нужно было создавать институты и механизмы гражданского общества, в формировании которых правящая сторона и не была столь заинтересована.

Таким образом, получилось то, что продолжает существовать до сих пор: доминирование тоталитарных и авторитарных моделей государственного управления при чрезвычайно незрелых формах гражданского обустройства населения. В итоге мы имеем фактически существенную деформацию в пропорциях соотношения государства и гражданского общества в сторону абсолютизации удельного веса первого. Это обстоятельство объясняется рядом факторов, а именно:

- а) незрелостью и практической беспомощностью негосударственных структур общества;
- б) отсутствием устойчивых исторических традиций гражданских демократических отношений;
- в) преимущественно авторитарными методами управления всеми социальными процессами как в истории, так и сейчас;
- г) достаточно низким уровнем гражданской культуры населения;
- д) характером этнического менталитета, где автократия, власть авторитета, является его сутью;
- е) практически полным отсутствием оппозиции в экономической, политической и идеологической сферах;
- ж) более сильным социальным расслоением в республике, чем в целом стране: имущественная поляризация бросается в глаза, практически отсутствует средний класс, который, как известно, и является опорой гражданского общества;
- з) резким уменьшением доли русского населения, среди которых преобладали представители рабочего класса и интеллигенции, ведь не

секрет также их особенная роль в формировании институтов гражданского общества;

и) относительной малочисленностью и социальной пассивностью немусульманских религиозных конфессий в Дагестане, они есть и даже зарегистрированы как юридические лица и некоммерческие общественные объединения со своими уставами и программами, но их роль не так заметна.

И, наконец, главная причина недостаточной роли институтов гражданского общества – это низкий общекультурный уровень населения. Тут не идет разговор о самобытной культуре народов республики и об образовательном уровне населения. Тут, наоборот, мы впереди всей планеты, если посчитать количество людей с высшим образованием в общей массе людей. К сожалению, у нас часто неправильно понимают смысл слова «культура», связывают ее только с духовностью, с театрами, с литературой и музыкой. Культура – это все, что связано с человеческой деятельностью, значит, в ее компетенцию входят все общественные сферы, в то числе и составляющие гражданского общества, культура гражданских отношений.

Необходимо в связи с этим заметить, что задача государственного строительства – задача неизмеримо более легкая по сравнению с формированием действенного гражданского общества. Хотя бы потому, что гражданское общество – это не государственно-правовое образование и оно не может быть учреждено специальным указом или декретом «сверху», его формирование требует длительных и целенаправленных усилий всего общества, а не только бюрократии и чиновничества.

Библиографический список

1. Билалов, М. И. На пути становления гражданского общества в Дагестане / М. И. Билалов, А. М. Аджиев // Целостность Дагестана в единстве с Россией. Некоторые социально-экономические аспекты нашего единения и достойного жизнеобеспечения. Махачкала: «Дагестанское книжное издательство», 2013. С.56-62.
2. Гегель, Г. В. Соч. в 14 т. / Г. В. Гегель. М.: Наука, 1929–1956. Т.7. 508 с.

УДК 327(470)
ББК 66.4(2Рос),03

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА РОССИИ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО ТРИДЦАТИЛЕТИЯ

В. Ю. Максимов

Аннотация. В статье проанализирована система факторов, определивших место Российской Федерации на геополитической арене в течение конца прошлого – начала нынешнего тысячелетий. Автор обосновывает необходимость осмысления нового статуса нашей страны в сложившихся в последнее время исторических условиях, извлечения наибольших выгод из нового этапа роста ее могущества.

Ключевые слова: геополитика, империя, Российская Федерация, великая держава, геополитический статус, цикл развития.

FACTORS OF CHANGE IN RUSSIA'S GEOPOLITICAL STATUS DURING THE LAST 30 YEARS

V. U. Maksimov

Abstract. The article analyzes the system of factors determining Russian Federation on the geopolitical scene during the end of the last and beginning of this millennia. The author substantiates the necessity of understanding the new status of our country in the recent historical context, extracting the greatest benefits from the new growth stage of its power.

Key words: geopolitics, Empire, Russian Federation, great power, geopolitical status, development cycle.

Еще в начале 1990-х гг. Россия, по выражению З. Бжезинского, представляла собой геополитическую «черную дыру» [2]. При этом подобная ситуация пришла на смену послевоенному геополитическому положению нашей страны (1940–1980-е гг.), когда она – в виде «наследника Российской империи» Союза Советских Социалистических Республик – на протяжении почти полувека выполняла функцию одного из двух центров послевоенного биполярного мира.

Каким же образом произошла столь кардинальная перемена в мировом положении нашего государства? Как еще помнят старшие поколения, несмотря на то, что на референдуме в первой половине 1991 г. 3/4 населения СССР высказались за его сохранение Союза, уже в конце того же года в нарушение прежних договоренностей он был «распущен» главами трех из пятнадцати входивших в него республик. Великая держава распалась, и попытки сохранить ее хотя бы в урезанном виде (ССР, ССГ или СНГ) не удалась.

Как ныне очевидно, Беловежское соглашение явилось лишь завершающим актом многолетнего внутреннего ослабления «Российской империи XX века». Распад СССР произошел по целому комплексу внутренних и внешних причин.

- историко-географическим – это, в первую очередь, сравнительно недавно (в XVII–XIX вв.) приобретенные огромные территории, на которые просто не хватало населения. Кроме того,

страна оказалась полиэтничной, что также сыграло свою роль при ее распаде на относительно моноэтнические национальные государства;

- экономическим – это государственная экономическая сверхцентрализация, тенденция к созданию промышленных монополий, изматывающая гонка вооружений, зависимость экономики от ВПК, экстенсивный путь хозяйствования (ориентированный в основном на сырье), обвал мировых цен на нефть;

- политическим: тоталитарное управление страной, зависимость ее положения и развития от линии единственной партии и даже одного ее лидера, активное содействие распаду со стороны западного мира.

Крах и развал СССР (по словам В. Путина, «геополитическая катастрофа») «запустил» глобальные изменения в расстановке геополитических сил, а наше государство опустилось в мировом рейтинге влияния с верхних строк в середину списка. В первой половине 1990-х гг. у России даже не было выраженных национальных интересов. В итоге случившегося бедствия страны оказались огромными [4]:

- было отторгнуто более 5 млн. км² (24 %) площади, в т. ч. ряд экономически важных регионов страны;

- на утраченных территориях осталась половина (49 %) населения СССР, сравнивая эту цифру с предыдущей, можно понять, что таким образом от России отошли самые густонаселен-

ные области, следовательно, плотность ее населения упала;

- в почти неизбежных при распаде государства военных конфликтах было убито примерно 0,5 млн. человек, что сравнимо с «обычной» гражданской войной;

- на территории страны появилось около 5 млн. беженцев;

- русский этнос вошел в число «расчлененных» народов, причем до сих пор за рубежом находятся около 20 млн. русских;

- были утрачены многие удобные выходы к стратегически важным Балтийскому и Черному морям;

- потеряны большие части шельфов трех самых удобных морей (включая Каспийское);

- в силу утраты западных и южных земель произошел территориальный сдвиг страны на северо-восток, т. е. в район вечной мерзлоты;

- потеряны прямые сухопутные выходы к Центральной и Западной Европе, Российская Федерация оказалась в стороне от ряда крупных транспортных путей;

- Россия потеряла две «защитные оболочки»: в первую очередь, союзников за рубежом, в т. ч. крупные просоветские организации в Восточной Европе – хозяйственный Совет Экономической Взаимопомощи и военную Организацию Варшавского Договора («заслуга» М. Горбачева), а во вторую очередь – республики самого Советского Союза («вклад» Б. Ельцина);

- наша страна получила тысячи километров необустроенных границ и эксклав в виде Калининградской области;

- на границах России образовался ряд ослабленных соседей, в т. ч. «горячие точки» в Грузии, Азербайджане, а в последнее время и на Украине;

- вооруженные силы потеряли многочисленные стратегически выгодные места дислокации, базы и часть вооружения (кстати, до сих пор используемого против ее интересов);

- боевой потенциал страны оказался в 3 раза меньше, чем у НАТО;

- ВВП России упал и до настоящего времени составляет лишь 3–3,5 % от мирового;

- экономика страны почти всецело переориентировалась на экспорт сырья;

- произошло падение промышленного производства в 10 раз (последствия, сравнимые с двумя мировыми войнами), а также сельского хозяйства (импортировалось около половины всего продовольствия);

- началась не прекращающаяся до сих пор «утечка умов», произошло сокращение числа научных работников на две трети;

- возросли региональные контрасты, появились многочисленные депрессивные, кризис-

ные и отсталые регионы. Сейчас только около 10 субъектов Федерации из 85 являются ее экономическими донорами;

- последствия распада СССР продолжились в тенденции разделения России, что нагляднее всего проявилось в двух «чеченских войнах»;

- произошла длительная утрата имиджа страны как великой державы.

Россия возвратилась к границам XVII–XVIII вв., основанным на области проживания русского этноса. В настоящее время исключения составляют лишь североазиатские, почти необжитые, территории Сибири и Дальнего Востока и европейский юг (Кавказ и Крым), которые, правда, остаются наиболее проблемными частями страны.

По объему ВВП на душу населения Россия занимает (по разным оценкам) примерно 60 место в мире. В рейтинге ИРЧП страна много лет также располагалась возле 60 места, а сейчас поднялась на 50, при том что СССР официально находился около 25. По «индексу человеческого счастья» стран мира Россия располагается на сотых местах, по продолжительности жизни – на 110. Обычными ее соседями в социально-экономических рейтингах являются Мексика, Панама, Чили, Узбекистан, Маврикий и похожие на них по уровню развития страны.

Тем не менее страна удержалась от дальнейшего распада, в основном благодаря следующим факторам:

- первоначальное отсутствие заинтересованности в таком распаде со стороны стран Запада, вызванного, в первую очередь, их опасениями по поводу неконтролируемого «расползания» ядерного оружия и гражданского хаоса;

- достаточная этническая однородность (при доле титульного этноса ок. 80 %) большей части страны;

- зависимость дотационных регионов России от «регионов-доноров» и ее центра;

- наличие естественных экономикообразующих монополий;

- приобретающая все большую жесткость политика нового президента.

При этом у России остались и серьезные потенциалы, которые заключались в следующем:

- она сохранилась как страна, как одно из 20 старейших государств мира – сперва с региональным, а затем и с общемировым политическим влиянием;

- она продолжала обладать все еще крупнейшей в мире территорией;

- ее населяло более 140 млн. человек (в основном титульного, русского этноса);

- на ее территории оказались богатые естественные (в т. ч. основные аграрные) ресурсы;

- страна сохранила (и даже усилила за счет сбора боеголовок) статус ядерной державы;
- она сберегла свой крупный военный потенциал, оставив за собой 3 место в мире по военным расходам;
- на ее территории оказался расположен основной промышленный потенциал бывшего СССР;
- она оставила за собой выходы ко всем пограничным морям;
- Россия сохранила контакты со всеми развитыми странами мира;
- страна осталась транзитным коридором через Евразию [4].

С тех пор минуло два с половиной десятилетия – а это продолжительность периода, который в демографии считается сроком смены поколений. В настоящее время чувство первоначального шока от катастрофы, ощущение нереальности произошедшего в начале 1990-х гг. уже пережито, и к руководству страны и ее населению пришло осознание бесповоротности произошедших событий.

Геополитическое положение России текущего десятилетия существенно – если не коренным образом – изменилось. Кроме того, можно с удовлетворением признать, что оно выгодно отличается от положения СССР по таким параметрам:

- другие – рыночные – основы экономики, ее многоукладность;
- сформировавшееся за три десятилетия первое поколение принципиально новых, внутренне и внешне относительно свободных людей (по П. Чаадаеву, «первое непоротое поколение»);
- начатки многопартийности, идеологический и политический плюрализм;
- принципиальный отказ большинства населения и элиты страны от утопичной коммунистической идеи, признание национальной идеей патриотизма и государственного национализма, формирование (особенно в последние 2–3 года) нового единства нации;
- долгожданное отсутствие необходимости снабжать бывшие дружественные государства и союзные республики за границей;
- существенное сокращение подрывавшего в прошлом экономику, расточительного военно-промышленного комплекса;
- как экономическое, так и идеологическое ослабление стран Запада, в первую очередь, США;
- прекращение конфронтации и сближение России с Китаем;
- накопленный за тридцать лет опыт выживания, отказ от многочисленных иллюзий 1980–1990-х годов.

Б. Исаев в рамках циклической парадигмы прослеживает в истории России четыре цикла развития, каждый из которых имеет этапы роста и упадка силы и мирового влияния [1, 3]. В настоящее время, как представляется, начинается следующий, пятый цикл развития нашей державы, стадия ее возвышения, что, по нашему мнению, выражается в следующем:

- 1) постепенное возвращение на лидирующие позиции – около 6 места в рейтинге потенциала международного влияния (после США, Китая, Индии, Японии, Германии), реализация независимой и активной внешней политики;
- 2) выход Российской Федерации на 5–6 места в списке стран по показателю доли в мировом ВВП;
- 3) образование Союзного государства России и Белоруссии;
- 4) создание единого экономического пространства с рядом стран бывшего СССР (Белоруссия, Казахстан и др.), заключение с ними Таможенного союза и ЕврАзЭС;
- 5) распространение режима «ядерного щита» на ряд соседних стран – членов ОДКБ;
- 6) образование нескольких крупных мировых союзов типа ШОС и БРИКС;
- 7) вооруженная защита независимости соседних Южной Осетии и Абхазии, получивших с нашей помощью статус самопровозглашенных государств;
- 8) практически мирное, осуществленное с соблюдением норм международного и национального права возвращение Крыма;
- 9) непримиримое противодействие агрессии Запада на Украине и даже на Ближнем Востоке – в Сирии.

Как представляется в связи с этим, нам необходимо извлечь все преимущества из современного исторического периода. Стране очень важно как можно дольше владеть геополитической инициативой, укрепляя свой статус мощной развивающейся державы, наряду с подобными ей государствами ответственной за события во всем мире.

Библиографический список

1. Афанасьев, В. В. Циклы цивилизаций / В. В. Афанасьев, Г. Н. Качура. М.: «Канон». 2010. 288 с.
2. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. М.: «Международ. Отношения». 1998. 216 с.
3. Исаев, Б. А. Геополитика: учебное пособие Б. А. Исаев. СПб.: «Питер». 2006. 384 с.
4. Нартов, Н. А., Нартов В. Н. Геополитика: учебник. 5-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 116 с.

УДК 321.7(470)
ББК 66.3(2Рос),1

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

П. А. Поломошнов

Аннотация. В статье рассматриваются альтернативные трактовки перспектив развития современной российской политической системы в контексте демократизации. Обобщая анализ различных подходов к определению перспектив современной российской демократии, автор выделяет ключевые моменты, которые должны определить ее будущее. Во-первых, необходимо преодоление гигантского отчуждения власти от населения и населения от власти, реализация подлинного, а не показного иллюзорного народовластия. Во-вторых, стране в современной сложной экономической и внешнеполитической ситуации остро необходима консолидация всего российского общества, и в особенности власти и народа.

Ключевые слова: демократия, избирательная система, политическая элита, народ, политическая система, принципы демократии.

PROSPECTS OF RUSSIAN DEMOCRACY DEVELOPMENT

P. A. Polomoshnov

Abstract. The article considers alternative interpretations of the development prospects of modern Russian political system in the context of democratization. Summarizing the analysis of various approaches, the author outlines the key points that should determine the future of modern Russian democracy. Firstly, it is necessary to overcome the enormous alienation of authorities from public and public from authorities, the realization of true democracy. Secondly, the consolidation of Russian society, and especially the authorities and public, is urgently needed in the current complicated economic and foreign policy situation in the country.

Key words: democracy, electoral system, political elite, people, political system, principles of democracy.

Современная Россия с 1991 г. выстраивает демократическую политическую систему. Этот процесс неизбежно связан с множеством трудностей, проблем и противоречий. Но тем не менее, хотя и медленно, демократические принципы и начала утверждаются в современном российском политическом процессе. При всем различии основных направлений политического спектра в современной России между ними существует консенсус в том, что именно демократизация – это единственное продуктивное направление дальнейшего развития отечественной политической системы. Хотя смысл и содержание демократизации понимаются по-разному.

В данной статье мы рассмотрим альтернативные трактовки перспектив развития современной российской политической системы в контексте демократизации. Прежде всего, необходимость совершенствования современной российской демократии осознает сама действующая власть.

Основным направлением совершенствования современной российской политической системы, по мнению президента РФ В. В. Путина, является защита интересов граждан, реальная политика, а не политический балаган с внешними атрибутами «демократии». «Уверен, нам не

нужны балаган и соревнование в раздаче необеспеченных обещаний. Нам не нужна ситуация, когда демократия сводится к вывеске, когда за “народовластие” выдается разовое развлекательное политическое шоу и кастинг кандидатов, где содержательный смысл выхолащивается эпатажными заявлениями и взаимными обвинениями. А настоящая политика – уходит в тень закулисных сделок и решений, которые ни с каким избирателем не обсуждаются в принципе. Вот такого типа, соблазна “упростить политику”, создать фиктивную демократию “на потребу” – мы должны избежать. В политике есть неизбежная доля политтехнологий. Но имиджмейкеры, “мастера билбордов” не должны управлять политиками. Да я уверен – и народ больше на такое не купится.

Надо настроить механизмы политической системы таким образом, чтобы она своевременно улавливала и отражала интересы больших социальных групп и обеспечивала бы публичное согласование этих интересов. Могла обеспечивать не только легитимность власти, но и уверенность людей в ее справедливости (в том числе и в тех случаях, когда они оказываются в меньшинстве).

Нам необходим механизм выдвижения народом во власть на всех уровнях ответствен-

ных людей, профессионалов, мыслящих в категориях национального и государственного развития и способных добиваться результата. Понятный, оперативный и открытый для общества механизм выработки, принятия и реализации решений – как стратегических, так и тактических.

Нам важно создать политическую систему, при которой людям можно и необходимо говорить правду. Тот, кто предлагает решения и программы, несет ответственность за их реализацию. Те, кто выбирают “принимающих решения”, понимают, кого и что они выбирают. Это принесет доверие, конструктивный диалог и взаимное уважение между обществом и властью» [7].

С этими установками трудно поспорить. Действительно задача демократической политической системы – защита и выражение интересов граждан, профессиональное осуществление управленческих функций в интересах всего общества. Одним из важных аспектов дальнейшей демократизации, по мнению президента РФ В.В. Путина, является повышение активности граждан, расширение их возможностей участия в управлении. Одной из таких возможностей является общественная экспертиза государственных документов. «Граждане, профессиональные, общественные объединения должны иметь возможность заранее «тестировать» все государственные документы. Уже сейчас конструктивная критика со стороны сообществ предпринимателей, учителей, медиков, ученых помогает избежать неудачных решений, и напротив – найти лучшие» [7].

Развитие демократии предполагает также повышение ответственности власти перед гражданами и избирателями. В целом, с точки зрения действующего президента РФ, современная российская демократия находится на верном пути, а ее перспективная задача состоит в укреплении единства власти и общества. «Считаю, что курс на развитие политической системы, институтов прямой демократии, на повышение конгруэнтности выборов абсолютно оправдан, и мы, безусловно, будем его продолжать.

Выросла роль Государственной Думы как представительного органа. В целом укрепился авторитет законодательной власти. Его надо поддерживать, подтверждать делами. Это касается всех политических сил, представленных в парламенте.

Но, конечно, особая ответственность на партии «Единая Россия», которая имеет конституционное большинство в Госдуме, является главной опорой Правительства в парламенте. И

нужно так выстроить совместную работу, чтобы все обещания, обязательства, взятые перед гражданами, были выполнены.

Именно граждане определили итоги избирательной кампании, выбрали путь созидательного развития страны, доказали, что мы живем в здоровом, уверенном в своих справедливых требованиях обществе, в котором укрепляется иммунитет к популизму и демагогии и высоко ценятся значимость взаимоподдержки, сплоченности, единства.

Речь не идет, конечно, о каких-то догмах, о показном, фальшивом единении, тем более о принуждении к определенному мировоззрению – все это в нашей истории, как вы хорошо знаете, было, и мы не собираемся возвращаться назад, в прошлое» [8].

Президент В. В. Путин совершенно четко акцентирует внимание на сущности демократии: «Устойчивое развитие общества невозможно без дееспособного государства. А подлинная демократия – это непереносимое условие построения государства, нацеленного на служение интересам общества» [7].

Главными проблемами дальнейшей демократизации российской политической системы, по мнению В. В. Путина, являются привлечение граждан к участию в управлении, а также совершенствование качества государства в соответствии с возросшей зрелостью гражданского общества. «Настоящая демократия не создается одномоментно, не копируется по внешнему образцу. Необходимо чтобы общество было готово к использованию демократических механизмов. Чтобы большинство людей почувствовали себя гражданами, готовы были бы на регулярной основе тратить свое внимание, свое время, свои усилия на участие в процессе управления. Другими словами, демократия работает там, где люди готовы в нее что-то вкладывать. Сегодня качество нашего государства отстает от готовности гражданского общества в нем участвовать. Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным. Нам надо обновить механизмы нашей демократии. Они должны «вместить» возросшую общественную активность» [7].

Далеко не так оптимистичны оценки состояния и перспектив современной российской демократии со стороны правой либеральной интеллигенции. Констатируя существенное расхождение реальных механизмов и особенностей современной российской демократии с классическими стандартами западной демократии, либералы акцентируют внимание на проблемах и

трудностях внедрения этих западных стандартов в России.

И. К. Пантин справедливо отмечает, что демократия в России не может быть продуктом простого «транзита» с Запада, т. к., этот транзитный продукт плохо сочетается с российскими политическими традициями и менталитетом власти и народа. «Переход к демократии, особенно в России, менее всего можно обозначить как «демократический транзит». Он представляет собой, скорее, трудный процесс самоизменения, самопреодоления общества, выработку новых отношений между людьми. Разумеется, история народа, его традиции и менталитет играют в этом процессе важную роль: они могут в чем-то способствовать демократическому развитию, а в чем-то тормозить его. Но не меньшее (а может быть и большее) значение имеет *стратегия демократического развития*» [5].

Ключевую роль в развитии российской демократии на собственной российской почве играет стратегия демократического развития. Пантин пытается наметить основные направления такой стратегии.

Первым направлением является качественная трансформация, демократизация политической системы. «Новая стратегия включает в себя, прежде всего, демократизацию политической системы, в первую очередь, государства. Демократия у нас до тех пор останется проблемой, пока она не справится с такими традиционными бедами государственного бытия России, как чрезмерная централизация власти, всевластие бюрократии, диктатура некомпетентности, зависимое положение судов (и независимое – правоохранительных структур), наконец, неистребимая установка чиновников на удушение любой гражданской самостоятельности. Сегодняшнее господство коррумпированной бюрократии стало расплатой российского общества за его отказ от действенной борьбы с коммунистическим режимом, за культ государства, которое-де все устроит наилучшим образом. Бюрократия давно появилась на российской почве, и теперь отчетливо видно, что ее верховенство выражает глубокие пороки и скрытые слабости нашего народа – безразличие к ценностям свободы, политическую спячку, привычку верить все ценности утилитарными мерками. Вот почему борьба с господством бюрократии означает, прежде всего, борьбу против определенного способа мышления, традиции передоверять решение всех общественных дел государству, против восприимчивости народа к политической демагогии» [5].

Победа над российской бюрократией, безусловно, является одним из ключевых вопросов

утверждения в стране реальной демократии, но кто и каким образом может добиться этой победы, способно ли российское чиновничество к демократической самоперестройке? Все эти вопросы остаются без конкретного ответа.

Естественно в такой ситуации апеллировать к российскому народу, что и пытаются делать либералы, подчеркивающие, что нельзя внедрить демократию сверху, что подлинная демократия достигается демократическим путем на основе политической активности масс. «Опыт нашей страны еще раз подтверждает ту истину, что для создания эффективной демократии недостаточно завоевания демократами командных высот в государстве и создания по образцу передовых стран современных институтов. *Сделать Россию демократической можно лишь демократическим путем.* Импульсы сверху должны подкрепляться импульсами снизу. А это предполагает ряд условий и, прежде всего, подъем масс, моральный и материальный, не говоря уже о политическом – тех самых масс, которые до сих пор ощущают себя забытыми, задавленными, отодвинутыми на обочину жизни произволом властей предрежащих, бедностью, неуверенностью в завтрашнем дне, отсутствием перспективы» [5].

Мы видим, что, апеллируя к массам, либералы одновременно пессимистически смотрят на возможность демократического порыва этих масс, т. к. они погружены властью в нищету и бесперспективную борьбу за физическое выживание. Да и менталитет российского народа далек от классических западных ценностей свободы и демократии. «Приоритет ценностей свободы над материальным неравенством оказался чужд отечественной традиции, нашему историческому прошлому, российскому менталитету, наконец. Дело, однако, не в том, что русский народ равнодушен к либеральным и демократическим ценностям, просто-напросто демократическим режим в том виде, в котором он существует сегодня, не решил стоящих перед страной проблем» [5].

Таким образом, с одной стороны, либералы пытаются наметить стратегию утверждения в России подлинной демократии, с другой стороны, они констатируют почти непреодолимые трудности в реализации этой стратегии. Поэтому перспективы российской демократии они перемещают в туманное и далекое будущее, не будучи сами уверены в его наступлении. «Демократическим ценностям, как и ценностям свободы, предстоит у нас трудный исторический путь, прежде чем они станут составляющими обще-

ственного и нравственного уклада большинства россиян. Россиянам еще предстоит совершить переход от «недемократической человечности» (М. Гелфтер) к демократии в собственном смысле этого слова» [5].

Максимум мечтаний либералов о демократизации состоит в простом постулировании желаемых перемен в качестве безадресных норм должностования. «Модернизация политической сферы должна привести к замене авторитарного режима власти, который порождает бюрократизм и коррупцию, системой действующих демократических институтов, в результате чего в стране должна быть достигнута свобода политической и экономической деятельности в конкурентном режиме. Эта проблема самая трудная, поскольку современная политическая элита не заинтересована в указанных переменах. Проблема сменяемости властей в России является важнейшей. По-видимому, Россия подошла к необходимости глубокого преодоления негативных традиций, патерналистского менталитета и общественной пассивности, оппортунизма населения, перехода к подлинно гражданскому обществу, формированию реальной демократии, широкой свободы для предпринимательства» [12, с. 90].

Между полюсами официальной и праволиберальной перспектив современной российской демократии можно выделить критическую позицию, которая, опираясь на факты, пытается выделить круг реальных антидемократических тенденций, явлений и процессов в современной российской политической системе и в этом контексте обсуждает возможные перспективы современной российской демократии. Причем критика варьирует от умеренной до радикальной степени.

Прежде всего, критики отмечают противоречивость задач, изначально вставших перед реформаторами российской политической системы. «Перед современными капиталистическими реформаторами России встала сложная задача – выстроить такую политическую систему, которая, с одной стороны, соответствовала бы критериям подлинной демократии, с другой стороны, обеспечивала бы сохранение и укрепление капиталистической системы и власти новых русских хозяев жизни – крупных капиталистов и бюрократической касты чиновников. По сути, выстраиваемая современными реформаторами политическая система должна была решать одновременно две задачи: 1) защищать и обеспечивать интересы народа и страны; 2) защищать и обеспечивать собственность и интересы господствующих социальных классов – крупного капитала и бюрократии» [9, с. 45].

Критика с сожалением констатирует неизбежный результат: данная невыполнимая и внутренне противоречивая задача в ходе построения современной российской демократии не была решена. «Общественные интересы различных групп и слоев общества очень плохо и далеко не полно представлены в публичной сфере. В общей массе частных интересов российского общества очень велика доля таких интересов, которые далеки от публичного интереса общества в целом. Поэтому в области политики так непропорционально сильно звучание частных корпоративных мотивов консервативной бюрократии и олигархического капитала, оседлавших «рентную экономику» и, мягко говоря, не ощущающих острой потребности в переходе к инновационному типу развития общества» [1, с. 42].

Критика, оценивая современную политическую ситуацию, утверждает, во-первых, что российский народ фактически отчужден от какого-либо влияния на власть и участия в реальном политическом процессе. «Сегодня российский народ не имеет возможности реализовать принадлежащее ему по Конституции право на осуществление непосредственного народовластия. Российская демократия выживет только в том случае, если к оставшимся островкам народовластия, парламентским и президентским выборам мы сможем добавить пакет конституционных законов, которые подкрепят представительную демократию непосредственными формами осуществления народовластия. Пока что бюрократия не дает возможности развиваться этим институтам.

Пока исполнительная власть сама и пишет законы, и контролирует их исполнение, мы будем иметь монополию как в политике, так и в экономике. Думается, что основной особенностью развития демократии в современную эпоху является то, что оно ведет не столько к «прирастанию» демократии (т. е. не к углублению и совершенствованию демократического начала в политических системах), как это происходило в прошлом, сколько к ее «убыванию» – к выхолащиванию этого демократического начала» [2, с. 42].

Критика утверждает, во-вторых, что антидемократическая по своей сути, хотя и вполне демократическая по внешней форме, современная российская политическая система плохо справляется с национальными управленческими функциями, о чем свидетельствует, в частности, затяжной социально-экономический кризис, выхода из которого пока не видно.

Критика утверждает, в-третьих, что современная социально-экономическая и политиче-

ская ситуация все более приближается к критической и эта ситуация ставит на повестку дня вопросы качественной трансформации существующей политической системы в направлении реальной демократизации. «Сейчас в России сложилась своего рода «реформационная ситуация», когда объективно назрела и перезрела модернизация всей общественной системы. Альтернатива – процессы общественной деградации, уже захватывающие целые регионы страны и сферы социума, о чем свидетельствуют масштабы коррупции и преступности, наркомании и алкоголизма, падения трудовой этики, роста жестокости и отчуждения, депопуляции обширных территорий. Власть бессильна остановить и даже сдержать эти губительные процессы. Реформационная ситуация» все сильнее побуждает правящую элиту думать об изменении способов правления. Экономический кризис прозвучал для нее тревожным звонком. Поиск эффективного выхода из кризиса потребовал более гибких решений, ослабляющих жесткость административной вертикали; потребовал привлечения гражданских инициатив и опоры на массовый энтузиазм, что противоречит авторитарным методам правления. Поэтому механизмы ручного управления все чаще дают сбой, порождая у правящей верхушки неуверенность в своей способности справиться с последствиями кризиса и новыми экономическими и социальными вызовами. Все ее поведение представляет собой некую смесь растерянности, робкого поиска иных подходов и страха за свое будущее. Она вынуждена прибегать к маневрам, делать противоречивые заявления, советоваться с «аутсайдерами», невольно расширяя круг участников легального политического процесса, допуская в него умеренных оппонентов власти.

Авторитарный режим под давлением невозможности справляться усвоенными им авторитарными методами с нарастающей лавиной вызовов и угроз неохотно начал проявлять некоторую склонность, пусть и ограниченную, к поиску иных, более открытых и мягких способов политического действия. В нем стали образовываться ниши и вкрапления, объективно расширяющие публичную сферу, *арену общественной рефлексии* вокруг наиболее острых проблем экономического, социально-политического и духовного развития российского социума» [1, с.38–39].

Критика, в-четвертых, выделяет перечень существенных недостатков современной российской «демократии», которые необходимо преодолеть. Вот список антидемократических пороков, которые должна преодолеть современная

российская политическая система: 1) интеллектуальная и нравственная деградация власти; 2) тотальная коррупция чиновников; 3) социально-экономическая и политическая беспомощность власти; 4) имитация политической жизни и политической борьбы [6, с. 113].

Критика, в-пятых, выделяет одну из ключевых проблем современной российской «демократии» – коррупцию власти – и предлагает направление решения этой проблемы. «Очевидно, что антикоррупционная политика должна идти по пути демократизации политической и экономической жизни, постоянного совершенствования государственного механизма, прежде всего, за счет сокращения функций и численности чиновников, усилением правовой регламентации борьбы с коррупцией (законности, четкой правовой регламентации деятельности органов государственной власти). Либо политическая элита, осознавая глубину кризиса России, сумеет перестроиться, привлекая новые политические силы, и начнет реальное и основательное реформирование социально-экономической системы и ликвидацию коррупционных сетей, внося положительные изменения в ментальность населения – уменьшение воровства и усиление труда, либо серьезные реформы не будут проведены элитой добровольно, и положение в стране будет становиться все тяжелее для народа. Тогда к изменениям приведет активность масс, уставших от бедности» [12, с. 90].

Возможно, позиция критиков чрезмерно акцентирует остроту современной политической ситуации и недостатки современной российской демократии, но нельзя забывать, что она опирается на реальные факты, а не на идеологические догматы.

Обобщая наш анализ различных подходов к определению перспектив современной российской демократии, попытаемся выделить ключевые моменты, которые, на наш взгляд, должны определить ее будущее.

Таких моментов можно выделить три. **Первое** – преодоление гигантского отчуждения власти от населения и населения от власти, реализация подлинного, а не показного иллюзорного народовластия.

Второе – стране в современной сложной экономической и внешнеполитической ситуации остро необходима консолидация всего российского общества, и в особенности власти и народа.

«В качестве политического феномена общественная консолидация (или демократическая консолидация) понимается как процесс достижения ментального согласия граждан в отношении

понимания стратегических проблем развития страны, направления и целей этого развития. Результатом такого политического согласия (консолидации) общества должны быть позитивные изменения во властных, политических и общественных отношениях и структурах. Консолидация будет способствовать развитию нашего общества, причем следует подчеркнуть, что политическая консолидация приводит к единению и согласию граждан страны с различной этнической, конфессиональной принадлежностью, разным социальным и культурным положением. Результатом консолидации будет являться поддержка существующей политической системы и одобрение позитивных изменений в ней.

Процесс и результат консолидации предполагают, что граждане и субъекты власти различных уровней приходят к согласию, чтобы деятельность общества была целенаправленной и согласованной.

Только основываясь на сознательном отношении граждан, политических акторов, добровольности и убежденности их действий можно достичь политического компромисса. Консолидация невозможна без совместных действий властных структур и основной массы населения» [3, с. 86].

Консолидация общества и власти возможна на основе компромисса и учета властью интересов граждан. Она является основным условием успешного преодоления современных внутренних и внешних вызовов России.

Консолидация остро необходима действующей власти. «С достаточным основанием можно предположить, что сегодня консолидация существующего режима, с точки зрения властных структур, является основным сдерживающим фактором против внутренней и внешней угрозы суверенитету, а также угрозы усилению влияния радикальных группировок (как левых, так и правых) с целью разрушения существующей политической системы» [3, с. 84].

Но не менее остра потребность населения страны в такой консолидации с властью, которая обеспечила бы защиту его интересов и повышение уровня материального благосостояния. «Противостоят консолидированию общества такие факторы, как относительно низкие показатели социально-экономического развития, кризисные явления в экономике, противоречия между политикой федерального центра и регионов, отсутствие достаточно развитого гражданского общества, проявления национализма, ксенофобии, межэтнические конфликты, сохраняющиеся угрозы террористических актов» [3, с. 86].

Условиями реальной консолидации являются: экономический рывок, трансформация социально-экономической системы, обеспечивающая реальную модернизацию российской экономики и реальный рост уровня жизни населения, а также и реальная демократизация избирательной системы и всей политической системы, чтобы ее принципы и институты не на словах, а на деле стали подлинно демократическими.

Важно понимать, что экономическая модернизация России и демократизация политической системы являются двумя взаимно детерминирующими факторами, а также основными условиями консолидации власти и народа. «Модернизация этой сферы в России, в первую очередь, упирается в решение иных проблем, относящихся к социально-политическому измерению модернизации.

Это – вовлечение в публичную сферу всего многообразия частных интересов.

Это – «центрифугирование» разнообразных интересов в общенациональном дискурсе.

Это – институционализация политической оппозиции.

Это – смена парадигмы политической культуры: от конфронтации к толерантности и гражданскому согласию» [1, с. 49].

К сожалению, следует признать, что задача консолидации общества и власти, будучи одной из важнейших в современном российском политическом дискурсе, пока что далека от решения. А решить ее одними декларациями о необходимости консолидации невозможно. «В современной России решение задачи достижения общественного согласия находится в стадии поисков, как и в целом задача реализации консолидации демократии.

Следует признать, что демократическая консолидация в России в процессе посткоммунистической трансформации политической системы развивалась в условиях ограниченных возможностей достижения консенсуса между субъектами политического процесса, жестко конкурирующими между собой. Затем начатые преобразования лишь укрепили мобилизационный тип взаимоотношений элит и широких масс. Этим можно объяснить и то обстоятельство, что массовое сознание не видит в демократии механизма практического взаимоучета интересов власти и гражданского общества. Как полагают эксперты, эти особенности политического участия не только не дают возможности продвинуться в развитии консолидации демократии на процедурно-поведенческом уровне, но и делают решающим фактором сохранения стабильности политической системы качество электорального процесса» [3, с.82–83].

Третье – эффективность управленческой системы, ее способность оперативно и эффективно выполнять свои основные функции и справляться с нестандартными задачами. «Для российской политической системы главными параметрами для оценки ее демократичности целесообразно использовать не только нормативно-заданные характеристики, но и оценки ее общественной функциональности. Адаптивность политических институтов к постоянно меняющимся условиям, умение адекватно и эффективно отвечать на самые сложные и опасные вызовы современности должны стать важнейшими критериями для отечественных политологов, исследующих и оценивающих характер и особенности демократии в современной России» [11, с. 96].

В заключение выскажем некоторые дополнительные соображения по поводу перспектив российской демократии. Если мы предполагаем дальнейший прогресс демократии в России, то для этого необходимы: 1) национальный диалог и национальный консенсус об основных принципах социально-экономической и политической организации страны; 2) обновление правящей «элиты»; 3) реальная демократизация существующей политической системы на всех уровнях и во всех блоках. Способна ли на это современная российская политическая «элита»? По многим признакам здесь напрашивается скорее отрицательный, чем положительный ответ. Главная причина современного национального кризиса – сложившаяся неэффективная политическая система, неспособная эффективно решать задачи цивилизационного выживания, не говоря уже о качественном возрождении российской мощи, система, пораженная раковой болезнью коррупции и клановости.

Между тем многие специалисты – и теоретики, и практики – рассуждают об изменениях стиля управления, а не сущности современной российской политической системы, скрытой в ее авторитарном, по сути, механизме. Большинство ждет и уповаает, что власть станет демократизироваться и очищаться сверху сама, а это утопия.

«В реальности же мы видим, что сужения пропасти между правящими и управляемыми не наблюдается, а возрастающий разрыв в уровне жизни населения и элиты ведет к «коррозии» демократии, утрате политического единства и доверия к власти. Современная российская власть по-прежнему далека от народа, в основном ориентирована на однонаправленное взаимодействие с общественными массами и целевыми группами. Декларируемая потребность в активном диалоге власти с общественностью находит свой выход эпизодически – во внеобыденных, особых, чаще кризисных ситуациях» [4, с. 64].

Многие думают, что при существующей политической и экономической системе и поли-

тической «элите» возможна демократизация, а она невозможна. Основу демократии составляет экономика свободных, обеспеченных людей. Нищие не могут реализовывать политические права и поддерживать демократию. Гигантская социальная поляризация и нищета народа – главные факторы невозможности реальной демократии в современной России.

Библиографический список

1. Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией. Политологические очерки / под редакцией Ю. А. Красина. М.: Институт социологии РАН, 2013. 139 с.
2. Емельянова, Н. В. Проблемы и перспективы развития демократии в современной России // Известия Саратовского университета. Серия. Социология. Политология. 2010. Вып. 2. Т. 10.
3. Михайленок, О. М. Общественно-политическое согласие в контексте демократической консолидации (аналитический обзор) // Вестник института социологии. 2015. № 3 (14).
4. Оськина, О. И. Новая демократия и политическая культура современной России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1(26).
5. Пантин, И. К. Проблемы и противоречия становления демократии в России. URL: http://www.yabloko.ru/mneniya_i_publicatsii/2010/04/29 (дата запроса 01.12.2016).
6. Поломошнов, А. Ф. Метаморфозы российской политической системы на рубеже тысячелетий. п. Персиановский, 2009. 132 с.
7. Путин, В. В. Демократия и качество государства URL: <http://putin2012.ru/events/187> (дата запроса 01.03.2017).
8. Путин, В. В. Послание Президента Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата запроса 01.02.2017).
9. Российские реформы на рубеже тысячелетий. Книга 1. «Экономика, политика, социальные отношения и демография»: А. Ф. Поломошнов [и др.]; под ред. Поломошнова А. Ф. п. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2009. 246 с.
10. Тихонов, И. Проблемы современной демократии в России. URL: <http://www.nasledie.ru/?q=content/problemu-sovremennoy-demokratii-v-rossii>
11. Филатов, Н. Н. Нормативный и функциональный подходы к концептуализации проблем демократии в современной России // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2009. Т. 9. Вып. 2.
12. Шпалтаков, В. П. Коррупция в России: исторические корни и причины разрастания в постсоветское время // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2016. № 3.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

УДК 94(47):323.276
ББК 66.1(2)64

КРАХ ПАРТИИ И РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА: ПРОВАЛ ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ ОБНОВЛЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ?

М. А. Анипкин

Аннотация. Цель автора статьи – связать распад Советского Союза с тем, как развивалась Россия в последующие десятилетия. Зная об ухудшении экономического положения СССР после 1970 г., автор статьи утверждает, что причины коллапса были, прежде всего, политическими, а не экономическими. Отсутствие обновления поколений в долгосрочной перспективе является одной из основных причин распада Коммунистической партии. Разделение внутри ранее правящей элиты привело к кризису. Перестройка была призвана спасти Советский Союз посредством реформы, но многие ее последствия Горбачев не смог предвидеть. Вместо ожидаемой социал-демократической модели произошло перерождение авторитарного правления, особенно после 2004 г., при поддержке Православной Церкви.

Ключевые слова: перестройка, Советский Союз, Российская Федерация, Путин, авторитаризм, Единая Россия, Волгоградская область.

PARTY COLLAPSE AND SOVIET BREAKDOWN: A FAILURE OF GENERATIONAL RENEWAL?

M. A. Anipkin

Abstract. My purpose is to relate the explanation for the collapse of the Soviet Union to the way in which Russia has developed during the subsequent decades. While aware of the deteriorating economic position of the USSR after 1970, I argue that the causes of collapse were primarily political rather than economic. Failure of generational renewal, in the long term, was a major cause, while the removal of Communist Party exclusivity provided the immediate explanation. Division within the previously governing elites at all levels led to terminal crisis. *Perestroika* was intended to save the Soviet Union through reform but many of its consequences were not anticipated by Gorbachev. Instead of the hoped-for social democratic model, a recrudescence of authoritarian rule, especially after 2004, took place, sustained by the Orthodox Church.

Key words: Perestroika, Soviet Union, Russian Federation, Putin, authoritarianism, United Russia, Orthodoxy, Volgograd Region.

INTRODUCTION

The causes, process and consequences of disaggregation in supra-national systems are subjects that needs frequent examination. Although there may not be uniform models, certain common features are likely to be observed in a number of cases. The Austro-Hungarian, the Turkish and the Romanov Empires, for instance, each with pre-existing tensions and contradictions, fell victim to military defeat, which exacerbated internal decomposition. In all three cases,

existing monarchical systems collapsed¹. In the Romanov case a complete disintegration of authority started at the top. The resulting chaos destabilised the entire structure of the regime, leaving the former empire, caught in a war it need not have fought, vulnera-

¹ For elaboration of the comparison and contrast, see Dominic Lieven, *Empire. The Russian Empire and its Rivals from the Sixteenth Century to the Present* [10, 310-329]. See also Philip Longworth, *Russia's Empires. Their Rise and Fall: From Prehistory to Putin* [1, 239-300; 319-321].

ble to a revolutionary seizure of power in the capital city [11, 293–99; 329–36].

The disaggregation of the Soviet Union in 1991 was decidedly not the result of defeat in war, and this differentiated it from the collapse of the Romanov dynasty in 1917.¹ It may be argued that long-term failure of political leadership combined with economic stagnation after 1970 ultimately created conditions for the collapse of the soviet régime.² In this article, I shall argue that the causes of collapse were primarily political rather than economic. I would put the prime factor on the failure of generational renewal in the governing structures. This, in the long term, proved to be a major explanation. One central problem that has often failed to be recognised is that *Perestroika* aimed at democratizing Soviet society, while at the same time leaving the Communist Party unreformed. In March 1990, the Communist Party's exclusive right to rule was removed by abolishing Clause 6 of the Soviet Constitution of 1977. This action was decisive, but it has generally not been given the significance due to it. It removed the lynch-pin of the existing structure.

I also identify two other salient factors. The first is the underlying tension between region and centre, that is, between Moscow and several of the component Republics of the Soviet Union. These had been contained or concealed as long as the superstructure of the Soviet state continued to be an effective agent of unity. The second factor is the decision-taking by regional leaders within the Soviet state structure to assert the interests of their particular component Republics, which ultimately helped to bring down the Union as a whole during the year, 1991. In that sense, the political centre collapsed and the regional Republics, with the former Russian Soviet Republic in the lead, adopted their own course of action as 'successor states' of the Soviet Union. Drastically affecting Russia's perception of its history and identity, Ukraine declared itself an independent state on 24 August 1991. Thereafter, the Soviet Union became reduced to a shadow and evaporated³.

¹ Lieven, *Empire*, pp. 293-99, 329-36.

² See the fascinating discussion in Jack A. Goldstone "The Soviet Union: Revolution and Transformation" [8, 95-123], emphasising as key factors elite division, economic downturn, and popular mobilisation.

³ Serhii Plokhy, *The Last Empire. The Final Days of the Soviet Union* [14] makes this his central argument, and while highlighting the polarising of Mikhail Gorbachev as President of the Soviet Union and Boris Yeltsin, political head of the Russian Republic (within the Union), views the actions of the leadership in Ukraine under Leonid Kravchuk as the decisive factor in bringing down the Soviet Union. He focuses considerably on United States' perceptions of the crisis and responses to it, and highlights a distinctive Ukrainian orientation of the break-up [14, 275-94]

The immediate consequence of the break-up was that the three historically core territories, Russia, Belarus, and Ukraine, all became distinct sovereign states⁴. Disaggregation, thereby, was brought about more by collapse at the Soviet centre than by liberation struggles in the regions.

Bureaucratic Stagnation (*zastoi*)

Failure to reform governmental structures combined with inability or unwillingness to renew the personnel in the decision-making process explain the long-term stagnation and eventual collapse of the Soviet Union. The chronological locus may be identified between c. 1975 and c. 1985, when younger men and women aged in their late 30s to early 40s, and already with considerable experience, might have taken commanding positions in the Communist Party. This locus corresponded to the Leonid Brezhnev (b. 1906) years (1964–82) and, after his death, to the ensuing period of Yuri Andropov (b. 1914, d. February 1984) and Konstantin Chernenko (b. 1911) until the latter's death in March 1985. The departure of the 'old men' faced the USSR with a succession question such as it had not encountered before. Generational renewal did not happen when it should have. The last Central Committee (CC) of the CPSU elected at the XVIII Party Congress in July 1990 was radically different from the previous two compositions of 1981 and 1986, both structurally and demographically, which is blatantly seen in the tables of CC membership distribution given by Evan Mawdsley in his article [13, 897–912]. They show an obvious rejuvenation of the CC in 1990 where the members aged between 'under 30' and 49 constituted 44.9 per cent of the overall number, whereas in 1981 and 1986 their proportion was round about 10 per cent, with no members 'under 30' at all [13, 907–908]⁵. Alexander Anipkin, one of those new members of the CC, pointed in his memoirs at the discussion between the 'new' and the 'old' generation of the CC members at the XVIII CPSU Congress in 1990⁶. Those born after the war, in the 1950-s and early 1960, the so-called 'Soviet baby-boomers generation,' were successfully imbedded

⁴ These issues in different forms can be broached in the following works: Alexei Yurchak, *Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation* [21]; Vladimir Gel'man et al., *Re-examining Economic and Political Reforms in Russia, 1985-2000* [4] and by the same author, *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes* [2]. Explanations for the break-up of the Soviet Union have by now become a virtual industry.

⁵ The number of the CC members varied between 470 persons in 1981, 477 in 1986 and 412 in 1990.

⁶ See for details: Alexander Anipkin, *Ya byl poslednim Pervym*, (Volgograd, Vedo, 1991).

into the Soviet System and they were driven by pragmatism and rationality rather than ideological clichés, and they did not want to destroy the system, but to transform it.¹ Nevertheless, this generation was almost unrepresented in the highest Party organs, leaving those people without any chance to influence developments in the USSR.

This also affected a slightly older generation – a pre-war and war generation, which later became known as the “thaw-generation,” products of the post-Stalinist era. The present writer’s father, Aleksander Anipkin, born in 1940, was an indicative example of the staff *zastoi*. He remained for 12 years in the position of First Secretary of a provincial CPSU Committee in Uryupinsk, a town located in the Volgograd Region. Only with *Perestroika* did he rapidly rise to the top of the Party hierarchy. The present writer remembers his parents frequently discussing the issue of impossibility of career growth in Party organs and how that situation was becoming far worse in the late 1970s and early 1980s. By way of corroboration, the present author heard the same kind of conversations several times from his father’s colleagues and even from individuals in the central apparatus of the Party in Moscow. This ‘thaw generation’ seemed to have been abandoned inside the Party, their ascent blocked by the continuing position of the older men. This situation gave these penultimate days of the Soviet Union, as they would in retrospect become, spread frustration through the men and women of the Party in their late-30s and 40s, when they might have been moving into the key decision-making positions and reshaping the Party in their own image. Although few, if anyone, understood this at the time, the failure of renewal during the later 1970s and early 1980s meant that *Perestroika*, when it eventually came, was not only too late but also unintentionally contributed to the forthcoming breakdown of the Soviet system.

In identifying this factor as the prime cause of collapse, we have to pose the question of whether or not the Soviet system might have been able to survive, as generational renewal and accompanying reforms come considerably earlier. This is, in many respects, a hypothetical proposition. Nevertheless, posing it opens up several other major factors that, alongside the generational issue, contributed in the long term to the disaggregation of the Soviet Union. I shall deal with these in the following section.

Perestroika not for the CPSU

Mikhail Gorbachev initiated *Perestroika* during 1985 in order to re-invigorate the Soviet system. Many open-minded and relatively young CPSU *apparatchiki* initially welcomed this reform with enthusiasm, hoping that *Perestroika* would democratize the Party hierarchy first of all and eliminate the unnecessary and superfluous bureaucratic centralism within the Party organs. Instead of that, *Perestroika* took a completely different course. It turned out that it was not actually intended for the CPSU.

Although *Perestroika* was initiated by the CPSU, it soon became clear that things were left practically intact in the Party hierarchy. Continued bureaucratic centralism acted as an impediment to fast and adequate decision making in the regions at the turbulent times of the late 1980-1991. As a result, the regional and districts Party committees (*obkomy* and *raikomy*) were failing to face the civic challenges of that period, which had a damaging impact on the CPSU as a whole. This is why some new regional CPSU secretaries started to criticise the CC and Gorbachev for neglecting the Party reformation and imposing a dictatorship mode of ruling in the Party. At the Politburo level it was Boris Yeltsin, who criticized Gorbachev at the Central Committee Plenary Session in October 1987 for not reforming the Party and permitting undemocratic decision-making procedures in the Politburo. Yeltsin argued that Gorbachev should not take decisions with just a few colleagues, rather than democratising the whole process. In that sense, Gorbachev had been violating within the Party itself his own principle of ‘openness,’ advocated for the country. After this speech Yeltsin was demoted from the position of the Moscow Party First Secretary to an ordinary minister. That enabled the opposition to co-opt Yeltsin as their leader, although he had not initially planned to lay such a role.

Although Yeltsin’s speech was not published at that time, news of it spread among the high-ranking members of the Party across the country. I think that it would be legitimate to argue, from available sources, that Yeltsin’s criticism was shared by an extensive number of relatively young, high-ranking Communist Party *apparatchiki* in the regions during the crucial period, 1990-91. The Volgograd region was one of them².

¹ For detailed discussion see: Dmitry Travin, *Semidesiatmutye – analiz pokolenija*, [17]. Vladimir Gel’man, Dmitry Travin, ‘Zagoguliny’ rossijskoj modernizacii: smena pokolenij i traektorii reform [6].

² Mikhail Anipkin, “Social and system integration in power relations: the case of the Volgograd region of Russia,” (Ph.D. dissertation, University of Essex 2007), criticised Gel’man’s generally political-science approach to the period of transition [in Vladimir Gel’man and Anton Steen, *Making and Breaking Democratic Traditions: the comparative politics of Russia’s regions* [5, 4-5; 131-58] rather than focusing more on tensions

They included Alexander Anipkin, who had been First Secretary of the Volgograd City Communist Party Committee since 1988. At the plenary Session of the Volgograd Regional Party Committee session in January 1990, he criticised the Central Committee and the Politburo for not being able to lead the democratization process in the country because the Party itself was left unreformed.¹ Events were moving extremely fast at that time. The speed often obscured for many participants and observers the real significance of what was happening. The First Secretary of the Volgograd Regional Party Committee, Vladimir Kalashnikov, was obliged to resign and Anipkin was subsequently elected as the new First Secretary in February 1990. This represented the culmination of an important social and political process in the Volgograd Region, which some authors view as predominantly a struggle for power within the political elite.²

We could add that another fundamental error on the part of Gorbachev was his failure to seek the support of those relatively young regional Party leaders, who would have been his natural and genuine supporters. He simply ignored them. The culminating point of the split in the Party ruling organs came during the Emergency Plenary Session of the Central Committee of the CPSU in April 1991. At that time, some Central Committee members put forward a proposal to dismiss Gorbachev from the position of General Secretary. This was why that Session was described as ‘Emergency.’³ Although this motion was not voted on, the atmosphere in the

Central Committee was alarming and reflected lack of consensus among its members.

Abolition of the CPSU supremacy

In the immediate term, the third decisive factor in the break-up of the Soviet Union was the removal of the central role of the Soviet Communist Party, the only supranational structure in the USSR. The Soviet Union had nominally been a federative republic, consisting of at least theoretically distinct entities which united together and formed the Soviet Union. This Union had been tightly controlled from the centre. The instrument of political unity was in practice the Communist Party of the Soviet Union as a strong supra-national political institution. When that instrument lost power and disintegrated, the Union itself disaggregated. That process began when in March 1990 the Supreme Soviet of the USSR eliminated Article 6 of the Soviet Constitution of 1977, which had reaffirmed the permanent political supremacy of the Communist Party. Gorbachev’s aim then was to facilitate the desired emergence of a multi-party system in a Scandinavian-type social democracy. By such an action, however, the CPSU lost the exclusive right to manage the Soviet Union’s affairs. Removal of the CPSU put on the agenda the question of the nature of the Russian state again.

Soviet Federalism or Nation-state building?

“The Soviet Union claimed to be the very antithesis of an empire,” but, even so, it was built on a former empire, and though “formally a federation, it was ruled from an imperial centre.” Dmitri Trenin begins his study of the post-Soviet era with this *a posteriori* reflection. Earlier, he refers, as do other authors and commentators, among them Plokhly, to the ‘Soviet empire’ as the successor of the Russian Empire. Trenin describes the Soviet Union as “another name for the Russian empire,” and comments that “it was in a fit of self-renewal, which was also an element of self-denial, that Russia in 1990-1991 simply shook off its empire – a move with few parallels in history.” This view re-appears in Plokhly, where Russia is described as dispensing with ‘empire’ and adopting its own policies in its own interests. There was henceforth no place for Gorbachev’s attempt to revive an all-Union market at the time of the State Council Meeting of 11 October 1991 [14, 219-220].

In 1990-91, the Soviet Union’s ruling groups, in Trenin’s view, initiated “the dissolution of the Soviet empire...” Both the Russian Empire and the Soviet Union “collapsed swiftly and unexpectedly,” the former in confusion and military defeat and the latter when Gorbachev lost control of events. The

and conflicts within society at the time. This dissertation had already pointed to the limitation of Gel’man’s elite model when applied to this question. Attention to social processes through a social and system integration approach would have enriched that analysis. Fieldwork would have reinforced theory. Olga Baydalova, *Development of a region as a social system [I]*, provides a good illustration of this approach, using data from the Volgograd *oblast*. Baydalova examined categories of variables on the basis of both quantitative and qualitative methods

¹ This speech may be found among the compilation of documents located at (<https://www.youtube.com/watch?v=ELMDBh37-aQ>). Anipkin remained in this position until August 1991. The author of this article is now in the process of translating and editing, with an Introduction, Anipkin’s *Memoirs*, originally published in Volgograd in 1991 (A. Anipkin *Ya byl poslednim pervym*, Volgograd, Vedo).

² See, for instance, V. Gel’man *Democratisation, structural pluralism and fragile bi-centrism: the case of Volgograd Oblast// Regional politics in Russia*, (Manchester and New York 2002). Pp. 154–176.

³ At the extraordinary plenary session of the Central Committee, Alexander Anipkin made a speech supporting Gorbachev, but asked him to keep close to the Party and not neglect it. *Pravda*, 26 April, 1991, № 100 (26548, p. 3) The Russian term corresponding to ‘extraordinary’ is ‘*vneocherednoi*,’ which means ‘out of sequence, or queue.’

outcomes, however, differed: in 1917, violence ensued until the victorious Bolsheviks were able to reconstitute a viable state after 1920; in 1990-91, without violence, the collapse of the soviet structure proved to be definitive.¹ The collapse accompanied a *rapprochement* with the United States, the formerly hostile power which Gorbachev had successfully courted. This involved reduction of conventional armed forces in Europe, and withdrawal of soviet personnel from a range of previously assisted countries in Africa, Latin America and Asia [20, 3-6].

Trenin also refers to the “Soviet totalitarian unitary state, which pretended to be a federation...” He points out that all three Constitutions of the Soviet Union, 1924, 1936 and 1977, provided for the right to secede from this federation, which was in reality a unitary state [20, 11]. After the promulgation of the Federal Constitution of 1993, the idea was to replace the soviet structures of government with a looser unit of outer, amalgamated states, and then a closer unity known as the Russian Federation. This latter had its clear focus on the historical core of Russia. In that sense, the earlier and traditional distinction between ethnic Russian (‘Ruskii’) and Russian (‘Rossiyiskii’) of the Russian Empire from the reign of Peter the Great to the end of the Romanov dynasty became re-formulated in a post-Soviet form. On the eve of collapse, there were said to be 105 different nationalities within the Soviet Union. Ethnic Russians, however, still remained overwhelmingly the largest group [18, 275]. Neither the Romanov political system nor its soviet successor succeeded in eliminating the tension between the broader and the narrower identities.

Many of the problems manifested in the later twentieth century originated with failure to forge a sense of common identity within the vast territories that constituted the Soviet Union. The assumption in the Romanov era had been that Russia’s European culture would inevitably predominate over the oriental component parts.² Much of that depended however, on the Russian government’s capacity to reform. Despite reforms in the 1860s and 1870s, weak institutions and scant literacy seriously inhibited the renewed process of westernisation. In reality, the

empire in social terms still resembled an *ancien régime* state [16, 193-196] In later imperial times, the counterbalance – and sometimes overlap – between national and class identity shaped the terms of reference of political discussion of the country’s future structure. S. A. Smith argues, for instance, that

“The tsarist empire never fully developed a conception of itself as a nation. Down to 1917 the form of government remained a dynasty monarchy in which the population was defined not in terms of citizens but of social estate, religion, and (towards the end) ethnicity [...] Russification, which had originated as a policy designed to improve administrative efficiency, increasingly by the 1880s entailed cultural assimilation. This was never pursued consistently, however, since any far-reaching programme of Russification challenged the legitimacy of the multi-ethnic elites and threatened the stability of the empire; the regime thus made periodic compromises in respect of educational, hiring, linguistic and other policies [...] After 1905 the promulgation of civil liberties further weakened the drive to cultural assimilation” [15, 154-155].

The problem of whether the whole Russian-Imperial territory constituted ‘the nation’ or not remained for the soviet system to resolve, if it chose to do so or if it could. Class politics, however, predominated during the immediate revolutionary period in and during the aftermath of 1917. That, however, did not remove definitively the issue of national identification. In fact, there continued to be considerable interchange between the two identities. Although national identity lost out somewhat to the soviet idea of working-class internationalism, no reason existed why class identities could not be compounded with national identities to become one common identity in the context of the Bolshevik political idea. Smith has argued that class politics proved to be relatively short-lived, receding in favour of mass national identity from the 1930s into the early 1950s. Stalin initiated this process from around 1932 and framed nationalism in soviet rather than purely Russian terms [15, 179; 190-191]. The deepening international tension of the late 1930s and the impact of war after 1941 helped to accelerate this process.

These issues have considerable bearing on contemporary tensions, especially since *Perestroika* opened the political system in a way that Gorbachev understandably never envisaged. Lenin, who had little personal interest in the idea of nationalities, left it to Josef Vissarionovich Stalin (Yugashvili), a Georgian, to reconstruct the territories in the Soviet Union, most of them (though not all) parts of the defunct Romanov Russian Empire, on a new basis designed to reflect in some way nationality. The So-

¹ Dmitri Trenin, *Post-Imperium. A Eurasian Story* [20]. Trenin has been Director of the Carnegie Moscow Centre since 2008 and a member since its foundation in 1993. The Centre is affiliated to the Washington DC-based Carnegie Endowment for International Peace. See also, for instance, John L. H. Keep, *A History of the Soviet Union, 1945-1991: Last of the Empires* [9]

² Robert P. Geraci, *Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia* [7, 343]: “Though late Tsarist Russia was a diverse, multiethnic empire, its leaders and elites often described it in wishful terms as a homogenous nation-state in the making.”

viet Union would henceforth be formed from an association of republics roughly based upon an ethnolnational character. This Union, however, was brought together essentially through the predominance of the Communist Party within each of the republics and as the Communist Party of the Soviet Union with supreme control in Moscow.

The republics, which emerged, could not be regarded as proto-national states, since few, if any, of the nationalities had actually been previously organised in recognisable state form. This was strikingly the case with respect to Central Asia, which had in centuries prior to their incorporation within the Russian Empire been parts of Islamic empires, emirates or khanates, with largely migrant peoples and tribal organisation. In Eastern Europe, a Ukrainian proto-nationalism briefly struggled in the aftermath of the First World War to find space between Polish national aspirations and Soviet strategic necessity. Lenin's solution was the incorporation of a distinct Ukrainian Soviet Republic within the Soviet Union. The effect of this was to create for the first time a *political* unit known as Ukraine, which included the port city of Odessa but did not include the originally Krym Tatar territory of the Crimea.

The first steps in the disaggregation of the Soviet Union were taken when the three Baltic republics proclaimed their sovereignty in August 1989, coinciding with Soviet military withdrawal from Eastern Europe. The implications, however, were not entirely clear at that time. In March 1990, though, the Lithuanian Parliament declared the country's independence from the Soviet Union as a separate Republic, which would start a chain reaction across Soviet territory. The Ukrainian soviet republic proclaimed its sovereignty (though not independence) in the summer of 1990. When Ukrainian nationalists, strongest in the western sector of the soviet republic, pressed in August 1991 for independence from the Soviet Union, warning lights began to flash in the Kremlin. The prospect of dividing Ukraine from Russia by the creation of new political frontiers, would leave predominantly Russian-speaking territories and a population of some 12-15 million Russians as citizens of a foreign state. Gorbachev's adviser, Gyorgy Shakhnazarov, in a Memorandum of 10 October 1991, already argued that Russia should assert its right to the Donbas zone of eastern Ukraine, to southern Ukraine and the Crimea, since they had always been Russian, and that, should Ukrainian Independence take effect, Russia should establish control in Crimea. Gorbachev strongly opposed the parting of the ways between Ukraine and Russia, arguing that no historical precedent existed for an independent Ukrainian state. In

political terms, the barrier to the construction of a Ukrainian state had always been the Communist Party. Wary of the designs of Yelstin in the Russian republic and increasingly distrustful of Kravchuk, head of the Presidium of the Ukrainian Supreme Soviet, Gorbachev was, in the meantime, attempting a last-ditch attempt to salvage the Soviet Union in November 1991 by means if a new Union Treaty, which would have both political and economic dimensions. He favoured, as always, a strong central government and a constitution for the whole unit. Both Yeltsin and Nursultan Nazarbayev, president of the republic of Kazakhstan, opposed this position, favouring a loose confederation without a general constitution [14, 34-35; 154-57; 162-67; 173; 250-51; 259].

Perestroika opened the window to ethnic conflict simmering beneath the surface. An early instance of this proved to be the status of Nagorny Karabakh, the territory disputed between the soviet republics of Armenia (Christian) and Azerbaijan (Muslim), which broke out in 1988 during *perestroika*. Yeltsin and the Nazarbayev, managed to bring it under control through the Protocol of 25 September 1991. The second conflict in the Caucasus arose over the constitutional status of Chechnya, the Muslim territory which had been incorporated in the Romanov Empire during the 1820s. Under the soviet system, Chechnya had been an autonomous region within the Russian republic. Attempting to take advantage of the chain of independence declarations, Chechnya proclaimed its own independence as a separate state in June 1991. *Glasnost* and *perestroika* had enabled a recrudescence of Chechnyan identity under the leadership of General Dzhokhar Dudaev, an Afghan-War veteran who had been Soviet bomber commander in Estonia, where he had witness Estonia's declaration of independence in autumn 1988. Unlike the Baltic States' independence, Chechnya received no support from outside, despite its proclamation of national sovereignty in the capital, Grozny. Yelstin's imposition of martial law in the region on 7 November deepened tensions and threatened outright war, until forced to back down¹.

The collapse of the Soviet Union in December 1991 raised once again the issue of national identities, although in a markedly different form from previously. The removal of Communism as the exclusive ideological foundation of which might be described as a supra-national government left the post-

¹ Dmitri Trenin (as co-author), *Russia's Restless Frontier: The Chechnya Factor in Post-Soviet Russia*, [19]. Plochy, *The Last Empire* [14, 33; 195; 213; 243-248].

Soviet successor states without any clear ideology to employ as a unifying element. Here the historical weakness of national identity became exposed. This weakness helps to explain the return of the Russian Orthodox Church into a key position in the structure of the post-soviet system.

How decisive was the economic crisis?

The present author does not regard the economic crisis of the 1980s as a prime cause of collapse. Published in 2011, Daniel Treisman's explanation does not stress the structural crisis already evident in the Soviet Union before the mid-1980s. On the contrary, he argues that "before Gorbachev came to power, it was not collapsing" [18, 29]. Instead, he points to the prospect of widespread food shortages by 1990 as a principal cause of collapse: "support for communist rule evaporated during 1990, not because of the system's chronic inefficiency or inhumanity, but because of an extreme crisis in the consumer market that sparked fears of mass hunger." He gives prime political impact to the sharply falling living standards in that year, which he sees as the result of shifts in world commodity prices in the late 1980s combined with the stagnation of agricultural production and a 50% fall in the price of oil. Accordingly, in his view, support for Gorbachev and the Communist system "crumbled."¹

The view that a food crisis brought down the Soviet Union begs the question from which perspective the problem is viewed: was this, perhaps an impression derived from the experience of well-heeled Muscovites finding themselves having to queue for food? Where was the food that Russians regularly grow on their *dachas*, preserving potatoes, for example, in their basements or their coolest rooms throughout the winter? Where was the 'informal sector,' which many ordinary Russians would use for the purchase of food and basic textiles beyond the official consumer society of shops and supermarkets? Where were the spontaneous markets in and around most of the cities, when country-folk sell their produce at lower prices? All of these latter were in evidence in, for example, the Volgograd Region. There had been many previous agricultural crises – including ones without petroleum as a factor to consider in the national purchasing power. They had not brought the Soviet Union to its knees. Why should this one?

Finally, I do not see international strategic competition as a predominant factor in the Soviet Union's collapse. It is often retrospectively argued, particularly in the United States, that the intensified arms race of the 1980s finally broke the Soviet Union, which had seemed so advanced and powerful in the decade, 1965-75. In that sense, the U.S. Government is credited with the role of 'victor' in the Cold War, proof of the non-viability of the soviet system, and a demonstration that the oppressive nature of its political régime led to economic stagnation and inability to compete effectively. Instead, we place internal factors as the prime reason for the collapse of the Soviet Union, highlighting decision-making failures and errors of political judgment on the part of its leaders.

When Gorbachev lost control of events during the course of 1991, the prospect of saving the Soviet Union was forfeited. It should be remembered, that as late as the referendum of March 1991, the majority of respondents voted in favour of retention of the existing political structure. Subsequent events during that year, however, began to undermine the result of that referendum. The rise of Boris Yeltsin, the elected president of the Russian Soviet Republic, furthermore, created an alternative pole of power to Gorbachev's attempt to uphold the unity of the Soviet state. A major factor contributing to the explanation for the Party's loss of control was its evident split.

Conclusion

Perestroika had never been intended by Gorbachev to weaken or remove the Soviet system. On the contrary, it had been his chosen means of preserving the Union. *Perestroika* was supported in the regions by the relatively young and progressive-minded Communist Party *apparatchiki*, because it enabled them to rise within the Party hierarchy. I argue that the two principal developments that undermined the system were, first, the generational crisis within the Communist Party, and, second, the withdrawal of the CPSU from its commanding position in the still existing Soviet Union in 1990 as a result of the elimination of Article 6 of the Soviet Constitution. The population of the former USSR might still have borne the hardship of the economic crisis due to the huge informal component in the regional economies, which has been little commented on in the literature.

In effect, the Soviet Union was a civilian-dominated bureaucratic absolutism, run from the Central Committee of the CPSU, in which regional and local representatives occupied a position, parallel to that of the governmental political officials based in Moscow.

¹ Treisman, *The Return* [18, 29-30]: in 1990 and during the first half of 1991, *Pravda* reported on 26 July 1991, that 4.2 million members (one-quarter of the total) left the Party. "By mid-1991, the Soviet union was essentially bankrupt" [18, 33]

The break-up of the Soviet Union, in a certain way, is still continuing its course. This can be seen in the responses of scholars, politicians, Press and public to the form which the Russian Federation has taken since the 1990s. Similarly, it can be seen in the social and political movements within Russia, which often have had repercussions in international politics. In some respects, the late Soviet Union shared more of the characteristics of other European countries, namely a stronger institutionalised and educational base, than in the contemporary state known as the Russian Federation, in which both are conspicuously lacking. In present-day Russia, institutions play a rather nominal role, since significant personal connections and networks play a more obvious function. In today's Russia, social consciousness, such as it is, becomes congeries of former Soviet ideology mixed with pre-revolutionary Tsarist notions of 'Pravoslavie, Samoderzhavie, Narodnost' (Orthodoxy, Autocracy and Popular Sentiment).

Reference

1. Baydalova, O. Development of a region as a social system. Volgograd. 2002.
2. Gel'man, V. Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes. University of Pittsburgh Press. Pittsburgh. 2015.
3. Gel'man, V. Democratisation, structural pluralism and fragile bi-centrism: the case of Volgograd Oblast// Regional politics in Russia. Manchester, New York. 2002.
4. Gel'man, V. et al., Re-examining Economic and Political Reforms in Russia, 1985-2000. Lexington Books. New York. 2014.
5. Gel'man, V., Steen, A. Making and Breaking Democratic Traditions: the comparative politics of Russia's regions. 2003.
6. Gel'man, V., Travin, D.'Zagoguliny' rossiiskoj modernizatsii: smena pokolenij i traektorii reform// Neprikosnovenny zasap. 2013. #4. (90).
7. Geraci, R. P. Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca, London. 2001.
8. Goldstone, J. A. The Soviet Union: Revolution and Transformation // Dogan M. Higley J. (eds.) Elites, Crises and the Origins of Regimes. New York, Oxford. 1998.
9. John, L., Keep, H. A History of the Soviet Union, 1945–1991: Last of the Empires. Oxford. 1995.
10. Lieven, D. Empire. The Russian Empire and its Rivals from the Sixteenth Century to the Present. London. 2002.
11. Lieven, D. Towards the Flame: Empire, War and the End of Tsarist Russia. London. 2015
12. Longworth, P. Russia's Empires. Their Rise and Fall: From Prehistory to Putin. London. 2005.
13. Mawdsley, E. The 1990 Central Committee of the CPSU in Perspective// Soviet Studies. 1991. Vol. 43, No. 5.
14. Plokhy, S., The Last Empire. The Final Days of the Soviet Union. London. 2014.
15. Smith, S. A. Revolution and the People in Russia and China. A Comparative History. Cambridge. 2008.
16. Theodore, R. W. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863-1914. DeKalb. 1996.
17. Travin, D. Semidesiatnutye – analiz pokolenija. St.-Petersburg. Preprint M-25/11. 2011.
18. Treisman, D. The Return. Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev. New York, London. 2011.
19. Trenin, D., Malashenko A., Lieven A. Russia's Restless Frontier: The Chechnya Factor in Post-Soviet Russia. Washington D.C. 2003.
20. Trenin, D., Post-Imperium. A Eurasian Story. Washington. D. C. 2011.
21. Yurchak, A., Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation. Princeton University Press. 2006.

УДК 37.035.6
ББК 60.028.131

ПАТРИОТИЗМ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Т. И. Липич

Аннотация. В статье рассматривается одна из актуальных проблем анализа понятия патриотизма как связующего звена межнациональных и межэтнических отношений в российском обществе. Особое внимание уделяется мировоззренческой, методологической, аксиологической и воспитательной функциям. Автор проводит идею о том, что патриотизм выступает национальной чертой характера русского народа и особенностью становления русской государственности.

Ключевые слова: патриотизм, национальная идея, патриотический идеал, культура, философия, православие, духовные ценности, государственность.

PATRIOTISM AS A LINK OF MULTICULTURAL AND INTER-ETHNIC RELATIONS IN RUSSIAN SOCIETY

T. I. Lipic

Abstract. The article discusses the concept of patriotism as a liaison of multicultural and inter-ethnic relations in Russian society. Special attention is paid to philosophical, methodological, axiological and educational functions. The author considers that patriotism is a national feature of Russian people and the peculiarity of the Russian statehood formation.

Key words: patriotism, national idea, the Patriotic ideal, culture, philosophy, Christianity, spiritual values, the state.

Одной из самых актуальных проблем в духовной жизни современного российского общества является проблема патриотизма, которая, по мнению многих политологов, выступает как национальная идея. Особенностью российского патриотизма выступает тот факт, что на протяжении не одного столетия нации и народности, живущие в едином государстве, объединенные едиными хозяйственными и культурными связями, не могли не породить наднациональную и надэтническую общность, разделяющую главные принципы любви к своему Отечеству, своему народу.

Кроме этого, Россия вовлекается в международные интеграционные процессы, прежде всего, процессы глобализации. Это не может не сказаться и на духовно-нравственных ориентирах общества, когда идет борьба не на шутку между западными либеральными ценностями и традиционными ценностями, имеющими доминирующее значение в нашей стране. Поэтому мы должны понимать, какую важную созидательную роль в этих процессах может сыграть патриотизм. В связи с этим Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своих выступлениях отмечал, что патриотизм – это способ выживания, способ формирования общности, которая назы-

вается народом. И мы должны всячески поддерживать любовь к своей стране, к своему Отечеству, к фундаментальным ценностям своего народа, считает Патриарх.

Проблемы патриотизма в отечественной философской и религиозной мысли рассматривались многими известными мыслителями XVIII–XX веков. Это и М. Ломоносов, и П. Я. Чаадаев, и митрополит Филарет (Дроздов), и митрополит Макарий (Булгаков), а также А. С. Хомяков, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, А. Ф. Лосев и др. Все они по-разному трактовали этот явление, вкладывая разные смыслы в его понимание. Но все они исходили из того, что патриотизм является важнейшей традиционной ценностью христианского мировоззрения, проявляющейся в возвышенном чувстве любви к Родине, неутомимом труде на благо своей Отчизны. Об этом же писали в своих художественных и поэтических произведениях представители русской литературы: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др.

Поэтому «патриотизм» всегда имел позитивный смысл в русской философии и культуре. Д. С. Лихачев писал: «Патриотизм – благороднейшее из чувств. Это даже не чувство – это важнейшая сторона и личной, и общественной

культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимается над самим собой, ставя себе сверхличные цели» [4, с. 468]. Ряд исследователей выделяет истинный и ложный патриотизм, так называемый псевдопатриотизм. Истинный патриотизм связан, в первую очередь, с историческим духом государства, с моральными нормами народов, населяющих это государство. Вместе с тем исследователи предостерегают, чтобы патриотические чувства и идеи не перерождались в психологию национальной исключительности. Для этого необходимо уважение ко всем народам.

Истинный патриотизм, как одна из непреходящих ценностей, выступает как своеобразный сплав духовности, гражданственности и социальной активности как личности, так и всего народа, ориентирующихся в своей деятельности на благо Отечества и безопасность Родины. Он выполняет в обществе мировоззренческую, методологическую, аксиологическую и воспитательную функции. В рамках осуществления этих функций патриотизм предстает своеобразным способом выживания и сохранения целого народа и нации. Многие исследователи придерживаются идеи о том, что патриотизм выступает национальной чертой характера русского народа и особенностью становления русской государственности. Это отражено в древнерусских памятниках литературы, например, «Слово о полку Игореве», «О законе и благодати» Иллариона и др. В этих поверьях, сказаниях, легендах патриотизм рассматривается в рамках создания русского государства на основе православия.

Постепенно формируется патриотический идеал, своеобразно проявляющийся то в понятии «Святая Русь», то в идее «Третий Рим» – «Москва – III Рим», то в патриотических устремлениях защитников Отечества в отечественной войне 1812 г., декабристов, славянофилов, которые развивали обоснование своеобразного пути русской цивилизации и т. д.

Например, П. Я. Чаадаев был объявлен «сумасшедшим» за выражение в своих «Философических письмах» патриотизма, выраженного в объективной и трезвой оценке прошлого, настоящего и будущего России, не умаляя ее национального достоинства. А В. Г. Белинский в своей критике выступал как истинный патриот. Он писал: «Подлинный патриотизм не в том, чтобы громче других говорить о любви и ревности ко всему отечественному, а в том, чтобы, доказав на деле, получить имя патриотов за свои заслуги от общества в истории, как получили его Минин и Пожарский, Сусанин и другие» [1,

с. 374]. Поэтому можно отметить, что патриотизм в этот период в России выступает в форме своеобразной философской критики России и русских. Полными патриотических устремлений являются философские размышления В. С. Соловьева о русской идее или Ф. М. Достоевского об исторической миссии России. К. Д. Кавелин через 50 лет после П. Я. Чаадаева задается теми же вопросами, которые беспокоили критически настроенного мыслителя [3, с. 168].

В творческом наследии И. А. Ильина патриотизм выступает как «творческий акт духовного самоопределения» [2, с. 172], как любовь к Родине. Он писал, что дух народа создается в страдании, труде, вдохновении. В этом образуется национальный духовный уклад жизни, отмечал он.

С аксиологической точки зрения, патриотизм рассматривается некоторыми исследователями в тесной связи с духовными ценностями личности и общества (А. Г. Здравомыслов, Л. П. Буева, М. С. Каган и др.). По их мнению, личность, включенная в определенную систему ценностей, доминирующих в обществе, становится патриотически-ориентированной согласно этим ценностям. Когда человек осознает и переживает чувство патриотизма через призму культурных миров, значений, смыслов, тогда появляются произведения художественного и духовно-религиозного творчества.

Поэтому патриотизм, обладая священными, возвышенными характеристиками, поднимает человека над обыденностью повседневности, делая его одухотворенным. Это же происходит, когда мы рассматриваем патриотизм через призму социума, в котором вырабатывается патриотический идеал, реализуемый через национальную идею.

А. Ф. Лосев отмечал, что патриотизм может выступать абсолютной ценностью. На этом основании патриотизм может выступать важнейшим связующим звеном или своеобразной «скрепой» межнациональных и межэтнических отношений в условиях кризиса массового сознания и международных отношений. В этих условиях начинает формироваться патриотизм российского общества как новое социокультурное духовно-нравственное явление.

Вырабатываются новые модели поведения с учетом интересов различных общностей, выражающиеся в групповой солидарности. Формируется новая национальная идентификация в диалоге «Мы» – «Они», т. е. соотнесения себя с другим. Поэтому патриотическая идентичность помогает осознать себя национальной общно-

стью, которая в процессе идентификации помещается в особую систему общественно-временных взаимодействий. То место, где проживает нация, может приобретать особенное значение. Так, например, Чудское озеро, Куликово поле, Бородино, Прохоровское поле и т. д.

В последние два-три года такой сакральный смысл для русской нации приобретает Крым, присоединение которого стало для всех русских людей объединяющим началом, поддержка борьбы ДНР и ЛНР с карательными батальонами и существующей ныне властью в Украине. Помимо территориальных характеристик, в самоидентификации нации важнейшую роль играет религиозный компонент, который весьма важен для формирования патриотической идентичности. На протяжении более чем тысячи лет понятия «русский» и «православный» являлись почти синонимами, что способствовало философско-культурологическому осмыслению этого феномена. Наш президент В. В. Путин сказал во время одного из своих выступлений, что у нас нет «никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Никакой

другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо».

Таким образом, подводя итоги можно сказать, что патриотизм является высочайшей духовной ценностью, это одно из необходимых условий существования народа: если исчезает это чувство, то исчезает и народ, и государство с лица истории. Наш патриотизм не носит характер этнический, а является государственным, несущим в себе идею социальной справедливости.

Библиографический список

1. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений. В 13 томах / В. Г. Белинский. М.: «Изд-во Академии Наук СССР». 1954. Т. VI. 374 с.
2. Ильин, И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 1 / И. А. Ильин. М.: «Русская Книга». 1993. Т. 1. 400 с.
3. Кавелин, К. Д. Наш умственный строй. Ст-и по философии русской истории и культуры / К. Д. Кавелин. М.: Правда. 1989. 656 с.
4. Лихачев, Д. С. Избранные работы: В 3 т. / Д. С. Лихачев Л.: Худож. литер. 1987. Т. 2. 468 с.

УДК 9.908
ББК 60.83

ПРИОРИТЕТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ СТАЛИНГРАДА

Е. Г. Олейникова

Аннотация. Статья посвящена историческим аспектам управления социально-экономическими процессами в кризисных условиях. Согласно предложенной автором методологии исследуются события социальной истории Сталинграда в 1943 – начале 1950-х гг.: состояние социальных проблем, динамика уровня жизни населения, результаты социально-экономических мероприятий власти. Автором использованы документы Государственного архива Волгоградской области, многие из которых впервые стали объектом научного анализа. В восстановительном процессе Сталинграда автором выделено два этапа: 1) февраль 1943 – март 1945 гг.; 2) апрель 1945 – начало 1950-х гг. Каждый этап исследуется с точки зрения его основных задач, методов их осуществления, имевшихся ресурсов, социальных приоритетов.

Ключевые слова: Социальная история, социально-экономическая политика государства, государственное управление социальной сферой, региональное управление социальной сферой, восстановительная программа, уровень жизни населения.

PRIORITIES OF SOCIAL AND ECONOMIC POLICY OF CENTRAL AND REGIONAL AUTHORITIES IN THE PERIOD OF POST-RESTORE RECOVERY OF STALINGRAD

E. G. Oleinikova

Abstract. The article is devoted to the historical aspects of managing socio-economic processes in crisis conditions. According to the methodology proposed by the author, the events of the social history of Stalingrad in the years 1943 – early 1950s: the state of social problems, the dynamics of the standard of living of the population, the results of social and economic measures of power are investigated. The author used documents of the State Archives of the Volgograd Region, many of which were the object of scientific analysis for the first time. In the restoration process of Sta-

lingrad, the author singled out two stages: 1) February 1943 - March 1945; 2) April 1945 – early 1950's. Each stage is investigated in terms of its main tasks, methods of implementation, available resources, social priorities.

Key words. Social history, social and economic policy of the state, state management of the social sphere, regional management of the social sphere, rehabilitation program, living standards of the population.

31 января 1943 г. советские войска пленили в Сталинграде южную группу гитлеровских войск во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом. 2 февраля войска Донского фронта завершили ликвидацию группировки немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Сталинградская битва закончилась судьбоносной для всей войны победой.

После завершения битвы население города составляло всего 32181 человек [11, с. 137]. Было полностью разрушено более 100 фабрик и заводов, железнодорожный узел, 124 школы, 75 рабочих клубов и Домов культуры, 15 больниц, свыше 90 % жилого фонда. Общий материальный ущерб, нанесенный Сталинграду, составил, в пересчете на довоенные цены, более 9 млрд. рублей [2, с. 193–194].

Период восстановления имел огромное значение для последующей социальной истории города. В восстановительном процессе Сталинграда можно выделить два этапа: 1) февраль 1943 – март 1945 гг.; 2) апрель 1945 – начало 1950-х годов.

Уже в первых числах февраля 1943 г. началась подготовка к восстановительным работам. В момент окончания Сталинградской битвы многие объекты Сталинграда были заминированы фашистами, территория была покрыта огромным количеством трупов, нераззорвавшимися бомбами, разбитой военной техникой. Разминирование и очистка города от трупов производилась совместными усилиями воинских частей и гражданского населения.

15 февраля 1943 г. Сталинградский городской комитет обороны принял решение к 25 февраля убрать трупы с территории города силами местной противовоздушной обороны (МПВО) и местного населения. Было решено трупы немецко-фашистских солдат и офицеров зарывать за чертой города в местностях, отведенных горисполкомом. Тела бойцов и командиров Красной Армии, павших при защите Сталинграда, хоронить в братских могилах. Частям МПВО с привлечением гражданского населения поручалось произвести разборку завалов, баррикад, расчистку улиц, засыпку воронок и приведение дорог в годное состояние.

Войска приволжского военного округа участвовали в уборке трупов до начала марта 1943 г., когда она была в основном завершена. После схода снега окончательную очистку про-

изводили мирные жители под руководством местных органов власти. Сталинград и область были полностью очищены от трупов к концу мая 1943 года. Было захоронено 47000 бойцов и командиров Красной Армии, 147000 трупов вражеских солдат и офицеров, 300 человек мирного населения [5, с. 101].

Приказом народного комиссара обороны СССР от 22 февраля 1943 г. очищение от минных полей Сталинграда и ряда прилегающих территорий было возложено на инженерные войска 62 армии, возглавляемые подполковником В. М. Ткаченко. Большое значение имела информация о заминированных объектах. Сталинградский областной НКВД производил допросы немецких военнопленных с целью получения сведений о минировании города. Были получены сведения о 59 минных полях, содержащих от 20 до 3000 мин в каждом. К их разминированию приступили с 1 марта. Ценная информация была дана Альфредом Низзином, пленным немецким офицером, инженером, который занимался установкой мин замедленного действия и мин, управляемых по радио. По показаниям Низзина, им было установлено в районе Сталинграда свыше тысячи таких мин, в том числе: на Сталинградском тракторном заводе 24 мины сроком действия 80 дней; в районе завода «Баррикады», при входах в цеха – 438 мин сроком действия 80 дней; на складе кожзавода – 10 мин с неограниченным сроком [6, с. 77].

При разминировании города специалистам воинских частей, войск НКВД и подготовленным Осоавихимом саперам из числа гражданского населения пришлось в короткие сроки проделать колоссальную и чрезвычайно опасную работу. К 15 мая 1943 г. было разминировано 38000 кв. км территории. При разминировании погибло 97 и ранено 224 человека [5, с. 101].

После окончания битвы Сталинград был наводнен разбитой техникой. Только с привокзальной площади Сталинграда и прилегающих к ней улиц трофейными частями было убрано 1456 автомашин, тягачей и тракторов, 35 танков, 27 орудий.

Большую помощь в очистке города и первых восстановительных работах оказали специальные трофейные части, сформированные из бойцов Красной Армии и возглавляемые отделом трофейного вооружения бывшего Донского

фронта. Они занимались разминированием, вывозом разбитой военной техники, ремонтом железнодорожных узлов, путей и станций.

Для скорейшего восстановления хозяйства трофейные части передали Сталинграду и области 384 грузовых и 30 легковых автомашин, 78 тракторов и тягачей, 3000 м газовых труб, 18.200 м осветительного кабеля. Бойцы трофейных частей оказывали помощь в восстановлении жилых помещений. Ими было приведено в годное для проживания состояние несколько корпусов жилфонда Сталинградского тракторного завода – более 50 комнат полностью отремонтированы, включая побелку и остекление [8, с. 112–114, 122].

Первые планы восстановления города появились уже в конце февраля 1943 г. 20 февраля 1943 г. бюро Сталинградского обкома ВКП(б) утвердило титульный список восстановления и строительства в Сталинграде.

Восстановление Сталинграда приобрело характер общесоюзной программы, в которой участвовали центральные и местные органы государственной власти, добровольцы со всей страны, жители города. В апреле 1943 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства города Сталинграда и Сталинградской области». Общая стоимость восстановительных работ первой очереди была определена в 195 млн. рублей [2, с. 197]. Совнаркомом СССР было принято постановление «О восстановлении жилищного и коммунального хозяйства города Сталинграда». ЦК ВЛКСМ принял постановления о развертывании соревнования комсомольцев и молодежи предприятий, выполняющих заказы для восстановления Сталинграда и о шефстве комсомола над восстановлением предприятий города Сталинграда.

Сразу после окончания Сталинградской битвы в стране развернулось движение помощи сталинградцам, в котором участвовали многие регионы. Так, весной 1943 г. трудящиеся Кировской области отправили в Сталинград 101 вагон строительного леса, 6 вагонов чугунного литья, 20 тонн стали [15].

Трудящиеся Саратова прислали 55 вагонов стройматериалов. Помощь поступала из Азербайджанской ССР, Татарской АССР, Горьковской, Куйбышевской, Томской областей [16].

Восстановление разрушенных промышленных предприятий шло быстрыми темпами. Уже в апреле 1943 г. небольшой коллектив рабочих и инженеров Сталинградского тракторного завода собрал первую партию отремонтирован-

ных дизелей. В июне 1943 г. на фронт был отправлен первый танк из серии «Ответ Сталинграда». 17 июня 1944 г., в день 14-й годовщины пуска завода, был выпущен первый после осады города гусеничный трактор. К февралю 1945 г. СТЗ выпустил уже более 500 гусеничных тракторов. 31 июля 1943 г. металлурги завода «Красный Октябрь» дали первую после освобождения города плавку стали. К февралю 1944 г. на заводе «Баррикады» вступили в строй восстановленные цехи общей площадью 65 тыс. кв. м [17].

Завод им. Сакко и Ванцетти, с начала войны производивший минометы, перешел к довоенной специализации – выпуску медицинского оборудования. На заводе было освоено производство 13 новых видов медтехники, в том числе уникальных аппаратов, которые способствовали восстановлению функций поврежденных верхних конечностей, возвращая многим инвалидам войны трудоспособность [18].

Как и промышленные объекты, социально-культурная сфера Сталинграда начала восстанавливаться практически сразу после завершения военных действий на территории города. Силами мирных жителей началось возвращение к работе и учебе в полностью разрушенном городе.

В феврале-марте 1943 г. в Сталинграде возобновили работу 16 школ, в которых обучалось около 5000 детей. Огромная работа была проделана учителями и родителями школьников. В Ворошиловском районе учительницы сестры Лучинские начали вести занятия в своей полуразрушенной квартире. Учителя средней школы № 50 Ворошиловского района при помощи родителей учеников организовали обучение в полуразрушенном нижнем этаже здания медицинского института.

Заведующая начальной школой № 76 Краснооктябрьского района П. Е. Бурова приспособила для проведения занятий опустевший блиндаж, в котором начали обучение двадцать школьников, затем организовала работу учеников и их родителей по ремонту и приспособлению под школу уцелевшего подвала конторы завода «Лазурь» [7].

К середине 1944 г. в Сталинграде было восстановлено, приспособлено и отремонтировано 48 школьных зданий. В них трудилось 687 учителей. Пополнение учительских кадров шло за счет вызванных из эвакуации (150 человек), выпускников педучилища (51 человек), вернувшихся к преподавательской работе из других профессий (14 человек). В 1943/44 учебном году в городе остались не укомплектованными всего 12 учительских мест: недоставало 5 преподава-

телей математики, 5 – физики, 2 – иностранных языков. Укомплектованность учебниками в 1–4 классах составляла 70–80 %, в 5–10 классах – 15–20 %.

Общее количество учащихся в начальных, неполных средних и средних школах Сталинграда на 1 января 1944 г. составило 19692 человека. Не обучалось в школе 456 детей в возрасте 8–15 лет. Из них не посещали школу по болезни – 78, по домашним обстоятельствам – 26, за отсутствием одежды и обуви – 301, по отдаленности места жительства от школы – 3, из-за занятости на работе – 3, без уважительных причин – 44.

Для обеспечения возможности посещать школу нуждающимся детям, в первую очередь детям фронтовиков, выдавались талоны на одежду и обувь, а также вещи из специального подарочного фонда. За первую половину 1943/44 учебного года детям было выдано 4556 пар обуви, 2777 комплектов одежды. Кроме этого, выдавались нитки, чулки, шапочки, мыло.

Для подростков, работавших на производстве, было организовано 7 школ рабочей молодежи, рассчитанных на 426 учащихся [13].

Огромное влияние на восстановительные процессы городского жилого фонда и социальной инфраструктуры оказало движение добровольцев, организованное в Сталинграде Александрой Максимовной Черкасовой. 15 июня 1943 г. газета Сталинградская правда опубликовала ее обращение к жителям города с призывом принять участие в восстановлении городских зданий в свободное от работы время. Инициатива А. М. Черкасовой нашла отклик у многих сталинградцев. Уже к концу июня 1943 г. в рядах черкасовцев насчитывалось около 10 тыс. человек. 2 августа 1943 г. постановлением Сталинградского горкома ВКП(б) и исполкома горсовета была учреждена городская Книга Почета для занесения в нее имен наиболее отличившихся в восстановлении города добровольцев-строителей. Первой в Книгу Почета была занесена бригада А. М. Черкасовой в количестве 21 человека [14].

Постепенно увеличивалось количество культурно-просветительских мероприятий, достигшее к концу войны значительных объемов. В течение 1945 г. Сталинградский отдел культпросветработы провел 626 публичных лекций, на которых побывало около 100 тыс. посетителей. По сообщениям печати, наибольший интерес вызывали лекции «Происхождение жизни на земле», «Учение Дарвина», «Что такое вселенная», а также выступления на исторические темы – «Отечественная война 1812 года», «Иван Гроз-

ный», «Петр Первый», «Александр Невский» [19].

Следующий этап государственной восстановительной программы Сталинграда был начат в 1945 года. В апреле Совнарком СССР утвердил Генеральный план города Сталинграда. В августе 1945 г. вышло постановление Совнаркома СССР «О мерах по восстановлению Сталинграда». Было сформировано Главное управление по восстановлению Сталинграда – «Главсталинградстрой», которое объединяло тресты «Жилстрой», «Культстрой», «Сантехстрой», «Дорстрой». Был определен фронт работ на 1945–1947 гг., выделено на восстановительные работы 587,45 млн. рублей из бюджета страны [17].

В Сталинграде было объявлено общегородское социалистическое соревнование рабочих-строителей, результаты которого подводились ежемесячно. В 1947 г. соревнование проводилось среди представителей тринадцати строительных профессий. Победители многократно перевыполняли трудовые нормы. К примеру, лучший каменщик Сталинграда по итогам февраля 1947 г., рабочий УНС-7 Роспищепромстроя В. Н. Карцев выполнил норму на 336 %; рабочий треста «Тракторстрой», победитель соревнования среди печников К. А. Белозерцев – на 320 %; рабочий Сталинградречстроя Н. В. Галушкин, лучший электросварщик, – на 352 % [9].

Созданию социально-культурных объектов города в строительных планах отводилось значительное место. Титульный список строительства в Сталинграде на 1946 г. включал 57 объектов культуры, в том числе Дом Советов, Дом печати, театр им. Горького, здания медицинского и педагогического институтов. Однако темпы их возведения отставали от плановых заданий.

В марте 1946 г. была опубликована статья управляющего трестом «Сталинградкультстрой» М. Бардина, в которой анализировались недостатки, мешавшие успешному строительству. М. Бардин указывал на отсутствие проектов – из 57 объектов техническая документация имеется только на 3; на недостаточное количество спецодежды для строителей в магазинах города; на нехватку строительных материалов – в январе-феврале 1946 г. строители должны были получить от местной промышленности 1 млн. кирпичей, а получили только 154 тысяч. Особо отмечалось равнодушие заказчиков, будущих хозяев возводимых зданий к вопросам стройки. В частности, по мнению М. Бардина, работники исполкома Сталинградского горсовета, главного заказчика строительства, «охотнее говорят об итогах и пер-

спективах, но неудовлетворительно занимаются проблемами сегодняшнего дня»; исполком не следит за своевременной поставкой строительных материалов местными предприятиями [1].

Производство строительных материалов значительно отставало от потребностей региона. Так, в 1945 г. план по выпуску силикатного кирпича в Сталинградской области был выполнен лишь на 9 %, красного кирпича – на 57 %. Остались невыполненными планы по производству извести, алебастра, мела [20].

Проблема частично решалась попытками более эффективно использовать ресурс разрушенных зданий, предназначенных на снос. В ходе разбора этих зданий было получено около 20 млн. кирпичей, пригодных для нового строительства. Работники треста «Сталинградкультистрой» взяли таким образом более 1 млн. кирпичей. В печати публиковались призывы полностью выбирать из

руин ценные стройматериалы, включая труднодоступные цоколи и подвалы, а не брать только то, «что можно взять без труда» [12].

К концу 1940-х гг. сталинградским предприятиям удалось увеличить производство стройматериалов. В 1949 г. было произведено 89081 тыс. штук кирпича, годовой план выполнен на 115,6 %; план по производству пиломатериалов был выполнен на 103,5 % [3].

В первые послевоенные годы общие показатели выпуска валовой продукции промышленностью Сталинграда постоянно возрастали. В 1949 г. выпуск валовой продукции составил 138 % от уровня 1948 г., 235 % – от уровня 1946 г. [4].

К концу 1940-х гг. объем валовой продукции большинства сталинградских предприятий тяжелой промышленности превысил довоенный уровень или приблизился к нему [21].

Наименование предприятия	Выпущено валовой продукции в 1940 г. (млн. рублей)	Выпущено валовой продукции в 1949 г. (млн. рублей)
Сталинградский тракторный завод	262,9	270,3
СталГРЭС	38,5	49,7
Завод «Красный Октябрь»	218,8	175,8

В то же время показатели сталинградской пищевой и легкой промышленности в большинстве были значительно ниже довоенных [22].

Наименование предприятия	Выпущено валовой продукции в 1940 г. (млн. рублей)	Выпущено валовой продукции в 1949 г. (млн. рублей)
Мясокомбинат	15,4	8,6
Гормолзавод	4,9	3,1
Кондитерская фабрика им. В. И. Ленина	6,41	3,99
Швейная фабрика им. 8 марта	8,9	3,1
Обувная фабрика	2,52	1,0
Чулочно-трикотажная фабрика	5,13	2,88

Во второй половине 1940-х гг. жилищный фонд Сталинграда постепенно увеличивался, но довоенные показатели в этот период достигнуты не были [23].

	Общественный жилищный фонд Сталинграда (тыс. кв. м)
Состояние на 01.01.1940	1032,4
Состояние на 01.01.1945	330,3
Состояние на 01.01.1947	535,2
Состояние на 01.01.1950	736,5

Подобные диспропорции в восстановлении хозяйства были характерны для многих регионов страны и объяснялись государственной стратегией первоочередного финансирования сектора тяжелой промышленности.

Таким образом, приоритетом государственной восстановительной политики являлся комплекс тяжелой промышленности Сталингра-

да, игравший значительную роль в экономике страны. В то же время восстановление не только промышленных предприятий, но и жилищного фонда, социально-культурной сферы города было в центре внимания государства и общества, носило, как свидетельствуют документы, характер общесоюзной программы. В ней, наряду с центральными органами власти, участвовали

многие регионы, добровольцы, жители Сталинграда.

Библиографический список

1. Бардин, М. Что нам мешает строить / М. Бардин // Сталинградская правда. 1946. 10 марта.
2. Волгоград: хроника истории. 1589–1989 гг. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1988. С. 197. С. 193–194.
3. Выполнение плана по выработке важнейших изделий в натуральном выражении промышленностью г. Сталинграда за 1949 г. // ГАВО.Ф-Р 71. Оп. 3. Д. 118. Л. 7.
4. Выполнение плана по выпуску валовой продукции в оптовых ценах промышленностью Сталинграда за 1949 г. // ГАВО. Ф-Р 71. Оп. 3. Д. 118. Л. 7.
5. Докладная записка заместителя наркома обороны СССР Е. А. Щаденко в ГОКО о материально-имущественной характеристике Сталинградской группы войск // Сталинградская группа войск. Февраль-май 1943 г.: документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград: Издатель, 2004. С.101.
6. Докладная записка заместителя наркома обороны СССР М. Воробьева в Государственный Комитет Обороны по материалам допроса военнопленного Альфреда Низина о расположении немецких мин замедленного действия в Сталинграде // Сталинградская группа войск. Февраль-май 1943 г.: документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград: Издатель, 2004. С. 77.
7. Дорога к знаниям // Сталинградская правда. 1946. 6 февраля.
8. Итоговый отчет о работе отдела трофейного вооружения бывшего Донского фронта по сбору и вывозу трофеев с полей бывших сражений в районе гор. Сталинграда войск // Сталинградская группа войск. Февраль-май 1943 г.: документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград: Издатель, 2004. С. 112–114, 122.
9. Об итогах общегородского социалистического соревнования рабочих-строителей по профессиям. Протокол заседания бюро Сталинградского городского комитета ВКП(б) и исполкома горсовета депутатов трудящихся 14 марта 1947 г. // ГАВО.Ф-Р 71. Оп. 3. Д. 70. Л. 7–9.
10. Отчет областного отдела народного образования о работе школ области за 1941/42 – 1944/45 учебные годы // ГАВО. Ф. 3423. Оп. 7. Д. 52. Л. 44–50.
11. Поднятый из руин: Сб. документов и материалов. Волгоград, 1966. С. 137.
12. Притчин, Г. Как гибнут миллионы кирпичей / Г. Притчин // Сталинградская правда. 1946. 12 марта.
13. Справка городского отдела народного образования о работе школ Сталинграда в 1943/44 учебном году // ГАВО. Ф-Р 71. Оп. 1. Д. 658. Л. 12–15.
14. Справка Сталинградского исполкома горсовета о руководстве черкасовским движением // ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1271. Л. 174–177.
15. Сталинградская правда. 1943. 27 марта.
16. Сталинградская правда. 1943. 9 апреля.
17. Сталинградская правда. 1946. 1 января.
18. Сталинградская правда. 1946. 19 января.
19. Сталинградская правда. 1946. 20 января.
20. Сталинградская правда. 1946. 13 марта.
21. Таблица составлена автором по данным источника: Итоги выполнения пятилетнего плана 1946–1950 гг. по промышленности, капитальному строительству, культуре и здравоохранению и данные по труду г. Сталинграда // ГАВО. Ф-Р 71. Оп. 3. Д. 118. Л. 38, 39.
22. Таблица составлена автором по данным источника: Итоги выполнения пятилетнего плана 1946–1950 гг. по промышленности, капитальному строительству, культуре и здравоохранению и данные по труду г. Сталинграда // ГАВО. Ф-Р 71. Оп. 3. Д. 118. Л. 38, 39.
23. Таблица составлена автором по данным источника: Итоги выполнения пятилетнего плана 1946–1950 гг. по промышленности, капитальному строительству, культуре и здравоохранению и данные по труду г. Сталинграда // ГАВО. Ф-Р 71. Оп. 3. Д. 118. Л. 46.

УДК 338.22.021.1(470)

ББК 65.9(2Рос)-56

К ВОПРОСУ ОБ ИМИДЖЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. Н. Булаткин

Аннотация. Статья посвящена анализу роли и значения позитивного имиджа государства, а также деятельности по его формированию. Показана бесперспективность стремления улучшить имидж России преимущественно искусственными средствами, сосредотачивая усилия на выгодном освещении существующей ситуации вместо качественного изменения реального положения дел в стране. Проанализированы проблемы, препятствующие повышению привлекательности современной России.

Ключевые слова: имидж, государство, информация, экономика, инвестиции, безопасность, Россия.

TO THE ISSUE OF THE IMAGE OF MODERN RUSSIA

A. N. Bulatkin

Abstract. The article discusses the role and significance of the positive image of the state. Also the author pays attention to activities for its formation. The author acknowledges the futility of further work to improve Russia's image by artificial methods. Nowadays mass media focuses on positive reflection on reality. Instead of it the power should to change the situation in the country. Major challenges to improving attractiveness of modern Russia are also analyzed.

Key words: image, state, information, economy, investment, security, Russia.

Анализ проблемы имиджа современной России представляется весьма актуальным не только с теоретической, но и с практической точки зрения. От того, как воспринимает страну международное сообщество во многом зависит ее авторитет, безопасность, экономическое благополучие и, в конечном счете, место и роль в современном мире. По поводу последнего в отношении России политики и эксперты высказывают различные, зачастую диаметрально противоположные мнения. Более того, один и тот же человек на протяжении весьма непродолжительного времени может радикально менять свою оценку. Достаточно вспомнить эволюцию представлений бывшего президента США Б. Обамы о нашей стране. От утверждения о том, что Россия является заштатной региональной страной с разорванной в клочья экономикой, оказавшейся в ситуации едва ли не полной изоляции от мирового сообщества, Б. Обама довольно скоро перешел на позицию признания России влиятельной военной сверхдержавой. А военная мощь, как известно, предполагает наличие и развитого военно-промышленного комплекса, и передовых технологий, и науки, и многого другого. Приведенный пример показывает зависимость имиджа страны от влияния большого количества самых разнообразных факторов, хотя в данном случае решающую роль сыграли активные действия России по борьбе с международным терроризмом в Сирии и наличие политической воли для их осуществления.

Имидж играет большую роль в самых разных сферах жизни и деятельности, начиная с бизнеса и вплоть до ситуации выбора брачного партнера. Но особое значение он имеет в политике, где идет непрерывная борьба за власть и влияние. Внимание к своему имиджу прослеживается уже у лидеров первобытного общества – вождей и шаманов, которые прилагали немало усилий для того, чтобы представать в глазах соплеменников наглядным воплощением силы, могущества или мудрости. Данная тенденция в дальнейшем только усиливается. Определяя специфику древнегреческой полисной демократии, Платон устами Сократа подчеркивает ее важную особенность: «...властью обладает и правит тот, кто слышит доблестным или мудрым...» [7, с. 101]. Для того, чтобы убеждать избирателей (а это тысячи людей) в наличии данных добродетелей, древние греки изобрели и активно использовали специальное искусство – риторику, которую софисты рассматривали как искусство убеждения словом [8, с. 484]. Для имиджа оратора политика все имело значение: и незапятнанная репутация, и умение блестяще выступать и вести полемику перед многотысячной толпой, и ораторская поза, и жесты. Только убедив избирателей в наличии необходимых качеств можно было получить от них властные полномочия.

Во все исторические эпохи правители (а также те, кто хотели ими стать) различными средствами стремились обрести харизму в вос-

приятии тех, над кем они властвовали. Но особенно ярко данное стремление проявилось в XX столетии, в котором, как справедливо отмечает А. И. Бардаков, «исключительную важность приобретает собственный стиль, имидж вождя. Вожди работают над своим обликом, создавая неповторимые, яркие образы: экзальтированный А. Гитлер, аскетичный в речи и образе жизни И. Сталин, глубокомысленный Мао Цзэдун. Народная молва при помощи пропаганды создает и мифологизированный образ вождей, которые сочетают в себе все достоинства и величайшие способности во всех сферах жизни: они самые великие стратеги, непревзойденные тактики, умелые хозяйственники, мудрейшие идеологи, талантливейшие организаторы» [1, с. 166].

В XXI в. появляются новые тенденции. В процессе формирования имиджа любого политика ведущую роль начинают играть цифровые средства массовой информации. Бурное развитие информационных технологий многократно увеличивает скорость распространения информации, а следовательно, и ускоряет процесс глобализации. События, произошедшие в любой самой отдаленной части мира, практически сразу становятся общеизвестными. При этом способность представителей власти оказывать влияние на процесс распространения и получения информации, ставить его под свой контроль, несмотря на все предпринимаемые усилия, стремится к нулю. Любой человек, используя современные гаджеты, может генерировать информацию, а также иметь практически неограниченный доступ к любой информации. Единственный способ этому радикально помешать – запретить Интернет и мобильную связь, что сопряжено с огромными имиджевыми потерями для власти. Только самые одиозные политические режимы могут идти на подобный шаг. В этих условиях, благодаря масштабному тиражированию информации, возможно динамичное создание или изменения имиджа любого политика. Примером такого быстрого формирования позитивного имиджа может быть предвыборная кампания В. В. Путина в 2000 г. или Э. Макрона в 2017 году. Точно также и, вероятно, еще быстрее можно разрушить положительный имидж политика. Самая популярная технология, применяемая сегодня в данных целях – создание лживых новостей. Недостоверная информация генерируется каким-либо малоизвестным средством массовой информации, а затем с огромной скоростью тиражируется ангажированными гигантами массмедиа со ссылкой на это издание. Через какое-то время дается опровержение, но оно уже не имеет

статуса сенсации и поэтому мало кому интересно. Главное – дело сделано – имиджу политика нанесен урон. Противостоять этой технологии, при всей ее очевидной простоте, если не сказать примитивности, крайне сложно, наглядным доказательством чего является не очень успешная борьба президента США Д. Трампа с так называемыми фейковыми новостями и СМИ, их распространяющими.

Однако то, что важно для отдельных политических деятелей, не менее значимо для государства в целом. Легитимность его действий, выгодные экономические связи, безопасность, количество союзников, влияние государства на мировую повестку дня – все это не в последнюю очередь зависит от имиджа страны. Отсюда возникает естественное желание сделать его максимально привлекательным.

В России лица, принимающие решения, аргументируют первостепенное внимание к проблеме формирования позитивного имиджа страны, прежде всего, заботой о повышении ее инвестиционной привлекательности. В этих условиях любая информация о сколь-нибудь крупных иностранных инвестициях в российскую экономику мгновенно тиражируется практически всеми отечественными средствами массовой информации.

Разумеется, любая информация, работающая на позитивный образ России, должна распространяться максимально широко как в нашей стране, так и за ее пределами. Более того, для этого нужно активно использовать новейшие технологии, находить оригинальные способы подачи информации. Этим профессионально занимаются (зачастую весьма успешно) и, безусловно, должны заниматься сотрудники российских СМИ и PR-подразделений различных государственных и негосударственных структур. Однако при этом возникает опасность преувеличения значения данной деятельности. В условиях стремительного расширения виртуального пространства велик соблазн улучшать имидж преимущественно искусственными средствами, вместо качественного изменения реального положения дел в стране, сосредотачивать усилия на выгодном освещении последних, выдавать желаемое за действительное. Привлекательный имидж, конечно, важен, но при отсутствии значимых, масштабных достижений он есть всего лишь *видимость*, «...бытие, лишённое сущности» [3, с. 12].

Если ситуация в стране оставляет желать лучшего, то сформировать ее положительный образ весьма сложно. А если это все же удастся

сделать, то достигнутый эффект носит сиюминутный характер и быстро проходит. Пока неадекватность реальному положению вещей не очевидна, реклама и пропаганда еще оказывают желаемое воздействие. Но как только действительность напоминает о себе, наступает разочарование, которое тем глубже, чем интенсивнее были иллюзии. К сожалению, современная российская действительность дает этому множество примеров.

На первый взгляд благоприятное для имиджа России событие – присоединение к ВТО накануне саммита АТЭС во Владивостоке – несмотря на предшествовавшие шестнадцатилетние переговоры, произошло на невыгодных условиях для ряда отраслей российской экономики и особенно для сельского хозяйства, которому был нанесен существенный ущерб. Только ответные ограничительные меры Российской Федерации, введенные после принятия незаконных санкций Запада в 2014 г., позволили сельскому хозяйству России в какой-то мере восстановить утраченные позиции и перейти к росту, который составил в 2016 г. 3,6 % [6, с. 45].

Широко разрекламированное и верное по замыслу решение российских властей о бесплатном предоставлении нуждающимся в улучшении жилищных условий многодетным семьям земельных участков для строительства своих домов, закрепленное в ст. 39.5 Земельного кодекса Российской Федерации [4], в процессе реализации для многих семей оборачивается выделением участков в труднодоступных местах, вдали от объектов инфраструктуры, а иногда и вовсе непригодных для застройки. Людям предлагают ту землю, которую нельзя реализовать на возмездной основе. Тем самым создается видимость заботы государства о важной для него категории граждан, на деле же их жизненная ситуация существенно не улучшается.

Благое намерение правительства обеспечить население России высокотехнологичной медицинской помощью, наряду с положительными результатами, на практике имело и обратную сторону – массовое закрытие больниц и поликлиник во многих населенных пунктах и увеличение очередей в оставшихся медицинских учреждениях. Доступность медицинской помощи на уровне первичного звена упала. Соответственно, снизилось и ее качество. Отчаявшиеся больные вынуждены обращаться напрямую к Президенту Российской Федерации, чтобы как-то повлиять на сложившуюся ситуацию [9].

Первоначально благоприятно воспринятый заинтересованными лицами указ Президента

России от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [5], предусматривающий до 2018 г. поэтапное повышение оплаты труда работников бюджетной сферы (учителей, преподавателей, работников здравоохранения и т. д.), в ходе реализации на местах обернулся сокращениями сотрудников образовательных и других бюджетных учреждений. Оставшиеся вынуждены работать на полторы и более ставки, чтобы номинальный размер их зарплаты соответствовал нормативным требованиям. Очевидно, что в этом случае имеет место не повышение оплаты труда, а рост его интенсивности.

Вывод, который можно сделать на основе этих и многих других случаев, вполне очевиден. Для России требуются не косметические преобразования, не улучшение имиджа искусственными средствами, не изменение видимости, дающее непродолжительный эффект, а качественные преобразования на сущностном уровне. Только в этом случае можно рассчитывать на устойчивый и закономерный результат. Если у страны есть масштабные достижения в ключевых областях, то ее имидж с необходимостью будет привлекательным. Опыт нашей страны, относящийся к середине прошлого века, недвусмысленно это демонстрирует. Когда СССР победил фашизм, демонстрировал на протяжении 1950-х гг. очень высокие темпы экономического роста, выиграл космическую гонку у США и первым запустил в космос спутник, а затем человека, у него не было проблем с имиджем. Для всего мира он был весьма привлекательным.

Что же является самым существенным препятствием на пути формирования позитивного имиджа современной России?

Очевидно, это состояние экономики страны. Масштаб экономики государства определяется прежде всего величиной валового внутреннего продукта (далее – ВВП). Размер последнего можно рассчитывать по разным методикам и показателям, но в любом случае, по размеру ВВП Россия находится отнюдь не в числе лидеров. Ее уверенно опережают США, Китай и ряд других стран. По данным Всемирного банка, в 2016 г. ВВП США составил \$ 18,569,100 млн., КНР – \$ 11,199,145 млн. Российская Федерация с показателем \$ 1,283,162 млн. оказалась только на 12 месте, пропустив вперед не только Японию, Германию, Великобританию, Францию, но и Индию, Бразилию, Италию, Канаду, Южную Корею, и лишь незначительно опередив Испанию (\$ 1,232,088 млн.) и Австралию (\$ 1,204,616 млн.) [10]. Размер ВВП России, пересчитанный по па-

ритету покупательной способности национальной валюты, ставит ее по итогам 2016 г. на более высокое шестое место, но тоже с большим отставанием от лидеров. Не дают повода для оптимизма и темпы роста ВВП нашей страны, которые в последние годы были отрицательными. В 2016 г. падение экономики замедлилось, появилась надежда на начало экономического роста в текущем году [6, с. 3–4]. Однако до решения некогда поставленной задачи удвоения ВВП страны по-прежнему далеко. Более того, о самой этой задаче, в силу ее очевидной неактуальности, сейчас не очень принято вспоминать. Сравнение по данному показателю с развивающимися странами (не только с Китаем или Индией, но и многими другими) отнюдь не в пользу Российской Федерации [10]. Отстает Россия и от среднемировых темпов роста ВВП. В 2016 г. мировая экономика выросла на 2,3 % (в то время как российская все еще снижалась). В 2017–2019 гг. темпы ее роста ожидаются в диапазоне 2,7–2,9 %. Прогноз Всемирного банка для экономики России на тот же период – 1,3–1,4 % [6, с. 3, 40, 45]. Очевидно, что темпы роста нашей экономики в среднесрочной перспективе примерно в 2 раза ниже общемировых.

Не дает возможности отнести Россию к числу стран-лидеров и качественный уровень ее экономики, для которой характерна большая зависимость от экспорта сырья, особенно, углеводородов. Так называемый несырьевой сектор экономики хотя и растет, но медленными темпами. Доля высокотехнологичной продукции в российском экспорте крайне невелика [11], причем большая ее часть приходится на экспорт вооружений.

Сырьевая направленность российской экономики потенциально несет в себе угрозу безопасности страны. И не только экономической. Зависимость от мировых цен на энергоносители ставит страну в крайне затруднительное положение. Причем совершенно неважно, имеют место высокие или низкие цены на нефть. Если цены достаточно высоки и продолжают расти, то это действует на людей, ответственных за экономику страны, расслабляюще. Можно не проводить болезненные структурные реформы – экономические показатели все равно будут расти. Идеальная ситуация для государственных служащих, служебное положение которых напрямую зависит от результатов их деятельности. В случае же возникновения каких-либо проблем, их всегда можно «залить деньгами», которых вполне достаточно в условиях получения сверхдоходов от продажи сырьевых товаров. В результате нет

действенных стимулов для модернизации. Ее необходимость можно декларировать, принимать разнообразные целевые программы, осуществлять «знаковые» проекты (как, например, в Сколково), но реальной отдачи от них можно не требовать. Положительные показатели экономики итак гарантированы мировой конъюнктурой.

Однако в силу цикличности экономического развития подъем рано или поздно сменяется спадом. Цены на сырьевые товары падают, возникает проблема дефицита бюджета. Структурная перестройка экономики вновь откладывается, поскольку на нее недостаточно средств. Можно высказывать сожаление, что этим недостаточно активно занимались в благополучные годы, но кардинально ничего изменить нельзя. Задача сохранить, удержать ситуацию в приемлемых параметрах в условиях экономического кризиса получает безусловный приоритет.

Таким образом, сырьевая направленность экономики «замораживается» на долгие годы либо из-за отсутствия действенной мотивации у лиц, принимающих решения, либо вследствие дефицита государственных финансов. Данная ситуация чревата для России усилением ее отставания в качестве экономического роста не только от развитых, но и от многих развивающихся стран мира. А инновационная модель экономики может остаться исключительно предметом сугубо теоретического интереса.

Нельзя не сказать и о социальных последствиях доминирования сырьевой экономики. Резкое падение цен на сырьевые товары и, как следствие, дефицит бюджета (за годы рецессии первичный дефицит федерального бюджета РФ вырос с 1,7 % ВВП в 2015 г. до 2,7 % ВВП в 2017 г. [6, с. 6]), создает трудности в выполнении государством своих социальных обязательств перед населением. Замораживание в номинальном выражении, а фактически снижение заработной платы работников бюджетной сферы, государственных служащих, экономия на индексации пенсий и других социальных выплат [6, с. 6, 24], потенциально ведут к росту недовольства различных слоев населения. При этом действует закономерность: чем выше темпы снижения уровня жизни людей, тем больше вероятность усиления протестных настроений. В стране растет уровень бедности. В настоящее время около 20 млн. человек имеют доходы ниже прожиточного уровня [6, с. 25]. Падает покупательная способность населения [6, с. 5], что, в свою очередь, создает серьезные трудности для бизнеса: сокращаются доходы людей, занятых в этой сфере, прекращают свою деятельность многие

малые и средние предприятия, рентабельность оставшихся неуклонно снижается. У малого и среднего бизнеса возникают большие проблемы с кредитованием. По оценке Всемирного банка, сектор малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации «...больше других пострадал от рецессии» [6, с. 6]. Итогом всего этого становится уменьшение налоговых отчислений в бюджеты всех уровней, и, как следствие, угроза роста их дефицитности. Наиболее востребованным инструментом в противостоянии данной угрозе в России стало масштабное сокращение расходов. Особенно наглядно это проявилось на региональном уровне, где «наибольшему сокращению подверглись расходы на социальную сферу и капиталовложения» [6, с. 7]. Существенное сокращение затронуло прежде всего образование, здравоохранение, социальную помощь, а также транспорт и ЖКХ [6, с. 58]. Решая данным способом проблему бюджетного дефицита на федеральном, региональном или муниципальном уровнях, власти одновременно усугубляют другие проблемы: качества образования, здравоохранения, социальных услуг, развития инфраструктуры. А это неизбежно влечет за собой дальнейшее снижение в России качества человеческого капитала, появление все большего числа пенсионеров, живущих за чертой бедности, ухудшение показателей износа транспортных средств, жизненно важных коммуникаций и жилого фонда.

Еще один аспект негативного влияния сырьевой экономики – технологическая безопасность страны. Отсутствие необходимых передовых технологий наносит значительный ущерб не только экономике, но и престижу государства. У наших оппонентов из экономически развитых стран появляется возможность использовать технологическое отставание Российской Федерации в политических целях для оказания на нее беспрецедентного давления по спорным вопросам. Наглядная иллюстрация этого – недавнее принятие в США нового закона о санкциях, затрагивающего коренные интересы России.

Нужно сказать также и о безопасности в военной сфере. В стране идет масштабное перевооружение армии. Для его осуществления жизненно необходимы собственные технологии. Опыт прошлых лет в части приобретения военной техники за рубежом показал несостоятельность подобной стратегии. При возникновении первой же кризисной ситуации в 2014 г. ранее вполне лояльная по отношению к нам страна – Франция, тут же отказалась передавать России уже построенные для нее и оплаченные военные

корабли. А разрыв кооперации с украинскими предприятиями, производившими комплектующие для российской военной техники, сделал проблему импортозамещения в данной сфере чрезвычайно актуальной. К счастью, существующий потенциал российского ОПК позволяет надеяться на успешную реализацию программы импортозамещения, оперативно разработанной и принятой в России.

Тем не менее проблемная ситуация в российской экономике налагает существенные ограничения на стратегию развития военного потенциала нашей страны. Большие расходы требуются на проведение боевой подготовки армии, на борьбу с международным терроризмом, на реализацию социальных программ для военнослужащих. Но, наряду с этим, государству нужно финансировать и здравоохранение, и образование, и многое другое. Для устойчивого развития страны необходима сбалансированность. Военные расходы нельзя чрезмерно наращивать в ущерб финансированию социальной сферы. Нельзя игнорировать опыт СССР, тратившего на оборону большую часть доходов.

Дополнительную угрозу безопасности нашей страны представляет стратегия увеличения военных расходов в странах НАТО. После 2011 г. наблюдалась тенденция сокращения этих расходов у США и их союзников. Однако в 2016 г. расходы США вновь выросли, превысив \$ 600 млрд [2]. Это в номинальном выражении почти в 3 раза больше, чем тратит Китай, и почти в 9 раз больше военных расходов России. В данных условиях первостепенное значение для нашей страны приобретает повышение отдачи от государственных инвестиций. Причем отнюдь не только в военной сфере. Ни для кого не секрет, что бюджетные средства по-прежнему используются недостаточно эффективно, а подчас и вовсе не по назначению. Особенно наглядно это проявляется при строительстве и ремонте автомобильных дорог, в сфере ЖКХ. Любой человек, пользующийся дорогами или услугами ЖКХ в России, легко придет к такому заключению. Причины, приводящие к малоэффективному использованию государственных денег, тоже давно и хорошо известны. Это пресловутые «откаты», широкое распространение, если не доминирование, аффилированных компаний и другие проявления коррупции. Нужно ли говорить, что подобные явления не улучшают имидж России.

Нельзя утверждать, что в нашей стране не ведется борьба с коррупцией. Правоохранительная система Российской Федерации достаточно эффективно борется с так называемой «низовой

коррупцией». Более того, благодаря деятельности российских СМИ всем наглядно показано, что в России нет неприкасаемых. Судебному преследованию подвергаются любые коррумпированные государственные служащие: министры, губернаторы, высокопоставленные представители силовых структур и т. д. Однако после бурного обсуждения обстоятельств очередного сенсационного ареста и мер, позволивших бы предупредить преступные злоупотребления, активность депутатов, общественности, СМИ быстро угасает. Складывается впечатление, что борьба с коррупцией в высших эшелонах власти сводится к отдельным, хотя и знаковым, акциям, носит кампанейский характер.

На выборочный характер правосудия и отсутствие системного подхода в противодействии коррупции указывает и то обстоятельство, что для начала следственных действий в отношении какого-либо высокопоставленного государственного служащего требуется специальное разрешение руководящих структур. Правоохранительные органы могут в течение длительного времени накапливать информацию о деятельности чиновника, содержащей признаки преступления, прежде чем получают соответствующее разрешение на проведение официальных следственных действий.

С одной стороны, подобная практика, особенно с прагматической точки зрения, выглядит оправданной. Ведь негативная информация о потенциальных преступниках во власти наносит ущерб имиджу страны, показывает степень ее подверженности коррупции. Худший случай, если такая информация окажется еще и недостоверной. Вместе с тем промедление в борьбе с очевидным злом таит в себе не меньшие имиджевые потери. И, что еще более важно, не только имиджевые. Деятельность коррупционеров наносит реальный ущерб интересам государства. Чем дольше она продолжается, тем больший вред она наносит. Незамослостельность правоохранителей в данном случае играет негативную роль.

На отсутствие в полной мере независимой правоохранительной системы в Российской Федерации указывает и практика принятия судами так называемых политических решений. Речь идет о тех случаях, когда суд принимает сторону не юридических или физических лиц, а государственных структур, несмотря на отсутствие для этого достаточных законных оснований. В сочетании с практикой использования судебных решений для отъема собственности, например, через процедуру банкротства, это порождает у бизнеса стремление искать иную, более объективную юрисдикцию. Как следствие, все постсовет-

ские годы в России наблюдалось бегство капитала и даже сформировалась «офшорная» элита. В последние годы отток капитала из нашей страны значительно уменьшился, но не прекратился [6, с. 19–20].

К числу значимых проблем, отрицательно влияющих на экономику России, следует отнести автономность ее финансовой системы, которая фактически работает сама на себя, а не на интересы государства и жителей страны. Упомянутая выше проблема кредитования, особенно малого и среднего бизнеса, наглядно это иллюстрирует. К негативным явлениям следует также добавить «утечку мозгов», неразвитость институтов гражданского общества, снижение качества человеческого капитала. Все они отрицательно сказываются и на реальном положении дел в стране, и на ее восприятии в мире. Перечень факторов, оказывающих влияние на имидж современной России, можно продолжить, однако их рассмотрение требует специального исследования.

Библиографический список

1. Бардаков, А. И. Власть и управление в формах коллективной жизни / А. И. Бардаков. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2006. 224 с.
2. Военные расходы стран мира. URL: <http://spydell.livejournal.com/638161.html> (дата обращения 21.06.2017).
3. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики: В 3 т. Т. 2 / Г. В. Гегель. М.: Мысль, 1971. 248 с.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136 ФЗ (ред. от 01.07.2017) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 06.07.2017).
5. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 URL: <https://rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html> (дата обращения: 21.06.2017).
6. От рецессии к восстановлению. 37 доклад Всемирного банка об экономике России. Май 2017. – 64 с. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/894401495493535366/RER-37-May26-FINAL-with-summary-RUS.pdf> (дата обращения: 26.06.2017).
7. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.
8. Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1 / Платон. М.: Мысль, 1990. 862 с.
9. Прямая линия с Владимиром Путиным 2017. Полная версия URL: <http://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/pryamaya-liniya-2017/pryamaya-liniya-s-vladimirom-putinym-2017-polnaya-versiya> (дата обращения: 26.06.2017).

10. Gross domestic product 2016. World Development Indicators database, World Bank, 17 April 2017 URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf> (дата обращения: 26.06.2017).

11. High-technology exports (current US\$). Data. The World Bank URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TEC.CD?locations=CN-RU&view=chart>

УДК 332.14 (470.45)
ББК 65.049

МИГРАЦИЯ КАК ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ГРАНТА РФФИ № 16-13-34011 «МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»)¹

Ю. А. Дроздова

Аннотация. По мнению автора статьи, рост миграции свидетельствует о наступлении эпохи нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности, когда недостаточность рабочих мест, низкое качество жизни, необеспеченность жильем, отсутствие перспектив для получения качественного образования, медицинского обслуживания, военные действия в регионе /стране исхода вызывают недовольство населения, являются основными причинами для миграции. Эти же причины вызывают желание идентифицироваться с другими социальными группами, влияют на смену идентификационных предпочтений мигрантов.

На основании эмпирических данных, полученных в ходе полевого этапа грантового исследования (грант РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ»), автор статьи рассматривает процесс формирования региональной идентичности как социальный механизм, открывающий практические возможности для принимающего и прибывающего населения и помогающий адаптироваться и интегрироваться на новой территории.

Ключевые слова: миграция, региональная идентичность, социальные трансформации, миграционные риски.

MIGRATION AS SEARCH FOR IDENTITY (BASED ON MATERIALS OF RFBR GRANT 16-13-34011 MIGRATION RISKS IN A MULTIETHNIC REGION: SOCIOLOGICAL AND MANAGERIAL ANALYSIS)

J. A. Drozdova

Abstract. In the author's opinion, the increase of migration indicates that unstable social and identifying factors are beginning to stabilize. The above factors include lack of work opportunities, low quality of life, inadequate housing, lack of educational prospects or quality health care, hostilities in the area / country of departure; they all cause people's discontent and an urge to migrate. The same factors cause a desire to identify oneself as a part of other social groups and affect the migrants' identification preferences.

On the basis of empirical findings obtained by field study of grant research (RFBR grant 16-13-34011 Migration risks in a multiethnic region: sociological and managerial analysis) the author considers the process of regional identity formation as a social mechanism that offers opportunities for both the receiving and migrating population, a mechanism that also helps to adapt oneself to and integrate into new life.

Key words: migration, regional identity, social transformations, migration risks.

Нельзя не согласиться с В. А Ядовым и Е. Н. Даниловой, что «в нестабильном мире принципиально невозможна стабильная социальная идентичность» [3, с. 14]. Но тем не менее трансформации общества, которые в России ощущаются уже почти 20 лет, позволяют нам говорить о трансформирующейся, а не о кризис-

ной социальной идентичности. Миграционные процессы, на наш взгляд, свидетельствуют не о кризисной идентичности, когда люди не способны в силу разных причин адаптироваться к меняющимся условиям жизни, а о трансформирующейся идентичности, и мы исходим из того, что изменения, происходящие с ней, – нормаль-

¹ Грант РФФИ № 16-13-34011 – ОГОН «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ».

ное состояние личности, принуждаемой объективными условиями динамичных социальных процессов постоянно отслеживать изменения в своем социальном самоопределении: по месту проживания; по общественному статусу; в этнонациональных взаимодействиях; в области семейных новаций; в гражданских самоопределениях. Позволим предположить, что рост миграции свидетельствует о наступлении эпохи нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности, и процесс этот следует принять как социальный факт.

Наиболее разработанным среди множества научных подходов в исследовании миграции является экономический, рассматривающий миграцию как результат неравномерного географического распределения труда и капитала [1, с. 45]. Э. Д. Равенстайн, являющийся основоположником в исследовании миграционных процессов, указывал, что ни одна из причин не может сравниться по размаху с теми явлениями, которые возникают из-за стремлений, присущих большинству людей «улучшить свое материальное положение» [Цит. по 1, с. 50].

Макро- и микроуровневые классические и неоклассические теории (М. Пиорее, У. Льюис, У. Томас и Ф. Знанецкий, Х. Аранго, Л. Л. Рыбаковский и др.) причины миграции объясняют сегментацией рынков современных индустриальных обществ, рациональностью выбора, максимизацией пользы, фактором мобильности и дифференциацией заработной платы при территориальном перемещении [9, 8, 11, 1, 7].

Но, объясняя рациональные причины миграции, экономические теории рассматривают мигрантов как статистическую совокупность, исключая дифференцированный, индивидуальный подход к объяснению мотивов мигрантов, выявлению идентификационных предпочтений людей, выбирающих миграцию как жизненный сценарий. Существующая типология миграции, дифференциация миграционных потоков, индивидуальные стратегии гораздо шире, чем экономическое объяснение причинно-следственной обусловленности социальных процессов, в том числе миграционных.

Социологический подход расширяет наши представления в объяснении причин и феномена миграции, так как акцентирует внимание на социальных факторах, последствиях, механизмах исключения и встроенности мигрантов в конкретный социум [5, с. 199]. В рамках этого подхода «миграция» понимается как территориальные перемещения, совершающиеся между разными населенными пунктами одной или не-

скольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности [7]. Территориальные перемещения могут быть обусловлены различными факторами, причинами, которые выявлялись в ходе полевого этапа комплексного социологического исследования в рамках реализации гранта РГНФ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (опрос прибывшего населения, Волгоградская область, n = 150, июль – август 2016 года; экспертные интервью с представителями научного сообщества и органов власти, общественных организаций, N = 35, июль – ноябрь 2016 года; глубинные интервью с иммигрантами, N = 15, июль – сентябрь 2016 года, интервью с эмигрантами, N = 10, июль – август 2017).

Как показало проведенное исследование, основной причиной миграции в Волгоградскую область, по мнению респондентов, является поиск работы (73,1 %), к экономическим причинам можно отнести и выбор ответа «улучшение материального положения» (47,8 %), были названы и военные действия на прежнем месте жительства (Украина) (25,5 %); 7,6 % участников опроса отметили негативное отношение к национальности мигрантов в стране исхода [4, с. 104].

Миграцию по экономическим причинам, трудовую, добровольную можно считать на сегодняшний день основными типами миграции, но в Волгоградской области можно выявить и другие виды миграции (вынужденную, военную, условно-добровольную), что увеличивает количество миграционных рисков и усложняет региональную типологию миграции.

Информантами в глубинных интервью наиболее распространенными причинами миграции были названы: «отсутствие перспектив на своей Родине»; «отсутствие работы»; «отсутствие качественного медицинского обслуживания»; «неразвитость инфраструктуры», что подтвердило гипотезу – следствие грантового исследования о том, что недостаточность рабочих мест, низкое качество жизни, необеспеченность жильем, отсутствие перспектив для получения качественного образования, медицинского обслуживания вызывают недовольство населения, являющиеся основными причинами для миграции. Эти причины вызывают желание идентифицироваться с другими социальными группами, влияя на смену идентификационных предпочтений.

Стоит отметить, что информанты – мигранты, несмотря на сложности, с которыми им приходилось сталкиваться при поиске жилья, работы в принимающем регионе / стране, спустя

определенное время, обустроились и заняли свою нишу, чувствуя себя в ней уверенно: *«...меня привлекла другая среда, уровень общения, уровень интересов. Интересы с точки зрения личностного роста. ... В Москве это были более широкие... возможности»* (мигрант № 25, мужчина, Москва); *«В основном занимаюсь бахчеводством, плантацией. Как переехали, так занимаемся этим. Чем у себя занимались, тем и здесь. Не..., никто не помогает. Сами...»* (мигрант № 11, мужчина, из Таджикистана); *«...мне нравилась атмосфера большого города, нравилась такая энергетика, что все были целеустремленные, что можно было найти... Я стала работать и получать совершенно другие деньги. Абсолютно в сравнение не идущие с тем, какие были в Волгограде. И это оказало большой стимул. Работала я меньше, а работа была интереснее»* (эмигрант № 26, женщина, Гастингс, Великобритания).

Проведенное исследование подтвердило одну из гипотез – следствие о том, что мигранты – люди, обладающие более активной жизненной позицией, готовые терпеть временные трудности ради перспектив и лучших возможностей, открывающихся перед ними по сравнению с жизнью в стране исхода. Об этом говорила в своем интервью и О. Д. Воробьева, эксперт гранта, доктор экономических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского центра социально-экономических проблем народонаселения МПСУ: *«У всех мигрантов есть одна замечательная черта, они – очень энергичные и инициативные. Все. Эмигранты, которые, очертя голову, едут в неизвестность. Знаете, инертные люди дома сидят. И они энергичные не только в том, что переехали. Они совершенно по-другому себя позиционируют. Они совершенно по-другому себя ведут. Их дети по-другому себя ведут. Их дети по-другому учатся. Они стремятся. У них целеполагание гораздо серьезнее, чем у детей, у которых все есть».*

Ярким примером, иллюстрирующим позитивные социальные характеристики мигрантов, является образовательная миграция, являющаяся для молодежи основной, открывающая большие и перспективные возможности и связанная с пространственной мобильностью. Образовательные мигранты, как правило, молодые люди, находящиеся в поиске социальной идентичности, обладают высокой коммуникативной компетентностью и высокой мотивацией, более привлекательны для принимающего сообщества, чем остальные мигранты, так как данный вид миграции потенциально и реально оказывает положительное влияние на развитие, как принимающего региона или страны, так и региона и страны-донора. Согласно информации УФМС России по

Волгоградской области за 2015 год, на учебу в регион приехало около 3749 зарубежных студентов, что составляет 4,5 % от иммигрантов [2]. Волгоградская область является регионом средней привлекательности для образовательной миграции и на сегодняшний день может рассматриваться как образовательный центр для внутренней миграции из районов Волгоградской области.

При образовательной миграции за период обучения достаточно быстро и устойчиво формируется региональная идентичность как состояние соотношения себя с определенной территорией жизнедеятельности. Так, 93% участвующих в опросе студентов-иностранцев одного из вузов Волгограда в вопросе по методике Ч. Кули идентификационных соотношения себя с определенной социальной группой [6] среди других идентичностей выбрали региональную идентичность, соотнеся себя с жителями Волгоградской области. Региональная идентичность, на наш взгляд, может привести к созданию практических возможностей, отвечающих интересам, как принимающего населения, так и мигрантов, и поэтому ее формирование является важной составляющей в миграционных процессах.

Образовательная миграция могла бы стать предметом отдельного исследования, а в рамках данного гранта представляется важным понимание того, что данный вид миграции является наиболее предпочтительным, так как предполагает изначально привлечение более квалифицированных, целеустремленных, готовых к активной интеграции частей населения, при данном виде миграции, учитывая заинтересованность субъектов управления данной миграцией (органы власти стран-доноров, органы власти стран-реципиентов, органы управления вузов/учреждений, принимающих студентов, общественные фонды, коммерческие/некоммерческие организации, участвующие в организации и реализации образовательных программ, курсов, стажировок), происходит развитие миграционных рисков по позитивному сценарию, открываются возможности и шансы для всех участников миграционных процессов.

Какими бы не были индивидуальные жизненные стратегии и характеристики мигрантов, большинство информантов и респондентов, принявших участие в исследовании, говорили о своей готовности выстраивать солидарные отношения с принимающим населением, по возможности, адаптироваться и интегрироваться в страну, регион – реципиент, даже, если для некоторых из участников опроса это является только декларативными намерениями, и, безусловно, не свойственно сезонной, маятниковой миграции: *«.. конечно, были открытия, скажем, потому что со-*

вершено другая страна, и даже если ты часто едешь, я здесь была до этого очень часто, но, когда ты бываешь здесь наездами, как турист, видишь больше положительного. Когда начинаешь жить, открывается другая сторона. Уже ежедневной жизни. Она другая, скажем, одна отрицательная, а есть другая, которая... узнаешь постепенно. Но люди мне нравились, и даже, наоборот, люди открылись с положительной стороны, очень. И интересно...» (эмигрант № 26, женщина, Гастингс, Великобритания).

Региональная идентичность с новым местом жительства рассматривается иммигрантами и эмигрантами как социальный механизм, открывающий практические возможности и помогающий адаптироваться и интегрироваться на новой территории. Актуализация региональной идентичности для мигрантов всегда связана с уровнем богатства, социальным статусом и возможностью самореализации в данном пространстве – времени, что в связи с увеличением миграционных потоков требует действенных мер, как со стороны региональных администраций, так и со стороны федеральных структур.

Конструирование региональной идентичности является важным направлением региональной миграционной политики. Региональная идентичность как система социальной коммуникации повышает уровень взаимозависимости: чем в большей мере люди воспринимают ее как постоянную характеристику жизни (география, пользование одними и теми же транспортными коммуникациями и энергоресурсами, наличие общих противников), тем сильнее чувство идентичности региона. На наш взгляд, формирование региональной идентичности позволит настроенное и негативное восприятие мигрантов со стороны принимающего населения заменить справедливой оценкой результатов труда мигрантов для роста экономики региона и для обеспечения повседневной жизни населения.

Региональная идентификация может стать фактором, благоприятствующим построению эффективной системы социальной коммуникации в полиэтничном пространстве российских регионов. При этом не должно происходить размывание и подмена понятий этническая и региональная идентичности. Как разные виды социальной идентичности они дополняют, а не исключают свойственные определенной социальной идентичности систему норм, ценностей, реализуемые поведенческие модели.

Рассмотрение миграции как поиска идентичности формирует новый гуманистический дискурс, в основе которого находится изучение разнообразных мотивов, причин, факторов, – позволяет сформировать новые подходы в исследовании миграции, признать ее как изменив-

шийся социальный факт, свидетельствующий о трансформации мира и общества, наших представлений о социальной реальности. Новое осмысление причин миграции, актуализация вопросов самоопределения, самоидентификации людей в нестабильном, трансформирующемся обществе, понимание индивидуальных, групповых адаптационных и интеграционных механизмов, – позволят совершенствовать миграционную политику, прогнозировать социальные последствия миграции и формировать новые модели социальной идентичности для взаимовыгодной интеграции в условиях растущей миграции.

Библиографический список

1. Аранго, Х. Объяснения миграции: критический обзор / Х. Аранго // Международный журнал социальных наук. 2001. № 32.
2. Гладков, Е. С. Информация о миграционной ситуации на территории Волгоградской области за 2015 год / Е. С. Гладков. Волгоград: Материалы Комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области. 7 с.
3. Данилова, Е. Н. Неустойчивая социальная идентичность становится нормой Е. Н. Данилова, В. А. Ядов // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: материалы Всероссийского научно-методического семинара; под ред. О. А. Оберемко и Л. Н. Ожиговой. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004. С. 8–14.
4. Дроздова, Ю. А. Миграционные риски в полиэтничном регионе (на примере Волгоградской области) / Ю. А. Дроздова // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4.
5. Коллиер, П. Исход: как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана / П. Коллиер. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.
6. Кули, Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. 2000. 320 с.
7. Рыбаковский, Л. Л. История и теория миграции населения. Книга 1. Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты / Л. Л. Рыбаковский. М.: Изд-во «Эконом-Информ», 2016. 210 с.
8. Lewis, W. Economic Development with Unlimited Supplies of Labor. Manchester School of Economic and Social Studies, 1954. Vol. 22, pp. 139–91.
9. Piore, M. Birds of Passage: Migrant Labor in Industrial societies. Cambridge: Cambridge University Press, Cambridge University Press, 1980. 240 p.
10. Rosa, Eu. Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk // Journal of Risk Research. 1998. No 1 (1). Pp. 15–44.
11. Thomas, W., Znaniecki, F. The Polish peasant in Europe and America. University of Illinois Press, 1996. 127 p.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

УДК 82.31+ 323.1
ББК 66.6,5

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ, МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ТРАНСКУЛЬТУРАЛИЗМ: ПУТИ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ

М. Р. Арпентьева

Аннотация. Мультикультуральность, или культурная многосоставность – «характерное проявление современной мировой культурной динамики, связанное с усилением и усложнением межкультурных взаимодействий, а также с активным переосмыслением понятия и роли «Другого». Особое значение в мультикультурном мире имеет культурная грамотность, которая требует постоянно изменяющейся текущей культурной информации: только так возможно понимание особенностей соответствующего лингвокультурного сообщества и тенденций его развития. В истории человечества и современном мире существует несколько основных концепций мультикультурных отношений и соответствующих им тенденций развития сообществ, таких как интернационализм, мультикультурализм и транскulturализм. Проблемы межязыковых взаимодействий и проблемы взаимопонимания – прямое отражение более общих установок: ассимиляции и поглощения, ризоматизации и «лоскутизации», интеграции и взаимного обогащения культур.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, полиэтничное пространство, мультикультурализм, транскulturализм, интернационализм.

INTERNATIONALISM, MULTICULTURALISM, AND TRANSCULTURALISM: PATHS OF UNDERSTANDING

M. R. Arpentieva

Abstract. The multiculturalism, or cultural multipartite – "a characteristic manifestation of contemporary global cultural dynamics associated with the intensification and complexity of intercultural interactions, and active rethinking of the notion and role of "the Other". Of particular importance in a multicultural world has a cultural literacy that requires constant changing current cultural information: only way possible understanding of the appropriate linguistic and cultural community and the trends of its development. In the history of mankind and the modern world, there are some basic concepts of multicultural relations and the corresponding trends in the development of communities such as internationalism, multiculturalism, and transculturalism. The problems of interlingual interactions and problems of understanding – a direct reflection of more General attitudes: assimilation and absorption, rhizomatization and "patchisation", integration and mutual enrichment of cultures.

Key words: intercultural communication, multiethnic environment, multiculturalism, transculturalism, internationalism.

Поликультурность или мультикультурность, культурная многосоставность – «характерное проявление современной мировой культурной динамики, связанное с усилением и усложнением межкультурных взаимодействий, а также с активным переосмыслением понятия и роли «Другого» [10, с. 11]. В истории человечества и современном мире сосуществуют не-

сколько основных моделей и соответствующих им концепций мультикультурных отношений. Современная наука о межкультурных взаимодействиях, в том числе межкультурных коммуникациях, включает несколько базовых понятий, включая понятия интернационализм, мультикультурализм и транскulturализм. Каждое из них обозначает собственную концепцию или

группу концепций, по-разному разрешающих проблемы взаимодействия культур в контексте взаимоотношений «Своего» и «Чужого». Для стран Европы и многих стран Америки с их раздробленными сознанием и ценностями, превратившимися в лохмотья, «лоскуты», скрепленные «заплатками», или ставшими ризоматичными, то есть разветвленными на множество частей, наиболее привлекательной моделью в конце XX века оказался мультикультурализм. Однако исторически более востребованными и укрепляющими отношения народов стали концепции интернационализма – формирования и развития отношений сотрудничества народов в контексте развития идеологии равенства, братства, взаимопомощи. Также востребованы оказались и модели и концепция транскультуральности и транскультурализма – формирования и развития разных типов пограничных и гибридных идентичностей членов сообществ, образованных несколькими нациями или проживающих на границах разных стран и их культур, а также формирования и развития отношений субъектов с такими «гибридными» идентичностями.

Вместе с тем, поликультурность, фрагментарность и ризоматичность современного «цивилизованного» мира – выражение культурной калейдоскопичности преимущественно так называемой западной цивилизации. Она не отражает положения дел в других, более целостных, внутренне однозначных, а порой и монокультурных историко-культурных регионах, странах и т.д. Во многих из них продолжают так или иначе существовать модели господства «титовых наций», опирающиеся, в том числе, на крайне националистические концепции, направленные на тотальную ассимиляцию иных культур или даже их вытеснение и уничтожение.

Основной вопрос поликультурности – вопрос об отношениях к «Чужому» или к другому. Отношение это амбивалентно, сложно и принимает, согласно Р. Штихве, разные формы.

1) «Чужой-чуждый/отщепенец и чужой-новый/новатор»: чужой является кем-то иным, отличающимся от общества по ряду критериев и понимается как чуждый, которого люди избегают и сторонятся в силу того, что он несет своим существованием как существованием, отличным от привычного, напряженность и беспокойство. Кроме того, чужой несет культуре новшества и дает повод обществу задуматься над существующим порядком, ценностями и ходом жизни, использовать чужое для изменения своего, для эволюции и ее оправдания.

2) «Чужой-враг и чужой-гость»: возникает и реализуется конфликт нормативных ожиданий и реальных возможностей их реализации: неизбежная ограниченность ресурсов общества принуждает к стратегически расчетливому, враждебно окрашенному обращению со всеми, не встроенными в него чужаками, противостоит институционализированным отношениям реципрокности, норм взаимопомощи и гостеприимства.

Однако так или иначе сообщество стремится нейтрализовать, свести существование «чужого» и социальную напряженность, непонимание между людьми как на уровне языка, так и на уровне ценностей к минимуму: 1) используется стратегия игнорирования, в результате которой возникает «невидимость» чужого и его «мифизация», 2) используется стратегия псевдоидентичности, в результате которой происходит универсализация чужих как «расставание с чужим», 3) стратегия фрагментации приводит к декомпозиции чужого – цельная личность / субъектность чужого распадается / разделяется на отдельные функциональные сегменты, которые просто относительно проще ассимилировать или как то-иначе «преодолеть», 4) используется стратегия упрощения, в результате которой возникает типизация чужого по контрасту с индивидуализацией своего – родственного, а также часто возникает «третий статус», «ни свой, ни чужой», индифферентный [13]. Эти стратегии осуществляются как индивидуально, так и коллективно. К. Додд выделил, например, типичные линии поведения человека как индивида. Оказавшись в чужой для него культуре, человек использует ряд моделей как линий поведения. Первая линия поведения, типичная для этнических меньшинств, – «Flight»: бегство, пассивная автаркия, (ауто)геттоизация как попытка избежать прямых контактов с чужой культурой путем создания микромира («гетто»). Вторая линия – «Fight»: борьба, агрессивная автаркия, прогрессивное проявление этноцентризма и трансформации новой среды под старую. Третья линия – «Filter»: отделение или фильтрация, проявляется как разнонаправленный выбор своего или чужого как своего. Четвертая линия – «Flex»: гибкость, флексибельность, сохранение прежней идентичности при наращивании опыта жизни в новой среде [15]. Все эти формы отношений и линии поведения отражены в моделях межкультурных отношений. На уровне сообществ исторически первой моделью решения проблем поликультурности или мультикультурности был именно этот вариант: отказ от толерантности и ассимиляция:

поглощение меньшинств более широкой, доминирующей культурной и этнической общностью. Эта модель стимулировала пассивную и агрессивную автаркию, а также проблемы отношений в системе «чужой-враг и чужой-гость. Для нее типичны «мифизация» и универсализация как «расставание с чужим». Наиболее ярким примером считают Францию XX века, которая всегда проводила продуманную и целенаправленную политику культурного универсализма, стремилась нивелировать этнические и языковые различия, построить светскую и гражданскую республику. Сейчас Франция сдерживает влияние и распространение мультикультурализма, до сих пор не решается назвать общество многокультурным. Она критически воспринимает американскую политику признания (affirmative action), хотя и проводит соответствующие антирасистские мероприятия. Мультикультурная политика считается здесь откровенно опасной, поскольку способна привести к фрагментации общества на множество культурно специфичных этнических и религиозных сообществ. Кроме того, важным моментом является забота о высоком качестве жизни граждан, включая ее внешние проявления, а также внутреннюю суть. Однако, теориям ассимиляции противостоит идеология и позиция теории культурного релятивизма, которая отмечает самостоятельность и полноценность каждой культуры. Успешность межкультурного общения рассматривается в связи с отказом от идеи универсальности «западной» социокультурной системы, ее моделей организации взаимодействий культур. Взаимообмен культурными практиками в этом смысле может выступать как негативный, деструктивный феномен, показатель неуспеха коммуникации.

Вторая модель основана на интеграции – частичном сохранении каждой этнокультурной общностью своей идентичности в рамках частной жизни: так, Германия обычно внешне выступала за «мультикультурную демократию», однако события современности показали, что демократия быстро вырождается и страна вынуждена решать проблемы противостояния, поскольку «аборигенная» и «мигрантская» части находятся в конфликте. Культурные, этнические, религиозные и другие аспекты, считавшиеся частным делом каждого отдельного человека, в ситуации массовых миграций и конфликтов в частной сфере поневоле проявляются как «общественные дела»: государство пытается избежать конфликтов в сфере государственных отношений, перемещая ответственность в сферу частных отношений, на собственное население, и по

мере возможности на мигрантов. Таким образом, наблюдается политика, полная дисбалансов и провалов, которая, конечно, приводит к смене политической ориентации руководства страны, вплоть до коллапса государства, а также к длительным периодам (ре)интеграции коренного населения и новоприбывших. Такие дисбалансы рождают то, что С. Бенхабиб обозначила как радикальный культурный плюрализм или мозаичный мультикультурализм, понимая под этим существование в пределах одного политического образования четко дифференцированных общностей, сохраняющих свою идентичность и границы, подобно элементам, составляющим мозаику. Здесь возникают линии гибкости и фильтрации, возможность диалога и преобразования формы «чужой-чуждый/отщепенец» в форму «чужой-новый/новатор». Типичнее процессы декомпозиции и типизации чужого.

Мозаичный мультикультурализм как и близкий ему транскультурализм предполагают набор механизмов, обеспечивающих долгосрочное функционирование: эгалитарная взаимность, добровольное самопричисление, свобода выхода и ассоциации [3, с. 9, 31]. Это особенно важно потому, что современные виды миграции в Европе, как вынужденной, так и добровольной, могут рассматриваться и рассматриваются как откровенная территориальная экспансия: 1) государство оказывает поддержку родственным себе этнокультурным или конфессиональным группам, находящимся на территории другого государства, которые, существуя в виде локальных гомогенизированных групп или диаспор, не всегда «вливаются» в общий культурный контекст; 2) миграция больших этнических групп на территории стран с резко отличными культурами приводит к интенсивным деформациям культур и более или менее обширным «захватам» территорий мигрантами, начинающими насаждать свою культуру. Миграционные потоки, размывая этническую и религиозную однородность того или иного государства, формируют в пределах его территории очаги различных культур: происходит «колонизация наоборот».

Наиболее внедренной создавшим ее классом – буржуазией – в капиталистических странах оказывается концепция мультикультурности, Она противостоит интернационализму, идея которого разрушилась вместе с крушением социализма, а также транскультурализму, который пробивает себе дорогу в посткапиталистических сообществах и иных сообществах с «пограничными» пространственно-временными характеристиками.

Интернационализм, как известно, изначально сформировался и развивался в качестве антитезы национализма как ведущей модели отношений в рабовладельческих и феодальных обществах. Это идеология, пропагандирующая дружбу и сотрудничество между нациями, в том числе солидарность людей в борьбе против капитализма. Интернационализм предложен как альтернатива глобализации с ее «мультикультурностью» как «буржуазному космополитизму», понимаемому как отрицание всякой национальной культуры, так и «буржуазному национализму», понимаемому как идеология национальной исключительности и шовинизм. Проблема интернационализма, таким образом, кроется в том, что он выступает как «прикладной» феномен, духовно-нравственные основы которого не были осмыслены и потому «создавали проблемы»: не желавшие дружить и сражаться вместе против капитализма «отсекались» от сотрудничества. Кроме того, интернационализм предполагал большую или меньшую унификацию повседневной жизни людей: не опираясь на законы нравственные, он предложил, как и капитализм, законы юридические, заменив частную собственность государственной, вместо того, чтобы сделать ее собственностью народа. Юридические же законы оказались с легкостью «обходимыми», «нарушаемыми» и трансформируемыми, как и любые иные законы права – наследия кастовых миров рабовладельческого, феодального, буржуазного). Социализм повел народы по пути, на котором сегрегация и сепаратизм стали неизбежностью: вся мощь недовольства правовым (арбитражным) произволом вылилась в еще больший произвол – тотально нелегитимное уничтожение стран «социалистического лагеря», сопровождавшееся расколом этих стран и населяющих их народов по всем линиям накопившихся в странах противоречий. Идентичность и жизнь человека и группы становятся все более противоречивыми, внутренние и внешние противоречия смешиваются в единый «запутанный клубок», узел отдельные люди и сообщества живут, «связанные одной цепью». В итоге наступает стадия «разрубания узлов». Сначала социализм «обходился» поиском внешних и внутренних врагов, попытками создания мирового социализма и внутренними «чистками», включая массовые переселения народов, уничтожение интеллигенции и священничества, концлагеря и «ударные стройки». Таким образом, интернационализму как практике и концепции не хватило для стабильности и развития опоры на духовно-нравственные ценности: он фиксировал внима-

ние на способности любить «ближнего» и самого себя меньше, чем на способности сражаться с ближним и с самим собой.

Мультикультурализм был создан для удовлетворения растущих потребностей «буржуазного космополитизма» в установлении контроля над всем населением – стран, регионов, континентов, всей земли: транснациональные корпорации не могли не столкнуться с проблемами различий групп и людей разных наций, сословий, поколений, вероисповеданий, то есть разных культур и субкультур, а также с необходимостью решить проблемы взаимодействия людей с помощью идеологии и концепции, позволяющей более или менее унифицировать взаимодействие, превратив человека в часть «физического капитала». Как бы ни были различны современных мультикультурные подходы, а также предшествовавшие и следовавшие им концепции – ассимиляции, «плавильного котла», «салатницы» и т.д. – все они связаны с решением задач унификации и оптимизации производства: оптимизации служения населения буржуазным правительствам и транснациональным корпорациям, и, в перспективе, мировому правительству, внедряющему унифицированные идеологию и ценности, представления и понимание мира и самих себя людьми, деиндивидуализированные нормативы и ритуалы поведения. На этом пути мультикультурализм столкнулся с жестким ответом в виде сепаратистских «несогласий»: будучи обращенными на защиту собственных прав и отделение от других национальных, религиозных и т.п. групп и подгрупп, культур и субкультур, сепаратизм продемонстрировал более важное стремление людей «быть хозяевами своей жизни»: иметь свое понимание себя и мира (свое «мнение»), свои ценности и идеологию, отличные от идеологии глобализации и универсализации, свои ритуалы и нормы. Свобода как самостоятельность и достоинство, как совокупность прав и обязанностей – основное, «непредусмотренное» мультикультурализмом явление. Мультикультурализм вырождается в системы предпочтений и самоизоляции культур и субкультур, ведя к росту фашистских настроений (потребности и желания «квалифицированных потребителей» становятся все «квалифицированнее»). Мультикультурализм воспитывает рентные, паразитические установки, формируя и развивая отношения зависимости и рабства жаждущих «хлеба и зрелищ», заботящихся лишь об удовлетворении инстинктивных программ – благополучия и размножения – вне зависимости от «программ» духовно-нравственных). Идентичность и

жизнь человека и группы все более фрагментируется, становится лоскутной и в итоге погибает. К этому и ведет его мальтузианская модель «ножниц», внушающая необходимость коммодификации жизни, а также беспрепятственного, безответственного, комфортного и сакрализирующего потребителя потребления. Он дал дорогу компрадорской буржуазии, интересы которой не ограничиваются никакими – которые могут быть названы культурными – ценностями.

Транскультурализм – феномен пост-буржуазного, пост-капиталистического мира – пытается решить эти проблемы, не отворачиваясь ни от чего. Транскультурализм расцветает «на границах», в зонах «несостыковок», зонах, отношения в которых не могут регулироваться одной системой прав и одной идеологией. Столкновение, взаимодействие, взаимный обмен и диалог этих идеологий и ценностей, понимание себя и мира (переживаний и представлений), норм и ритуалов приводит к возникновению новой, «гибридной» идентичности. «Гибрид» знает противоречивость, но относится к ней и к противоречащим тенденциям с принятием и смирением. Отношения людей и групп строятся ацефалично, кланово: государство все более перерастает в государство-церковь, живущее не по законам человеческим, но по законам духовно-нравственным. Отношения строятся как отношения значимого и ответственного дарообмена, как попытка заслужить собеседника – уважительное отношение к себе и к нему, понимание взаимодействия людей и групп как праздника, как повода для развития, открытия неведомого и постижение неведомого в себе и в другом. В транскультурной модели «иное» не просто признаваемо и осмысляемо, но и рассматривается не как препятствие, а как самостоятельный аспект, диалог с которым может происходить только на подлинно паритетных условиях. В отличие от мультикультурализма, строящегося на буржуазной «игре» со временем и игнорировании пространства, транскультурация активно и тотально развоплощает эту модель и реабилитирует пространство и субъектность «иное». Она сомневается в понятиях «модерности», «постмодерности» и т.д., ратуя за реальный диалог разных и равных культур в здесь-и-сейчас бытии. Транскультурная идентичность выступает как результат эгалитарного культурного взаимодействия, она скорее гибридна, чем маргинальна, скорее целостна, чем лоскутна. Транскультурная модель отчасти компенсирует невнимание к пограничным и периферическим зонам культуры, интегрируя противоположности и превращая границу

в центр, а центр в границу, создавая изменяющиеся, но значимые идентичности и отношения взамен фрагментированных идентификаций и историй. Она формирует своеобразное двойное сознание, существующее между мирами и культурами, в пограничье, «la frontera», в котором сталкиваются, смыкаются и перетекают друг в друга сущности и смыслы. Идентичности «пограничья» основаны на понимании «иное» как самостоятельного голоса. Человек с такой идентичностью и отношениями выживает и развивается путем культивирования в себе терпимости к противоречиям, неоднозначности, неопределенности, негарантированности, трансцендируя противоречия [1; 2; 3, с. 9, 31; 4; 11; 12].

Идентичность мигрантов и идентичность аборигенного населения Европы, Америки и т.д. подвергается расщеплению: столкновения с мигрантами и их культурой, «беспредел улицы» – насущная проблема для всех. Представители культур так или иначе осознают и более или менее признают свою собственную этническую гибридность как данность, иницирующую силу и власть, исследуют пути превращения своего этнического сообщества в культурно значимый, действующий слой общества. Эти поиски неотделимы от процесса превращения как ассимиляции, которая идет параллельно с процессом рождения нового, от «лоскутного» к «гибридному» и к «интегрированному». Эксперименты в сфере «человек вселенной» или «цифровой кочевник» лишь немного упрощают этот процесс: интегрированной идентичности достичь сразу и легко не удастся, нужно время и пространство, нужны ценности. А ценности на деле часто отвергаются, в отношениях возникает хаос и столпотворение, временной фокус смещается в недовольство, неприятие «сейчас», пассивное и потребительское отношение мешают понять друг друга и самих себя. Люди вынуждены в новых условиях переживать и пропускать через свое творческое сознание симптомы происходящего зачастую очень болезненного процесса аккумуляции. Субъект мультикультурного контакта, обладающий переходной двойственной или «гибридизированной» идентичностью, расположенной «где-то между» Своим и Чужим. Это «между» отражает диалектику бинарной оппозиции «общности – необщности», «принадлежности – непринадлежности» к той или иной нации. Современный мир рассматривается учеными как тотальная множественность: классовая и культурная, религиозная и конфессиональная, расовая и этническая, половая и гендерная (принцип «мультикультурализма» – «multiculturalism»).

Мультикультурный контекст предполагает множественную и неоднородную, гетерогенную и полиморфную репрезентацию культурной идентичности: формы понимания себя и мира, возникающие на полях и в центре доминирующей и подчиненной культур, могут использоваться для «переосмысления сложных, множественных, мультикультурных реалий, которые составляют этнокультурное различие. Мультицентристский взгляд позволяет изменить горизонты понимания человеческого бытия и может использоваться для моделирования своего «я» и его места в мире, например, чтобы противостоять унижающим человеческое достоинство или, наоборот, неправомерно возвышающим стереотипам «другого». Осмысление себя и мира в «зонах пограничья», создает пространство и время для критического дистанцирования, необходимого для понимания новой эпохи и новых культур после крушения одного многополярного мира и окончания одного витка эволюции и возникновения других – «Чужих».

Поликультурализм в его различных поисках и путях взаимопонимания исторических и культурных особенностей развития и существования друг друга формулирует нравственные, методологические, методические и практические основания процесса построения отношений взаимопонимания. Он предполагает: признание абсолютных общечеловеческих ценностей; возрождение прогрессивных этнокультурных традиций; утверждение этнических и правовых норм взаимодействия и непосредственного общения людей различных национальностей; соотнесение достижений классической науки для поддержки и защиты людей со средствами народной психологии, нетрадиционной и традиционной медицины и педагогики, формирование уважительного отношения к правам всех людей, развитие наднационального – кросскультурного – мировоззрения, способов толерантного поведения; обеспечение взаимосвязи социальной, культурной и языковой ориентации в поликультурной среде; создание условий для сохранения мигрантами собственного языка, интеллектуальных и эмоциональных контактов с родной культурой [5, с. 84; 6; 7; 12; 13; 14; 15; 17; 18; 19]. Бытие человеком, человечность выступает как способность строить неотчужденные («субъективностью» или «объективностью») взаимоотношения с миром (другими людьми), в которых люди (каждый раз заново), вступая в общение друг с другом, стремятся понять друг друга как людей, соотнести актуальные для них ценности и цели в конкретной ситуации общения с общечеловече-

скими ценностями. Путь к развитию толерантности – осознания и осмысления существования иных точек зрения (ценностей), способов понимания себя и мира, возможностей и ограничений разных моделей общения и поведения, ориентация на взаимопонимание и взаимное развитие [6; 7; 8; 9; 20]. Взаимопонимание как важнейший момент межкультурного взаимодействия связано с тем, что, как отметил Э. Холл в модели культуры как «айсберг», наиболее значимые части культуры находятся «под водой», идентичность и жизнь человека и группы становятся все более противоречивыми, внутренние и внешние противоречия смешиваются в единый «запутанный клубок», узел отдельные люди и сообщества живут, «связанные одной цепью». Полноценное изучение может произойти лишь при непосредственном контакте с иной культурой, опыт конкретного межличностного взаимодействия, понимание ценностных ориентаций индивидов (относительно отношений и общения, жизнедеятельности и действий, жизни в целом и ситуативного окружения, времени и пространства, своей и чужой культур и структурирующих их «культурных синдромов» и т.п.) определяют общение и обмен опытом в том или ином ситуативном контексте [20].

Современный мир – мир социального хаоса, столкновения и взаимодействия позиций, не уравниваемых и не дифференцируемых никакими иными аспектами: общечеловеческие ценности трансформированы и во многом осмеяны, множественность культур и идеология потребления создают социальный хаос, мир потерял предсказуемость и объяснимость, а с ним потерялась и возможность создания и развития целостной идентичности. Сформированная идентичность дает возможность сознательного выбора позиции в культурно-политическом процессе страны. Однако большинство мигрантов и значительная часть местного населения не имеют целостной, оформленной идентичности, не разделяют ценностных оснований человеческой культуры, в том числе ценностей социального служения и партисипации. В результате разные группы населения страны оказываются взаимно изолированными, а также отчужденными от участия в культурной и политической жизни страны, от самих себя – опытом насилия и травм предательства, использования, грабежа и рабства, опытом торжества конsumerистской, каннибалистической морали.

В современном мире многие страны, группы и люди переживают период интенсивных потерь: противостояние и конфликты людей раз-

ных культур, как показала история человечества, история и современная ситуация стран Европы, Америки, бывшего СССР, весьма тяжелы и носят затяжной характер. Эти конфликты связаны с трансформацией ценностей и форм взаимоотношений людей, с диалогом культур по поводу ценностей и форм отношений, а значит, по поводу развития человечества. Травма социального хаоса, даже отчасти «упорядоченного» мультикультурализмом и попытками гармонизации межэтнических отношений, – это травма жизни многих людей, потерявших опору и стабильность жизни. Они необходимы, чтобы развиваться.

Однако и переживание этой «травмы», и ее преобразование во многом зависят от самих людей: готовности и способности вступать в диалог с миром, уважать и ценить себя и мир, опираться на общечеловеческие ценности и отстраняться от ценностей консюмеризма и т.д. Этот урок – урок нового витка эволюции, нового возвращения к культуре, – проходит сейчас так или иначе почти весь мир: и поликультурные, и монокультурные сообщества и страны вовлекаются в решение проблем прошлого, настоящего и будущего с точки зрения культурно-нравственных аспектов, общечеловеческих ценностей. Там, где этот урок будет пройден, наступят или уже наступили «золотые времена»: люди уважают и ценят друг друга и самих себя. Их идентичность целостна, а толерантность – непритворна. Они принимают и допускают иные понимания себя и мира, не спеша их присвоить и не спеша разрушить, они живут вместе, вместе строят будущее и осмысливают прошлое: реальное, а не сочиненное в попытках скрыть правду от самих себя. Именно способность смотреть в лицо реальности и отличает толерантную личность со сформированной идентичностью: зная, кто ты и куда идешь, можно понять и кто другие, куда они идут.

В этом мире проблемы межязыковых взаимодействий и проблемы взаимопонимания – прямое отражение более общих установок: ассимиляции и поглощения, ризоматизации и «лоскутизации», интеграции и взаимного обогащения. Особое значение в мультикультурном мире имеет культурная грамотность как «способность понять главную информацию, необходимую для того, чтобы стать истинным гражданином или даже преуспеть» [16, р. 82–83], которая требует постоянного изменяющейся текущей культурной информации: только так возможно понимание особенностей соответствующего сообщества.

Библиографический список

1. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер. СПб.: Академ. проект, 1997. 256 с.
2. Арпентьева, М. Р. Проблемы взаимопонимания в мультикультурном консультировании / М. Р. Арпентьева // Представительная власть – XXI век. 2014. № 7–8 (134–135).
3. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. М.: Логос, 2003. 350 с.
4. Гришаева, Л. И. Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур / Л. И. Гришаева, К. Попова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. Ч. 1. 219 с. Ч. 2. 234 с.
5. Касавин, И. Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности / И. Т. Касавин // Вопросы философии. 1997. № 2.
6. Малахов, В. С. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М.: РАН, 2002. С. 48–60.
7. Малахов, В. С. Культурный плюрализм versus мультикультурализм / В. С. Малахов // Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
8. Минигалиева, М. Р. Кросс-культурные аспекты социально-психологической помощи: понимание и толерантность. Калуга: МГТУ им Н.Э. Баумана, Манускрипт, 2002. 205 с.
9. Минигалиева, М. Р. Толерантность и мультикультурализм: современная этнопсихология и мультикультурное консультирование. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2012. 190 с.
10. Тлостанова, М. В. Мультикультурализма и литература США конца XX века: дис. ... доктора филол. наук. М.: ИМЛ РАН, 2000.
11. Толкачев, С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература / С. П. Толкачев // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 1.
12. Цатурян, С. А. Мультикультурализм в США и Европе / С. А. Цатурян, Г. Ю. Филимонов // Политика и общество. 2012. № 2.
13. Штихве, Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого / Р. Штихве // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1.
14. Щютц, А. Избранное / А. Щютц. М.: Росспэн, 2004.
15. Dodd, C. H. Dynamics of intercultural communication. Boston. MS: McGraw Hill, 1998.

16. Hirsh, E. D. Jr., Kett, J. F., Trefil, J. The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. – Boston – New York: Houghton Mifflin, 2002.

17. Modood, T. Multiculturalism: a civic idea. Cambridge: Polity, 2007.

18. Radtke, F.-O. Multikulturalismus – Re-

gression in die Moderne? // Fluchtpunkt Europa. Migration und Multikultur / Hrsg. von M. Fischer. M., 1998. S. 138–157.

19. Sharma, S. Multicultural encounters. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2006.

20. Trager, G., Hall, E. Culture as Communication: A Model and Analysis. – New York, 1954.

УДК 81'272:32.019.51

ББК 81.006.21

БИБЛЕЙСКАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТЕ ОТРЕЧЕНИЯ ОТ ПРЕСТОЛА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

К. А. Соловьев

Аннотация. Текст отречения от престола императора Николая II семантически многослоен. Один из семантических слоев – скрытая библейская лексика, отвечающая за особый торжественный настрой документа, отражающая мысли и эмоциональный настрой авторов текста, в том числе и самого императора: жертвенность его поступка и стремление перенести акт отречения из сферы гражданских отношений во внеисторическое пространство отношений между страной и высшими силами.

Ключевые слова: политическая коммуникация, семантика политического текста; революция 1917 г., Николай II, отречение от престола.

BIBLICAL LEXIS IN THE ABDICATION TEXT OF EMPEROR NICHOLAS II

K. A. Soloviev

Abstract. The text of abdication of Emperor Nicholas II is semantically multilayered. One of the semantic layers is the implicit biblical lexis used for the special sonorous style of the document, reflecting the thoughts and emotional state of the authors of the text, including the emperor himself: the sacrifice of his deed and the desire to transfer the act of self-renunciation from the sphere of civil relations to the extra-historical area of relations between the country and higher forces.

Key words: political communication, semantics of the political text; Revolution of 1917, Nicholas II, abdication.

В тексте отречения от престола, подписанного Николаем II 2 марта 2017 г., можно выделить три лексических слоя, отражающих те средства политической коммуникации, которые были избраны для донесения до населения информации о состоявшемся событии. Первый слой – актуализированная лексика, связанная с реалиями продолжающейся войны с Германией и ее союзниками (лексические формы: «упорная война», «геройская армия»; «жестокий враг»). Второй слой – политически окрашенная лексика, использование которой было необходимо для выражения согласия на изменение системы управления («представителями народа» «в законодательных учреждениях», «дела государственные», и др.). Третий (скрытый) слой – это лексика «возвышенного» стиля, выражающая торжественность момента передачи власти. Частью этого третьего

слоя стала лексика, базирующаяся на библейской семантике, что, с одной стороны, было давней традицией императорских манифестов, а с другой (в той небольшой части, авторство которой принадлежит самому императору) – связано с усилением религиозных начал в мировоззрении Николая II в годы войны [1, с. 55].

Использование религиозно-окрашенного нарратива в текстах императорских манифестов отражало сложившиеся представления о роли императорской власти в стране и придавало этим решениям дополнительную легитимность. Кроме того, прямые и скрытые цитаты из Библии облегчали если не понимание этих текстов, то сочувствие им, поскольку создавали общий для власти и народа эмоциональный фон. Чем ближе к собственному мнению Николая II был текст документа, тем больше в нем было прямых и

скрытых отсылок к Библии (яркий пример – Высочайший манифест от 26 июля 1914 г. [8, с. 171–181]). Чем менее согласен он был с принимаемым решением, тем меньше было религиозной лексики (пример – Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка»).

История создания текста отречения отражена в дневниковой записи, сделанной Николаем II 2 марта 1917 г.: «Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать (...) Нужно мое отречение (...) Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил, и предал им подписанный и переделанный манифест» [6, с. 27–28.].

Здесь необходимо сказать о степени авторизации текста отречения. Первый вариант его был подготовлен в Ставке (по сообщению генерала Д. Н. Дубенского), директором Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего Н. А. Базили, под руководством и при участии начальника штаба верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева [6, с. 58.]. Еще один вариант текста отречения был привезен в ставку А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным, но он, как следует из «Протокола отречения Николая II», не был использован. «Протокол» содержит и сведения о доработке текста отречения: «Его величество, ответив, что проект уже составлен, удалился к себе, где собственноручно исправил заготовленный с утра манифест об отречении в том смысле, что престол передается великому князю Михаилу Александровичу, а не великому князю Алексею Николаевичу. Приказав его переписать, Его Величество, подписав монумент и, войдя в вагон-салон, в 11 часов 40 минут, передал его Гучкову. Депутаты попросили вставить фразу о присяге Конституции нового императора, что тут же было сделано Его Величеством» [6, с. 220]. Фраза «о присяге Конституции», по сообщению Шульгина, была предложена им в варианте «принеся в том всенародную присягу» и изменена самим императором на вариант: «принеся в том ненарушимую присягу» [6, с. 167–168].

Таким образом, мы можем говорить о том, что большая часть отречения представляет собой *авторизированный текст*, лексика которого устраивала императора или не вызывала прямого сопротивления. Прямая же речь императора в тексте манифеста, это:

а) изменения, внесенные во фразу: «В соответствии с установленными Основными Законами порядком, мы передаем наследие наше дорогому сыну нашему государю наследнику цесаревичу и великому князю Алексею Николаевичу и благословляем его на вступление на престол государства российского» [5]. В редакции императора эта фраза стала такой: «Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства российского» [3];

б) перемена слова «всенародную» на «ненарушимую» [3] или «нерушимую» [2].

В тексте отречения дважды, в начале и конце, упомянут «Господь» (второй раз – «Господь Бог»), что закольцовывало принятое решение «божественной волей», выполняя тем самым, легитимационную функцию. С этой же функцией соотносится и выражение «святой долг». Обратимся к той лексике, которая может быть соотнесена с библейскими текстами, но выполняла иные функции. Какие – мы сможем сказать после выявления библейской семантики отдельных слов и выражений.

Сначала – авторизированный текст Базили-Алексеева, подготовленный в Ставке. Рассмотрим первую фразу: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание» [3]. В этой фразе обращает на себя внимание выражение «поработить». Его не было в черновом варианте манифеста о создании в России «ответственного правительства», который также готовился в Ставке, под руководством М. В. Алексеева. Там значилось: «Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей родиной» [7]. В «неосуществленном проекте» манифеста об отречении есть лишь упоминания о «године ... тяжелых испытаний» и «внешнем врагом» [6, с. 221.]. Выражение «поработить» экспрессивнее всех тех, что были использованы в прежних подготовительных текстах, не ставших документами. Нет выражения «поработить» и в манифесте, которым сообщалось о начале войны с Германией. Там были использованы другие слова: «оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди великих держав» [4, с. 126.]. Помимо внешней экспрессивности выражение «поработить» (перевести в состояние рабства) важно тем, что оно отчетливо соотносится как с Ветхозаветной, так и с Новозаветной семантикой. Причем в Ветхом

завете «рабство», в которое попадает народ, прямо связано с *отказом от подлинного царства*:

«И царица Есфирь прибегла к Господу, объята смертною горестью, и, сняв одежды славы своей, облеклась в одежды скорби и сетования, (...) и молилась Господу Богу Израилеву, говоря: Господи мой! Ты один Царь наш; помоги мне, одинокой и не имеющей помощника, кроме Тебя; ибо беда моя близ меня. (...) И ныне мы согрешили пред Тобою, и предал Ты нас в руки врагов наших за то, что мы славили богов их: праведен Ты, Господи! А ныне они не удовольствовались горьким рабством нашим, но положили руки свои в руки идолов своих, чтобы испровергнуть заповедь уст Твоих, и истребить наследие Твое, (...). Не предай, Господи, скипетра Твоего богам несуществующим, и пусть не радуются падению нашему, но обрати замысел их на них самих: наветника же против нас предай позору. Помяни, Господи, яви Себя нам во время скорби нашей и дай мне мужество. Царь богов и Владыка всякого начальства! даруй устам моим слово благоприятное пред этим львом и исполни сердце его ненавистью к преследующему нас, на погибель ему и единомышленникам его; нас же избавь рукою Твоею и помоги мне, одинокой и не имеющей помощника, кроме Тебя, Господи» [Есф. 4, 17].

Этот фрагмент Книги Эсфири, с «горьким рабством» – наказанием за прегрешения народа, в качестве главного образа, символически передает ситуацию, в которой император, «одинокий и не имеющий помощника» вынужденный отказаться от власти. Особенно ярко здесь звучит пожелание: «пусть не радуются падению нашему, но обрати замысел их на них самих».

Мотив «рабства», как следствия отказа от исполнения долга, звучит и в книге пророка Иеремии:

«И ты чрез себя лишишься наследия твоего, которое Я дал тебе, и отдам тебя в рабство врагам твоим, в землю, которой ты не знаешь, потому что вы воспламенили огонь гнева Моего; он будет гореть вовеки. Так говорит Господь: проклят человек, который надеется на человека и плоть делает своею опорой, и которого сердце удаляется от Господа» [Иер. 17. 4–5.].

В Новом завете семантика «порабощения» иная. Это выражение трижды использовано в «Послании к Галатам» апостола Павла. И вот самый важный фрагмент:

«Еще скажу: наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего: он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом назначенного. Так и мы, до-

коле были в детстве, были поработаны вещественным началам мира; но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего [Единородного], Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа. Но тогда, не зная Бога, вы служили богам, которые в существе не боги. Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработать себя им?» [Гал. 4, 1–9].

По совокупности использования словоформ: «рабство» и «порабощение» их семантика может быть трактована как побуждение императора к жертве (отречению) и одновременно освобождению от «вещественности» этого мира (власти). Эта жертва (и одновременно – освобождение) должна быть принесена во имя победы духа над плотью, праведности – над врагами. Именно такие мысли, по свидетельству генерала Д.Н. Дубенского, посещали Николая II в дни, предшествовавшие отречению: «Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественные силы просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь свою отдать за Родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает» [6, с. 56]. А в телеграмме, заготовленной для отправления председателю Государственной думы М.В. Родзянко, прямо говорится: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России» [6, с. 107]. Соответственно, использование выражение «поработать» ведет к появлению семантического ряда: прегрешение-рабство-жертва-освобождение. В этом семантическом ряду отречение императора становится той жертвой, которая необходима для избежания рабства.

Следующая лексическая форма, отсылающая читателя библейским текстам, содержится во фразе: «Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа...» Выражение «заповедуем» придает особую торжественность фразе и одновременно заставляет вспомнить о божественной санкции на переход власти. Немедленно всплывает в сознании «Десять заповедей», данные Моисею, но их необходимо отложить, поскольку эти заповеди – боже-

ственные. Уровень отречения, пусть даже Помазанника Божия, естественно ниже уровня скрижалей Моисеевых. Для выявления этого уровня (правителя/властителя/царя) нам необходимо обратиться к III Книге Царств, где говорится о выборе преемника царю Соломону:

«В то время случилось Иеровоаму выйти из Иерусалима; и встретил его на дороге пророк Ахия Силомлянин, и на нем была новая одежда. На поле их было только двое. И взял Ахия новую одежду, которая была на нем, и разодрал ее на двенадцать частей, и сказал Иеровоаму: возьми себе десять частей, ибо так говорит Господь, Бог Израилев: вот, Я исторгаю царство из руки Соломоновой и даю тебе десять колен, а одно колено останется за ним ради раба Моего Давида и ради города Иерусалима, который Я избрал из всех колен Израилевых. Это за то, что они оставили Меня и стали поклоняться Астарте, боже-ству Сидонскому, и Хамосу, богу Моавитскому, и Милхому, богу Аммонитскому, и не пошли путями Моими, чтобы делать угодное пред очами Моими и соблюдать уставы Мои и заповеди Мои, подобно Давиду, отцу его. Я не беру всего царства из руки его, но Я оставлю его владыкою на все дни жизни его ради Давида, раба Моего, которого Я избрал, который соблюдал заповеди Мои и уставы Мои; но возьму царство из руки сына его и дам тебе из него десять колен; а сыну его дам одно колено, дабы оставался светильник Давида, раба Моего, во все дни пред лицом Моим, в городе Иерусалиме, который Я избрал Себе для пребывания там имени Моего. Тебя Я избираю, и ты будешь владычествовать над всем, чего пожелает душа твоя, и будешь царем над Израилем; и если будешь соблюдать все, что Я заповедую тебе, и будешь ходить путями Моими и делать угодное пред очами Моими, соблюдая уставы Мои и заповеди Мои, как делал раб Мой Давид, то Я буду с тобою и устрою тебе дом твердый, как Я устроил Давиду, и отдам тебе Израиля; и смирю Я род Давидов за сие, но не на все дни» [III Царств. 29–39].

В этой сцене есть все, чтобы (в соответствии с религиозной концепцией «отражения» в современности событий «священной истории») соотнести события февраля-марта 1917 г. с последними днями царствования Соломона: вражда Соломона с Адером, царем Сирии (война); отступление народа Израилева от божественных заповедей (смута); поклонение чужим богам (революционным идеям). Новый избранник, здесь, не сын Соломона, а его подданный, поставленный «смотрителем над оброчными из дома Иосифова». Есть и слова о сохранении династии

(«светильника Давида») во власти. Присутствие в библейской сцене пророка Ахии означает прямую божественную санкцию на переход власти, то, есть то, чего так не хватало, по всей видимости, императору Николаю II. Недаром он признавался, позже графу П. К. Бенкендорфу, что «только теперь, спустя 2–3 недели, он начинает приходить немного в себя, во время же событий в Могилеве, в пути, а главное в Пскове он находился как бы в забытии, тумане» (слова императора Бенкендорф сообщил генералу Д. Н. Дубенскому) [6, с. 63].

На наш взгляд, использование в тексте отречения выражения «заповедуем» отсылает к библейской лексике и тем самым: а) отражает внеличностный характер передачи власти (божественный промысел) и б) устанавливает внеисторический масштаб события, что перекликается с дважды использованным в тексте отречения выражением «ненарушимый» в формах «ненарушимое единение» (перенесено из проекта) и «ненарушимая присяга» (вставлено императором).

Обратимся теперь к той правке, которую император лично внес в текст отречения. Здесь обращает на себя внимание, первую очередь замена выражения «дорогому сыну нашему» [3] в проекте манифеста, на «с любимым сыном нашим» [5]. Семантика этих выражений частично совпадает, выражая близость сына к отцу, но совпадает не полностью. «Дорогой» – торжественная (и официальная) форма выражения привязанности. «Любимый» – камерная и семейная. Наиболее простое объяснение замены выражения «дорогой» на «любимый» – снижение пафоса, перевод отношений из государственной в семейную форму, с тем, чтобы обозначить эмоциональный фон факту передачи власти не сыну, а брату. Но, помимо эмоциональной стороны, в замене выражений есть символическая. Выявить ее помогает соотношение этих выражений с теми, что используются в библейских текстах, где присутствуют обе семантические формы. «Дорогой сын» мы находим в Книге пророка Иеремии:

«Так говорит Господь: голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет. Так говорит Господь: удержи голос твой от рыдания и глаза твои от слез, ибо есть награда за труд твой, говорит Господь, и возвратятся они из земли неприятельской. И есть надежда для будущности твоей, говорит Господь, и возвратятся сыновья твои в пределы свои. Слышу Ефрема плачущего: “Ты наказал меня, и я наказан, как телец неукротимый; обрати меня, и обращай, ибо Ты Господь Бог мой.

Когда я был обращен, я каялся, и когда был разумлен, бил себя по бедрам; я был постыжен, я был смущен, потому что нес бесславление юности моей”. Не дорогой ли у Меня сын Ефрем? не любимое ли дитя? ибо, как только заговорю о нем, всегда с любовью воспоминаю о нем; внутренность Моя возмущается за него; умилосердужь над ним, говорит Господь. Поставь себе путевые знаки, поставь себе столбы, обрати сердце твое на дорогу, на путь, по которому ты шла; возвращайся, дева Израилева, возвращайся в сии города твои» [Иер. 31, 15–21].

Ситуация, в которой здесь использовано выражение «дорогой сын» (наряду с выражением «любимое дитя») – грех и вынужденное наказание, с надеждой на будущее примирение. Все это никак не совпадает с ситуацией отречения от престола и теми эмоциями, которые, судя по воспоминаниям всех участников, испытывал император в момент подготовки текста. Война, которую вела Россия, не воспринималась как наказание, не было и намека на «рассеяние», как способ наказания. В самом факте отречения император не видел божественной воли, а лишь «измену трусость и обман» [6, с. 28] и с большим сомнением относился к мысли о том, что его отставка обусловлена «волей народа», о чем свидетельствуют короткие разговоры с полковником М. М. Мордвиновым:

«– Ничего, ваше величество, – сказал я, – не волнуйтесь очень, ведь вы не напрашивались на престол, а, наоборот; вашего предка, в такое же подлое время приходилось долго упрашивать и, только уступая настойчивой воле народа, он, к счастью России, согласился нести этот тяжелый крест... нынешняя воля народа, говорят, думает иначе... что ж, пускай попробуют, пускай управляют сами, если хотят. Насильно мил не будешь, только что из этого выйдет.

Государь приостановился.

– Уж и хороша эта воля народа! – вдруг с болью и непередаваемой горечью вырвалось у него. Чтобы скрыть свое волнение, он отвернулся и быстрее пошел вперед» [6, с. 119].

И в дневниковой записи, и в переданном выше разговоре можно увидеть обвинение в предательстве [9, 704], обращенное как к элите страны, так и к народу. Этим, соответственно, усиливается мотив одиночества, покинутости, отсутствия надежды. А вместе с этим мотивом усиливается и другой – семейных отношений, в которых нет и не будет места предательству. Отсюда «любимый сын» – предпочтительнее «дорогому». Выражение «любимый сын» использовано в Притчах Соломона:

«Слушайте, дети, наставление отца, и внимайте, чтобы научиться разуму, потому что я преподал вам доброе учение. Не оставляйте заповеди моей. Ибо и я был сын у отца моего, нежно любимый и единственный у матери моей, и он учил меня и говорил мне: да удержит сердце твое слова мои; храни заповеди мои, и живи» [Притч. 4, 1–4].

Здесь прямая переключка библейского текста и переживаемой ситуации в выражении «любимый и единственный» и в призыве «живи», поскольку мотив болезни сына в решении о передачи власти не ему, а брату Михаилу, был главным, о чем писали практически все свидетели тех событий. Утверждать, что император сознательно использовал выражение из этой притчи невозможно, для этого нет никаких данных. Но бессознательное обращение к библейскому тексту для человека крайне религиозного и ищущего в ситуации тяжелейшего духовного кризиса помощи и поддержки представляется вероятным. И для этого даже не нужно брать Библию в руки и перечитывать ее (что не исключено, но и не подтверждено). Тексты, много раз перечитываемые ранее сами собой могут всплыть в памяти. А вместе с выражением «любимый сын» могли прийти строки той же притчи, прямо подходившие к ситуации отречения и отражавшие ее эмоциональный фон:

«Не вступай на стезю нечестивых и не ходи по пути злых; оставь его, не ходи по нему, уклонись от него и пройди мимо; потому что они не заснут, если не сделают зла; пропадает сон у них, если они не доведут кого до падения; ибо они едят хлеб беззакония и пьют вино хищения. Стезя праведных – как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня. Путь же беззаконных – как тьма; они не знают, обо что споткнутся» [Притч. 4, 14–19].

И, наконец, о замене «всенародной» присяги на «ненарушимую». А. И. Гучков вспоминал потом, что «государь сам сказал: “Не лучше ли так выразить” и какое-то незначительное слово вставил» [6, с. 189]. Значимость («значительность») замены, на наш взгляд определяется тем, что «всенародная» присяга приносится и народом, и народу. О «нерушимой» присяге такого сказать нельзя. Это выражение отсылает нас к одному из самых известных текстов Нового завета – Нагорной проповеди, где есть такие строки: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» [Матф. 5,17]. «Нерушимая присяга» текста отречения – это, как нам представляется,

горькое указание на свершившееся нарушение и предостережение на будущее: «Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» [Матф. 5,19]. «Всенародная» присяга, таким образом, это реализация концепции «общественного договора». А «нерушимая присяга» – это отражение теории божественного происхождения власти.

И еще. «Ненарушимая» присяга (если признать связь этого выражения с Нагорной проповедью) – это свидетельство личных настроений императора, поскольку текст Нагорной проповеди дает много возможностей для параллелей и слов утешения, которые можно повторить самому себе в самый тяжелый момент жизни: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [Матф. 5,44]. И в этом случае (в отличие от замены выражения «дорогой сын» на «любимый сын») можно с достаточной долей уверенности говорить о сознательной замене одного выражения на другое и замене с опорой на библейский текст.

Подведем итоги. Два выражения из *авторизованного теста* отречения, (взятые из варианта подготовленного Базили и Алексеевым), помогали формировать семантическое поле, в котором действия народа воспринимаются как несправедные, а решение царя об отречении – как жертва, необходимая в ситуации оставления Богом грешного народа. Выражения, вставленные в текст отречения *самим императором*, органически вошли в это семантическое поле и отражали если не точно сформулированные мысли, то те эмоции, которые владели императором: жертвенность его поступка и стремление перенести акт отречения из сферы гражданских отношений (то есть «воли народа», выраженной оборотом «всенародная присяга») во внеисторическое про-

странство отношений между страной и высшими силами.

Библиографический список

1. Борщукова, Е. Д. Патриотические настроения и отречение Николая II от престола: причинно-следственные связи / Е. Д. Борщукова, // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 120.
2. Манифест императора Николая II об отречении от престола 3 марта 1917 г. // РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 1756. Л. 28 об. 27–27 об. URL: <http://rgvia.pf/virtualnaya-vystavka-otrechenie-nikolaya-ii.shtml> (дата обращения 03.04.2017).
3. Манифест императора Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л. 5 <http://statearchive.ru/795> (дата обращения 03.04.2017).
4. Манифест Николая II от 26 июля 1914 г. // Российский ежегодник. 1990. № 2.
5. Манифест (проект) императора Николая II об отречении от престола в пользу наследника цесаревича великого князя Алексея Николаевича // РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 1753. Л. 140. <http://rgvia.pf/virtualnaya-vystavka-otrechenie-nikolaya-ii.shtml> (дата обращения 03.04.2017).
6. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М.: Терра-Книжный клуб, 1998. 335 с.
7. Рапорт начальника штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексева императору Николаю II с проектом манифеста о создании ответственного перед Государственной думой министерства во главе в М. В. Родзянко // РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 1751. Л. 149. <http://rgvia.pf/virtualnaya-vystavka-otrechenie-nikolaya-ii.shtml> (дата обращения 03.04.2017).
8. Соловьев, К. А. Библейские аллюзии в Высочайшем манифесте от 26 июля 1914 г. // Христианское чтение. 2014. № 4.
9. Уортман, Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 797 с.

УДК 316.772.4:340
ББК 60.524.224.024

О ДОВЕРИИ И НЕДОВЕРИИ В ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

И. Б. Беляева, В. Н. Власенко

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к пониманию доверия и недоверия как в правовом, так и не в правовом поле; определяется место доверия и недоверия как социально-психологических феноменов в правовой коммуникации. Авторы приходят к выводу, что межличностное недоверие является предпосылкой, порождающей необходимость перевода социальной коммуникации в правовую форму.

Ключевые слова: доверие; недоверие; правовая коммуникация; социальная коммуникация.

ABOUT TRUST AND MISTRUST IN THE LEGAL COMMUNICATION

B. I. Belyaeva, V. N. Vlasenko

Abstract. The article discusses approaches to understanding of trust and distrust in the legal and non-legal field; it determines the role of trust and distrust as a socio-psychological phenomena in legal communication. The authors come to the conclusion that interpersonal distrust is a precondition, generating the need to use the legal form in social communication.

Key words: trust; mistrust; legal communication; social communication.

В юридической науке тема доверия и недоверия, за исключением некоторых исследований [7], раскрыта не достаточно широко, чего не скажешь о других гуманитарных науках [2; 3; 8; 9; 15; 19]. Данный факт обуславливает повышенный интерес к дальнейшему изучению указанной темы и формированию устойчивой позиции относительно определения места доверия и недоверия в праве и ситуациях его действия.

Различные подходы к пониманию доверия и недоверия позволяют остановиться на следующих определениях этих феноменов: доверие – уверенность и опирающиеся на нее действия, свидетельствующие о том, что неопределенные будущие действия других людей или учреждения будут нам полезны, недоверие – напротив, нанесут нам вред [21, с. 112]; доверие – это совокупность представлений и настроений субъекта, отражающих его ожидания того, что объект будет реализовывать некоторые функции, способствующие увеличению или сохранению ресурсов субъекта и проявляющихся в готовности субъекта делегировать объекту реализацию этих функций, а недоверие – ожидания выполнения функций, уменьшающих ресурсы субъекта, приводящие к отказу делегировать объекту выполнение соответствующие функций [5, с. 34–35]. По мнению проф. А. Н. Кокотова, доверие и недоверие присутствуют в праве как: особый предмет регулирования; мотив деятельности правотворческих органов; мотив поведения адресатов правовых норм; фоновое результирующее состояние пра-

вовой действительности; конституционная ценность, служащая критерием оценки и проверки правовой действительности [6, с. 116–121].

Субъекты социальной коммуникации, к которым относятся частные и публичные субъекты права, наделены определенными возможностями свободно (тем или иным образом) действовать и требовать от других действий, соответствующих правомочию в определенных социально признанных (нормативных) границах, зависящих от вида и способа (формы) социальной коммуникации. В свою очередь, выбор способа (формы) социальной коммуникации для реализации потребностей, интересов и целей различных субъектов зависит от того, насколько действенны предусмотренные той или иной из них гарантии ненарушения или восстановления интересов [13, с. 97–106]. Субъекты моделируют последствия социальной коммуникации на основе субъективного восприятия, выступающего причиной их действий, анализируя факторы и обстоятельства либо реально существующие, либо возникновение (изменение, прекращение) которых возможно в будущем.

В зависимости от норм, на основе которых они существуют и реализуются, можно говорить о правовом и моральном способах (формах) социальной коммуникации. Зорькин В. Д. в своем интервью «Российской газете» справедливо отметил, что неформальное доверие держится только и исключительно на институте общей морали, освященной культурой и традицией и мас-

сово воспроизводящейся в ходе социализации, где взаимное доверие определяется критерием убежденности в совпадении моральных норм и представлений о справедливости. К формальным механизмам обеспечения доверия относятся система права и правоприменения, а именно комплекс законодательных органов, кодифицированных норм законов, судебной системы и системы исполнения судебных решений [4].

Представляется, что межличностное доверие как психическое отношение к другому субъекту, выступает необходимой предпосылкой и содержанием морального способа (формы) социальной коммуникации, в том числе находящейся в сфере правового регулирования, «является его первостепенным фактором, выступает фоном активности, то есть не является содержанием взаимодействия, а оказывается его необходимой и зачастую непроблематизируемой основой» [1, с. 26]. Рассматривая доверие с данной точки зрения, можно выделить следующие его характеристики: доверие рационально, оно выступает основой, сокращающей использование ресурсов различного рода (временных, финансовых, материальных, информационных и т.д.), сторонам выгодно исполнить обязательства по отношению друг к другу и не порождать конфликт; доверие выборочно, решение о доверии принимается на основе опыта межличностного общения, информации из проверенных источников, качеств субъектов, характеристика которых дает возможность сторонам сделать разумные выводы о способности взаимного удовлетворения потребностей; доверие служит средством достижения целей субъектов (действия последних всегда направлены на конкретный результат взаимодействия).

Моральный способ социального взаимодействия не требует каких-либо внешних по отношению к его участникам механизмов и средств гарантирования, регулирование здесь осуществляется на основе моральных норм, обусловленных традициями, обычаями, правилами поведения, сложившимися в обществе, где доверие выступает как само собой разумеющееся, как неотъемлемый компонент социального взаимодействия в целом. Как писал Кельзен Г., «при определенных условиях члены группы должны себя вести определенным образом, причем «должны» в объективном смысле, так что индивид, в конкретном случае желающий поступить и фактически поступающий противоположным образом, сознает, что он вел себя не так как должно» [20]. Например, передавая в долг денежные средства без заключения договора займа

и получения каких-либо письменных доказательств, стороны основываются исключительно на взаимном доверии (как завершённой, реализованной в действии веры [16]), предполагая, что в использовании правовой формы нет необходимости и не рассчитывают на возможное участие государственных институтов в их социальном взаимодействии. Решение о доверии принимается на основе качеств субъектов, характеристика которых дает возможность сторонам сделать разумные выводы о способности взаимного удовлетворения потребностей. Стороны могут рассчитывать только на повышенный уровень правосознания друг друга, проявляющийся в виде «осознания своих и чужих субъективных прав и обязанностей, ситуационных запретов и ограничений, допустимых для использования в данной ситуации средств» [14, с. 15].

Правовое взаимодействие как способ социального бытия, в отличие от моральной формы, предполагает участие «третьего», выступающего как «агент» правопорядка [17, с. 20,76] (агент суверена [13, с. 84]), связанное как с информированием о содержании нормативных предписаний и доказыванием юридически значимых фактов, так и со способностью «третьего» оценить взаимодействие как правомерное или противоправное и в случае необходимости применить меры по восстановлению правопорядка [13, с. 85].

Думается, что межличностное доверие для правовой формы общественных отношений является переменной составляющей, которая может повышать эффективность правовой коммуникации (если, совершая ту или иную сделку, стороны доверяют друг другу, верят, что каждая из них является надлежащим субъектом, что у сторон имеется воля к совершению данной сделки, причем эта воля выражена надлежащим образом, что условия сделки соответствуют требованиям закона, что каждая из сторон надлежащим образом исполнит свои обязательства, вытекающие из сделки, то они сокращают возможные транзакционные издержки) [12, с. 155–156].

В этой связи представляется нуждающейся в существенном уточнении высказанная в юридической науке позиция о том, что в случае, когда «в законодательстве четко не определено, кто может быть субъектом общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования, что может быть объектом этих отношений, каковы права и обязанности участников этих отношений, каковы основания их возникновения и прекращения» (причем «законодатель сознательно пошел на неопределенность с целью предоставить субъектам права решить вопрос по свое-

му усмотрению)), «единственной мерой, способной обеспечить эффективность правовой коммуникации, будет доверие субъектов права друг к другу» [12, с. 156].

Если речь идет о принудительных либо вынужденных правовых взаимодействиях [13, с. 152–157], наличие или отсутствие доверия между конкретными его участниками не влияет на возникновение правовой формы социального взаимодействия между ними. При добровольных правовых взаимодействиях в описываемой выше ситуации избрание правовой формы социальной коммуникации свидетельствует как раз, напротив, о недоверии субъектов права друг другу (поскольку моральный способ обмена благами в подавляющем большинстве случаев менее затратен). Субъект предполагает возможные варианты последующего изменения текущего состояния отношений, складывающихся в процессе социальной коммуникации, определяет пределы собственного поведения и поведения других участников, в которых они будут действовать свободно и правомерно, моделирует последующие способы разрешения ситуации, способствующие достижению целей субъекта и принимает решение об избрании правовой формы социальной коммуникации. Решение основывается на объективных (внешних) факторах окружающей правовой среды, характеризующих уровень общественного доверия к праву, его институтам, органам государственной власти (для выбора в пользу правовой формы социальной коммуникации он должен быть достаточно высок), и на субъективных (внутренних) факторах, определяющих поведение субъекта, где основополагающим социально-психологическим фактором является недоверие к противоположной стороне взаимодействия. При отсутствии императивного правового регулирования можно вести речь о нахождении соответствующей области общественных отношений если не во внеправовом пространстве [10, с. 29] вообще, то, как минимум, в юридически нейтральном пространстве. Выбор же в пользу правовой формы свидетельствует о том, что государству в этом случае доверяют больше чем партнеру. Вопрос об уровне доверия и недоверия к государственным правообеспечительным институтам является достаточно сложным и заслуживает отдельного изучения. Однако текущее состояние общественных отношений указывает на следующую тенденцию, которая продемонстрирована на следующем примере. Несмотря на наметившуюся тенденцию заключения сделок на рынке слияний и поглощений (M&A) по российскому праву, в боль-

шинстве своем оно используется в сделках лишь до 300 млн. руб. Что касается серьезных сделок, особенно при покупке целого бизнеса, то используется английское право. Сотрудники юридических фирм отмечают следующее: многих клиентов очень беспокоит, что основные полномочия по спорам получают российские суды, а некоторые иностранные партнеры даже настаивают на создании совместного предприятия за рубежом из-за риска оказаться в российском суде. Во избежание рисков российского правосудия на практике все чаще используются необычные комбинированные конструкции: заключение дополнительного контракта, споры по которому рассматриваются в международном арбитраже; двойные соглашения, где сам договор M&A заключается по российскому праву, а гарантийное обязательство по английскому [11]. В обратной ситуации «в пределах свободы, предоставленной политическим режимом, индивид весьма успешно находит пути реализации своих экономических интересов в обход государства, используя в этих целях обычаи, деловые обыкновения, иные социальные нормы» [18, с. 24]. Основным преимуществом перевода социальной коммуникации в правовую форму являются гарантии ненарушения или восстановления нарушенных прав, обеспеченных государством.

Таким образом, межличностное недоверие является предпосылкой, порождающей необходимость перевода социальной коммуникации в правовую форму, обуславливает развитость этой правовой формы, трансформируясь тем самым в доверие к государственным правообеспечительным институтам.

Библиографический список

1. Алишев, Т. Б. Основные теоретические подходы к интерпретации феномена доверия в социологии / Т. Б. Алишев // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Том 151. № 5–1.
2. Антоненко, И. В. Социальная психология доверия: автореф. дис. ... д-р. психол. наук. / Антоненко И. В. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-psikhologiya-doveriya> (дата обращения 12.02.2017).
3. Данкин, Д. М. Проблема политического доверия в международных отношениях: автореф. дис. ... д-р. полит. наук / Д. М. Данкин. URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-politicheskogo-doveriya-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh> (дата обращения 12.02.2017).

4. Доверие и право. URL: <https://fg.ru/2013/04/28/zorkin.html> (дата обращения 12.02.2017).
5. Ильясов, Ф. Н. Типы шкал и анализ распределений в социологии / Ф. Н. Ильясов // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 4.
6. Кокотов, А. Н. Доверие и сущность российского права / А. Н. Кокотов // Бизнес, менеджмент и право. 2003. № 4.
7. Кокотов, А. Н. Доверие. Недоверие. Право / А. Н. Кокотов. М.: Юристъ, 2004. 192 с.
8. Ляско, А. К. Концепция доверия в социально-экономической теории: автореф. дис. ... д-р эконом. наук / А. К. Ляско. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontseptsiya-doveriya-v-sotsialno-ekonomicheskoi-teorii> (дата обращения 12.02.2017).
9. Магомедов, М. Г. Социальное доверие в российском обществе: социологический анализ: автореф. дис. ... д-р. соц. наук / Магомедов М. Г. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-doverie-v-rossiiskom-obshchestve-sotsiologicheskii-analiz> (дата обращения 12.02.2017).
10. Мач, В. Я. Общество и право / В. Я. Мач // История государства и права. 2011. № 5.
11. Недоверие к судам препятствует заключению сделок по российскому праву. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/11/29/667312-nedoverie-sudam> (дата обращения 12.02.2017).
12. Осипов, М. Ю. Право и доверие в контексте требований правового регулирования экономической деятельности / М. Ю. Осипов // Право и Бизнес: сб. I Ежегод. Междунар. науч.-практ. конф. М.: Юрист, 2012. С. 154–158.
13. Панченко, В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия / В. Ю. Панченко. М.: Проспект, 2015. 232 с.
14. Погодин, А. В. Ситуационное право и правореализация / А. В. Погодин // История государства и права. 2014. № 5.
15. Скрипкина, Т. П. Доверие как социально-психологическое явление: автореф. дис. ... д-р соц. наук / Скрипкина Т. П. URL: <http://www.dissercat.com/content/doverie-kak-sotsialno-psikhologicheskoe-yavlenie> (дата обращения 12.02.2017).
16. Смысл слова «доверие» // URL: <http://pishu-pravilno.livejournal.com/574502.html> (дата обращения 12.02.2017).
17. Стомба, А. В. Правовая ситуация как исток бытия права / А. В. Стомба. Х.: ДИСА+, 2006. 176 с.
18. Сырых, В. М. Материалистическое понимание права и справедливости / В. М. Сырых // Правоведение. 2013. № 2.
19. Тишкова, Н. Ю. Доверие как феномен жизненного мира: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Тишкова Н. Ю. URL: <http://www.dissercat.com/content/doverie-kak-fenomen-zhiznennogo-mira> (дата обращения 12.02.2017).
20. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сб. пер. Вып. 1. М.: АНН СССР ИНИОН, 1987. URL: <http://sdamzavas.net/1-22963.html> (дата обращения 12.02.2017).
21. Штомпка, П. Доверие – основа общества / П. Штомпка. М.: Логос, 2012. 445 с.

УДК 378.147:811.11
ББК 74.268.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕСТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Г. К. Савченко

Аннотация. Данная статья посвящена основным проблемам внедрения метода тестирования в практику обучения иностранным языкам. Распространение тестирования объясняется процессами интернационализации, глобализации и международной интеграции, в том числе и в образовательной сфере. В статье рассматриваются преимущества и недостатки тестирования, а также уместность использования тестов в неязыковой аудитории. Предлагается использовать тесты в целях контроля в сфере формирования лексических и грамматических умений и навыков, а также очень осторожно формулировать дистракторы. Следует избегать несуществующих в языке форм дистракторов.

Ключевые слова: тесты, педагогический мониторинг, функции контроля, педагогический и методический тест, тест как эффективный прием контроля, контроль лексических и грамматических умений, тестовые дистракторы.

TESTS IN THE PROCESS OF TEACHING OF A FOREIGN LANGUAGE IN THE INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION FOR NON LINGUISTIC SPECIALITIES

G. K. Savchenko

Abstract. This article is devoted to the problems of using tests in the process of teaching of a foreign language in the Institute of Higher Education for non linguistic specialities. Tests are now widely practiced in the Institute of Higher Education because of internationalization, globalization and integration processes in the educational sphere. The article deals with advantages and disadvantages of tests control methods, with proper reasons and place for their using for controlling lexical and grammatical skills. It is proposed to choose the distractors formulations very carefully. Non-existing form of language distractors are not recommended.

Key words: tests, pedagogical monitoring, functions of controlling, the pedagogical and methodical test, test as effective method of controlling, controlling of lexical and grammatical skills, the tests distractors.

В данной статье рассмотрим основные проблемы, связанные с внедрением метода тестирования в практику обучения иностранным языкам, особенно усилившееся в последнее время и требующее от преподавателей-практиков значительных усилий. В какой степени и на каких этапах процесса обучения целесообразно использование тестов в студенческой аудитории неязыковых вузов? Почему необходимо отдавать предпочтение тестам, а, например, не традиционным контрольным работам? Какое количество тестов следует предлагать студентам для выполнения в аудитории? Какое количество тестовых заданий оптимально для проведения контроля, текущего или итогового? Прежде чем определиться с ответами на данные вопросы, обратимся к рекомендациям и положениям теории методики обучения иностранным языкам.

По поводу тестирования существуют различные точки зрения. Одни предпочитают более традиционные формы контроля и расценивают тестирование как не вполне оправдавшее себя заимствование. Другие видят в тестах эффектив-

ный способ обновления содержания обучения и контроля его результатов. А многие преподаватели вообще не имеют четкого представления о том, что же такое тесты и уместны ли они вообще в средней школе и вузе.

О том, что проблема тестирования в процессе обучения иностранным языкам относится к одной из наиболее обсуждаемых проблем, свидетельствует и количество публикаций на данную тему, в том числе и в Интернете. На эту тему пишутся и дипломные [11] и курсовые работы (даже не приводим и примеров), и научные статьи [7, 4, 8].

Распространение тестирования объясняется в первую очередь все же процессами интернационализации, глобализации и международной интеграции, в том числе и в образовательной сфере, ведь тестирование пришло к нам именно из-за рубежа. Образование выходит за государственные границы, перестает считаться внутренним делом одной страны. Активизируются международные исследования, дающие информацию

о подготовке учащихся отдельных стран в сравнении с общепринятыми стандартами [1].

Тестирование обучающихся признается в теории обучения обязательным компонентом учебного процесса, связанным с контрольно-оценочной деятельностью учителя и преподавателя. Тестирование является предметом многочисленных исследований в области педагогики, лингводидактики, педагогического мониторинга.

Современная методика связывает проведение контроля с педагогическим мониторингом. По мнению исследователей, педагогический мониторинг – это неотъемлемый компонент эффективного управления педагогической системой, которая состоит в регулярном обеспечении объективной, надежной, необходимой информацией о состоянии педагогической системы с целью оценки ее соответствия установленным нормам, прогнозирования дальнейшего развития и принятия управленческих решений. По мнению И. Л. Бим, контроль является одним из методов обучения иностранному языку. Контроль, адекватный той или иной деятельности, и стимулируемый им сознательный самоконтроль составляют целостную систему взаимодействия учителя и учащихся [3, с. 82]. С помощью контроля учитель получает информацию: а) о результатах работы группы учащихся в целом и каждого учащегося в отдельности; б) о результатах своей работы (узнать, насколько эффективны приемы обучения, определить неудачи в работе, что позволяет внести изменения в программу обучения).

Контроль пронизывает весь процесс обучения языку и может быть направлен на различные цели. Однако не во всех случаях он является самоцелью и носит обучающий характер. В соответствии с этим принято выделять диагностическую, обучающую, управляющую, корректирующую, стимулирующую и оценочную функции контроля [10, с. 293], при ведущей роли контролирующей (в итоговом контроле) и обучающей функций (в текущем контроле) [5, с. 24].

При рассмотрении контроля как средства оценки уровня обученности учащихся во времени принято выделять предварительный, текущий (следающий, постоянно действующий), промежуточный (периодический) и итоговый контроль [10, с. 293]. Что касается форм контроля, то выделяют следующие: 1) индивидуальные, парные, групповые и фронтальные; 2) устные и письменные; 3) одноязычные и двуязычные. При этом формы и приемы контроля должны быть адекватны тем навыкам и умениям, которые они должны проверять. Контроль должен быть объективным, регулярным, иметь дифференциро-

ванный характер, а также содержать ясные и четкие формулировки контрольных заданий.

Одним из основных и наиболее пропагандируемых средств контроля в современной методике признается тестирование, выполняющее важные функции в процессе обучения иностранному языку. Изучение методикопсихологических проблем тестирования включает в себя исследование многочисленных факторов, как-то: обоснование теста как одного из распространенных средств контроля обученности иностранному языку; определение сущности тестирования и самого теста; формы и виды тестового контроля; цели тестирования; виды тестов и типы тестовых заданий; технологии составления тестов; преимущества и недостатки тестов; психолого-педагогические и нравственные нормы тестирования.

По мнению Т. А. Ильиной, педагогический тест – это форма контроля знаний учащихся, представленная в виде большого числа заданий, требующих либо краткого ответа, либо выбора ответа из числа данных [5, с. 35]. В рамках конкретного предмета педагогический (дидактический) тест приобретает статус методического, т.е. учебного, предметного. Э. А. Штульман, одним из первых в отечественной методике, дал определение методического теста. Это контрольное задание, проводимое в равных для всех обучающихся условиях, длительность и характер которого строго соотносены с объективными факторами, а результаты выполнения поддаются количественной оценке, являясь показателем определенных итогов учебного процесса к моменту данного теста» [12, с. 175].

Тест как основной прием тестирования означает в широком смысле любую форму контролирующего задания (перевод, ответы на вопросы, письменное изложение содержания и др.), т.е. слово тест может употребляться как контроль, испытание, проверка. Но в узком значении слово тест означает набор контрольных вопросов, заданий и т.д. [5, с. 31]. Учитывая большое количество определений «теста», мы, вслед за Е. Ф. Ивановой, понимаем тест как специфический прием текущего и итогового контроля, результаты которого являются показателем уровня обученности испытуемых к моменту проведения данного теста [5, с. 39].

Составляемые преподавателем тесты должны соответствовать определенным требованиям к вариантам ответа. По мнению Е. Ф. Ивановой, при разработке тестов варианты ответов, в том числе и дистракторы, должны быть:

- правдоподобными и привлекательными для обучающего;
- к каждому заданию использовать не менее 4 вариантов ответа;
- альтернативы должны быть взаимоисключающими;
- неправильные ответы следует подбирать разумно; они должны быть однозначными по содержанию, а по длине примерно одинаковыми;
- место правильного ответа не должно повторяться от вопроса к вопросу;
- альтернативы должны быть расположены в хронологической последовательности, т.е. в соответствии с развертыванием событий в тексте;
- ответы не должны зависеть от предыдущих ответов задания [5, с. 68].

Существенной чертой теста является, в том числе, его направленность на самоконтроль. Как правило, тест имеет ключи для самоконтроля и самокоррекции. Изучающий язык может с помощью ключа проверить самого себя и выяснить, умеет ли он пользоваться учебным материалом. В случае неправильного ответа учащийся понимает пробелы в усвоения материала и может повторить те упражнения, которые направлены на преодоление дефицита [5, с. 37]. Развивая мысль А. Л. Карлина, Иванова Е.Ф. отмечает большой вклад тестов в развитие самостоятельной деятельности учащихся. Тесты являются составной частью процесса самостоятельной работы, стимулируют мышление, обостряют восприятие формы и содержание, учат читать и слушать тестовое задание.

Что касается видов тестов, то, по мнению большинства методистов-исследователей, наиболее полной является классификация тестов, разработанная И. А. Рапопортом [13]. Автор классифицирует тесты по двум основным параметрам: по целевым, функциональным и содержательным признакам; по формальным признакам (конструктивным, внешним).

В первой группе тестов автор выделяет следующие подгруппы:

1. По цели применения: констатирующие тесты, диагностирующие тесты и прогностические тесты.
2. По виду осуществляемого контроля: тесты текущего контроля, тесты рубежного контроля (получетверть, семестра), тесты итогового контроля (конец учебного года), тесты заключительного контроля (окончание курса обучения).

3. По статусу контролирующей программы: стандартизированные тесты и нестандартные тесты.

4. По объекту контроля: тесты, измеряющие усвоение языкового материала (навыки) и тесты, измеряющие сформированность речевых умений.

5. По характеру контролируемой деятельности: тесты лингвистической и коммуникативной компетенции.

6. По направленности тестовых заданий: дискретные и глобальные тесты.

7. По соотношению с нормами или критериями: тесты, ориентированные на нормы и тесты, ориентированные на критерии.

Вторую группу тестов составляет следующие подгруппы:

1. По структуре и способу оформления ответа: избирательные тесты и тесты со свободно конструируемым ответом.

2. По характеру выборочных ответов: альтернативные тесты, тесты множественного выбора и тесты перекрестного выбора.

3. По гомогенности заданий: тесты на скорость, состоящие из равнотрудных заданий, и тесты на сложность, состоящие из все более усложняющихся к концу заданий.

4. По способу презентации речевого стимула: с использованием технических средств обучения и без использования технических средств обучения.

5. По использованию средств обратной оперативной связи: машинные и безмашинные.

Специфика тестов, которую можно интерпретировать как достоинства данной методики осуществления контроля, заключается в следующем:

1) тест проводится в равных для всех условиях: учащиеся работают одновременно и с одинаковым по объему и сложности материалом;

2) тест имеет особые характеристики эффективности (валидности и надежности), получаемые в результате выполнения заданий. Он обладает квалитетическими качествами, т.е. количественным выражением качества выполнения задания. Они однозначны, позволяют фиксировать результаты, сравнивая с готовыми ответами (ключами) и позволяют точно определить ошибочность действий;

3) основное отличие тестов от традиционных приемов контроля состоит в том, что он всегда предполагает измерение, что обеспечивает объективность и унифицированность проверки и позволяет преподавателю проверить большое количество работ учащихся;

4) четкая определенность форм и содержания задания и всего теста делает тестовый контроль экономичным, т.е. позволяет работать одновременно с большим контингентом учащихся и проверить значительный объем учебного материала у каждого тестируемого;

5) узконаправленность каждого тестового задания, однозначность ответов делают процесс тестирования простым и снижают время его выполнения;

6) тщательность подготовки теста в соответствии с разработанными правилами и с предварительной экспериментальной проверкой для совершенствования теста;

7) строгая регламентация тестирования;

8) направленность тестового контроля на самоконтроль и самокоррекцию с помощью ключа;

9) тесты отличаются значительным разнообразием (они могут состоять как из одного, так и из нескольких заданий, которые могут быть краткими и длительными, аспектными, комплексными, устными, письменными или смешанными и т.д.);

10) назначение тестов заключается в мотивации к изучению предмета;

11) результаты тестов свидетельствуют не только об успехах обучающихся, но и об эффективности обучения со стороны преподавателя.

Изучение результатов тестов дает возможность вносить соответствующие коррективы в определенные разделы программы и учебного плана, изменять методическую систему преподавателя, организовывать рабочую профилактику ошибок [5, с. 39–40]. Таким образом, специалисты выделяют огромное количество факторов, способствующих распространению тестовых методов контроля. Но, по нашему мнению, тестовый контроль также следует использовать весьма осторожно, особенно в процессе преподавания иностранного языка с небольшим количеством учебных часов на т.н. контактную работу преподавателя. Кроме того, перечисленные факторы, а также огромное количество видов тестов подчеркивают чрезвычайную сложность составления тестов.

Так как большинство тестов связано с выбором правильного варианта ответа, то, на наш взгляд, существенной проблемой составления тестов и проведения тестирования становятся трудности, связанные с так называемыми дистракторами, которые и являются предметом исследования в данной статье.

Дистракторы употребляются именно в заданиях закрытой формы, которые предполагают

выбор ответа из нескольких предложенных вариантов, где неправильные ответы являются отвлекающими ответами. Эти задания широко используются в практике тестирования. Задания множественного выбора (т.н. multiple-choice tests) характеризуются: 1) наличием вопроса или предложения (его начала/концовки) в процедурной части; 2) в качестве возможных ответов предлагаются, как правило, два-четыре варианта. Традиционно только один ответ является правильным, все остальные неверны, хотя и являются правдоподобными. Такие ответы называются дистракторами. Они могут также представлять собой сформулированные независимо друг от друга высказывания. В этом случае правильный ответ соответствует содержанию отрывка текста, в то время как дистракторы не согласуются с ним.

Основные преимущества заданий с выбором ответа связаны с быстротой тестирования, с простотой подсчета итоговых баллов учеников. Каждый верный ответ в таких заданиях оценивается, как правило, одним баллом, за неправильный ответ испытуемый получает 0 баллов. Суммирование всех баллов, полученных испытуемым, дает его «тестовый балл». К недостаткам заданий закрытой формы относят возможность угадывать правильный ответ, чем явно пользуются слабо подготовленные учащиеся. Но тесты с выбором ответа требуют не простой подстановки, а выбора, основанного на сознательном анализе предлагаемых на выбор вариантов правдоподобных неправильных ответов представляет одну из основных трудностей для составителей тестов. Как правило, при отборе дистракторов составитель теста исходит из типичных трудностей, которые испытывают обучающиеся при усвоении контролируемого явления и которые проявляются в типичных и устойчивых ошибках. Для отбора правдоподобных дистракторов необходим тщательный анализ ошибок, порождающих их причины, изучение тех возможных ассоциаций, которые могут возникать при выполнении задания.

При составлении требуемых тестов, при использовании тестов, предлагаемых в учебно-методических пособиях, мы столкнулись с проблемой подбора дистракторов. Бросается в глаза обилие неправдоподобных, т.е. совершенно неправильных форм в предлагаемых для выбора вариантах.

Как указывалось выше, в тестах с заданиями множественного выбора следует предлагать в качестве возможных ответов два-четыре варианта. Считаем абсолютно недопустимым использо-

вание неправильных форм в предъявляемых студентам или школьникам тестах. При этом только один ответ является правильным, все остальные – неверны, хотя и должны быть правдоподобными, а нам представляется, что не просто правдоподобными, а правильными, существующими в языке. Это требование довольно часто нарушается, так как, например, в немецком языке не всегда можно образовать четыре правдоподобных грамматических формы от одной лексемы. Неправильные формы даже опасны, так как могут в первую очередь запомниться обучающимся, могут привести их к мысли, что возможно самостоятельное изобретение языковых форм, что даже в учебниках можно встретить несуществующие грамматические или лексические формы. Поэтому составители тестов вынуждены прибегать к выдуманному, несуществующим формам, что, на наш взгляд, совершенно недопустимо. Приведем только несколько примеров. В тестах по теме «Наречие» (Тестовое задание: поставьте наречие в сравнительной и превосходной степени) зафиксированы следующие несуществующие формы: *am gernsten*, *am vielsten*, *öften*, *am gutesten* [1, с. 166, 167].

В прекрасном учебнике А. В. Раевской и А. Е. Улитиной имеется множество тестов, но, к сожалению, в них также зафиксированы неправдоподобные дистракторы [6]. Примеры:

Alle Studenten lieben a) dieses Professor b) diesen Professor c) dieses Professoren (Раевская: 256, тестовое задание 31). Два из предложенных варианта завершения предложения не возможны в немецком языке. Или сильно режет глаза словоформа *dieses Herrs* в тесте на с. 178 (тестовое задание 43). В сборнике тестов по грамматике немецкого языка (Тесты: 1997) абитуриентам предлагаются 500 тестов множественного выбора (выбор из четырех или вариантов), а значит, можно часто встретить и неправильные дистракторы (например, *sind gewarten* (тест 101), *nach den neunten Juli* (тест 112), *Mensche* (тест 180) [9]. И подобных примеров множество.

Выход из этой ситуации возможен только такой – привлекать другие лексемы и словоформы, сочетая таким образом и выбор правильной грамматической формы и одновременно учитывая лексическую сочетаемость. В качестве руководства к действию для наших преподавателей можно привести сборник тестов Иоганнеса Шумана [14, с. 2001]. Сборник содержит 100 лексико-грамматических тестов, но не просто на выбор формы, а включает в себя следующие задания: выберите правильное вопросительное слово; назовите антонимы; найдите логическое соответ-

ствие и т.п. В тестовом задании по выбору правильного варианта в предложении: «*Ich habe den Schlüssel an den Tisch.*» имеются четыре правильных партиципа 11: *gelegen*, *gelegt*, *gelogen*, *gesetzt*.

Многолетний опыт преподавания позволяет утверждать, что тесты множественного выбора уместнее всего использовать при проведении контроля обученности лексике и грамматике (то есть так называемые узконаправленные тесты, направленные на проверку сформированности какого-то конкретного умения из области грамматики или лексики, а лучше и грамматики, и лексики одновременно, так как они неразделимы). На аудиторных занятиях весьма уместными являются как индивидуальные, так и групповые и письменные тесты, при этом иногда могут предлагаться и двуязычные тесты на выбор правильного варианта перевода или верного утверждения (на русском языке). Весьма достаточным, на наш взгляд, является количество предлагаемых ответов в каждом задании – два-три. Четыре варианта часто вызывают у преподавателей большие трудности и пишутся просто для формы.

С точки зрения педагогического мониторинга, если следовать рекомендациям исследователей, надежным может быть только итоговый тест в количестве не менее (но и не более!) 30 заданий, что ставит вопрос об использовании тестов для текущего и промежуточного контроля (особенно с весьма умеренным количеством аудиторных часов по иностранному языку в высшей школе). Составление же многочисленных тестов (по каждой лексико-грамматической теме, на каждый вид речевой деятельности) отнимает у преподавателя огромное количество времени как на разработку самого теста, так и «съедает» большое количество аудиторного времени, которое разумнее использовать на тренировочные упражнения, на проведение ролевых игр и т.п. Весьма эффективным средством контроля является устный опрос обучающихся.

Что касается форм контроля за уровнем развития компетенций в аудировании, чтении и письме, то совершенно очевидно, что данные тесты не нацелены на производство речи, а проверяют и заостряют внимание обучающихся только на процессах распознавания. Тесты в данных видах речевой деятельности, однако, не в полной мере соответствуют современному компетентностному подходу к процессу преподавания иностранного языка. Тестовый контроль в обучении иностранным языкам (в нашем случае в студенческой аудитории неязыкового профиля)

может, конечно, способствовать выявлению минимального порогового уровня коммуникативной компетенции, который должен достичь каждый учащийся к концу этапа обучения. Но в качестве полноценного средства контроля за уровнем сформированности компетенций в чтении, говорении, устной и письменной речи могут служить активные формы контроля, как-то: создание проектов (с презентацией), написание статей, реферативный перевод научной статьи, выступление с докладом и т.п.

Следует признать в качестве достоинства тестирования возможность использовать их в целях обучения в домашних заданиях, т.е. в самостоятельной работе обучающихся.

Библиографический список

1. Агузарова, С. В. Роль тестирования в преподавании иностранных языков / С. В. Агузарова,. URL: [Arhttp://pandia.ru/text/78/238/28371](http://pandia.ru/text/78/238/28371) (дата обращения 12.04.2017).
2. Архипкина, Г. Д. УЕУ 2017. Немецкий язык: Сдаем без проблем / Г. Д. Архипкина, Г. С. Загородняя. М.: Эксмо, 2016. 320 с.
3. Бим, И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе / И. Л. Бим. М.: Просвещение, 1988. 256 с.
4. Гойнаш, А. Использование метода тестирования в обучении иностранному языку / А. Гойнаш // Немецкий язык от А до Я. URL: http://www.all-de.com/w_artikel/artikel/10-ispolzovanie-metoda-testirovaniya-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku.html (дата обращения 12.11.2016).
5. Иванова, Е. Ф. Опоры в обучении иностранным языкам / Е. Ф. Иванова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002. 158 с.
6. Раевская, А. В. Курс немецкого языка в сфере профессиональной коммуникации: учебное пособие / А. В. Раевская, А. Е. Улитина. СПб: Издательство СЗАГС, 2011. 364 с.
7. Салищев, А. А. Технологии тестирования в обучении иностранным языкам. <http://www.allbest.ru/> (дата обращения 12.10.2016).
8. Ступкина, М. В., Зеленкова И. В. Тестирование в обучении иностранным языкам // Педагогический опыт: теория, методика, практика: материалы VIII Междунар. науч.– практ. конф. (Чебоксары, 13 июня 2016 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интер-актив плюс», 2016. № 3 (8). С. 31–34.
9. Тесты по грамматике немецкого языка. Изд-во «Янтарный сказ». Калининград, 1997.
10. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: учеб. пособие. 2 изд. М.: Филоматис, 2006. 408 с.
11. Урусова, Е. Ю. Особенности формирования навыков тестирования в процессе обучения английскому языку с учетом требований ЕГЭ. Дипломная работа, научн. Руководитель доктор педагогич. наук И. Г. Металова, ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», Чебоксары, 2009.
12. Штульман, Э. А. Функции эмпирических методов исследования // Сов. педагогика. М.: 1986. № 3.
13. Рапопорт, И. А. Об использовании метода тестов при учете успеваемости школьников / И. А. Рапопорт. М.: Таллин, 1972. 286 с.
14. Schuman, Johannes. Leichte Tests. Deutsch als Fremdsprache. 1. Auflage. Max Hueber Verlag, 2001. 147 s.

СЛОВО – МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

THE WORD FROM YOUNG SCIENTISTS

УДК 60.803(2Рос-4Вог)
ББК 353.2(470.12)

ТРЕХСТОРОННЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (ВЛАСТЬ – БИЗНЕС – ОБЩЕСТВО) В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Е. Д. Копытова

Аннотация. В работе систематизированы сложившиеся модели трехстороннего взаимодействия; проведен анализ реализации органами власти совместных с бизнесом проектов и программ на территории РФ; на примере Вологодской области выявлены формы участия общества в решении региональных проблем. Предложен комплекс рекомендаций для органов власти, направленных на развитие данного трехстороннего взаимодействия.

Ключевые слова: взаимодействие, органы власти, бизнес, общество, развитие региона, управление.

TRILATERAL COOPERATION (GOVERNMENT – BUSINESS – SOCIETY) IN THE DEVELOPMENT CHALLENGES OF THE REGION

E. D. Kopytova

Abstract. The article systematizes the existing model of trilateral cooperation; analyses how authorities carry into effect joint business projects and programs in the territory of the Russian Federation; through the example of the Vologda region reveals the forms of society participation in dealing with regional problems; suggests some recommendations for authorities aimed to develop trilateral cooperation.

Key words: cooperation, government, business, society, regional development, management.

В условиях затянувшегося экономического спада практически во всех субъектах РФ происходит обострение социальных проблем. При этом финансово-экономические возможности региональных и муниципальных органов власти по решению проблем социального характера за счет бюджетных ресурсов весьма ограничены. В этих обстоятельствах регионам необходимо искать дополнительные ресурсные возможности, которые можно использовать в целях развития территорий. Однако привлечение дополнительных ресурсов невозможно без активизации участия в социальных процессах всех субъектов экономических отношений, а также объединения их усилий и ресурсов.

Характер современных процессов, происходящих в обществе, проявляющийся в быстром развитии сферы обслуживания и информационных технологий, осознании ценности челове-

ского капитала и важности регулирования социальной стабильности в государстве, повышении роли бизнеса в развитии территорий вызывает необходимость поиска оптимальных социально-экономических отношений [10, с. 126]. В исследованиях ведущих российских (В. Г. Варнавского [4, с. 36], Г. Б. Клейнера [9, с. 53], В. Н. Лексина [11, с. 199], М. И. Либоракиной [6, с. 54], А. И. Татаркина [20, с. 22], В. Ф. Уколова [22, с. 401], Т. В. Усковой [24, с. 15], В. Н. Якимца [26, с. 106], и др.) и зарубежных (А. Кэрролла [27, с. 223], Р. Фримэна [28, с. 146] и др.) ученых доказано, что объединяющим звеном этих концепций должно стать признание значимости партнерского взаимодействия власти, бизнеса и общества для обеспечения социально-экономического развития как на общегосударственном, так и на региональном и муниципальном уровнях.

Любое общество или государство обладают жизненно важными интересами, без которых невозможно их существование и развитие: для общества – это совокупность потребностей, удовлетворение которых обеспечивает его существование и возможность гармоничного развития; для государства – это социально-экономическое развитие территорий; для бизнеса – это максимизация прибыли. И только взаимовыгодное взаимодействие между этими акторами будет способствовать обеспечению высоких и устойчивых темпов развития регионов.

Следует отметить, что взгляды на роль партнерских отношений власти, бизнеса и общества в управлении территориями неоднократно изменялись. Так, в XIX веке государство способствовало повышению эффективности средств производства частных собственников (основоположниками данного подхода являются Г. Гегель

и К. Маркс). Первая половина XX века характеризовалась тем, что государство представляло интересы определенной социальной группы, при этом объединение людей носило принудительный характер (А. Грамши, Г. Гинс). С середины 60–70-х годов XX века отношения между государствами и представителями бизнеса и общества стали носить не авторитарный, а партнерский характер (Г. Лембрух, Ф. Шмиттер) [25, с. 131].

Изучение эволюции взаимодействия бизнеса и власти в России позволяет констатировать заметное изменение роли каждого из них в экономической системе, расширение круга субъектов социальной политики и значительное расширение роли предпринимательских структур в решении социально-экономических проблем. Особенно активны данные преобразования проходили во второй половине XX века (см. табл. 1).

Таблица 1

Эволюция взаимодействия бизнеса и государства в экономике России (со 2-й половины XX в.)

Этап	Период	Содержание
1	1960–1979 гг.	Хозяйствующие субъекты, обладающие экономическими ресурсами, становятся ведущей силой территориального развития. Наряду с этим регион обслуживает интересы градообразующего предприятия, а он, в свою очередь, формирует и обслуживает социальную инфраструктуру.
2	1980–1989 гг.	Органы власти в большинстве случаев отстранились от вмешательства в деятельность хозяйствующих субъектов. Часть исследователей [1, с. 91; 15, с. 6] характеризуют данный период как время «приватизации власти» бизнесом.
3	1990–1994 гг.	Государственные ресурсы активно перемещаются в частную собственность, что способствовало снижению качества жизни, росту инфляции и социальной напряженности в обществе. В результате этого в отношении бизнес-структур органы власти реализуют стратегию жесткой финансовой, кредитной и налоговой политики, вводят ограничения, квоты и лицензии.
4	1994–1999 гг.	Период сближения власти и бизнеса, при котором государство привлекает крупнейших представителей частного сектора на высокие посты в органы власти. При этом огромный объем финансовых ресурсов сосредотачивается у группы крупнейших бизнесменов, которые активно уводят за рубеж свои капиталы.
5	1999 – по наст. время	Начинают формироваться формы сотрудничества власти и бизнеса в связи с тем, что государству необходимо контролировать финансово-хозяйственную деятельность предприятий, а последним – для успешного функционирования в условиях рыночной экономики необходимы «правила игры».

Составлено по: [18; 22, с. 156].

В последнее время в регионах России проявляется тенденция к формированию принципиально новой системы взаимодействия власти, бизнеса и населения. Она представляет собой не только совокупность инструментов согласования интересов взаимодействующих сторон при решении приоритетных социально-экономических проблем, но и является важнейшей составляющей процесса социализации современной российской экономики. При этом эффективное взаимодействие государства и бизнеса способствует увеличению темпов роста экономики и социаль-

ной сферы, повышению наполняемости регионального бюджета, развитию науки и образования, повышению доступности социально-экономической инфраструктуры, технологий и качества жизни, привлечению инвестиций [24, с. 12].

Кроме того, взаимодействие бизнеса и власти выступает как отражение состояния общества в целом, поскольку данное сотрудничество влияет на модели, формы и технологии управления. Важно отметить, что в реальной ситуации всегда существует сочетание нескольких видов

подобных моделей (см. рис. 1). В частности, территории может быть свойственна как одна из базовых моделей взаимодействия власти и бизнес-структур (идеальная, национальная, нормативная, реальная), так и модель в зависимости от уровня конфликтности (функциональная, партнерская, симбиотическая, конфликтная, либе-

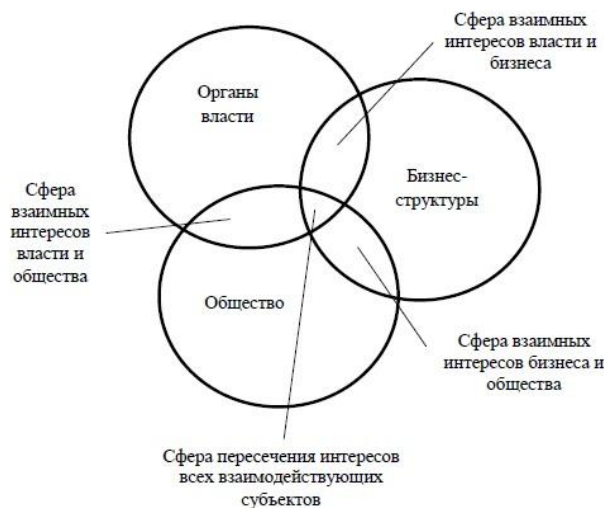
ральная и государственного патронажа [17, с. 16; 21, с. 22]), а также в зависимости от степени участия хозяйствующих субъектов в решении задач развития регионов (добровольно-принудительная благотворительность, торг, партийная благотворительность, город-комбинат, социальное партнерство [6, с. 34]).

Классификация моделей:

1. Идеальная, национальная, нормативная, реальная.
2. Партнерская, государственного патронажа, симбиотическая, конфликтная, либеральная (авт.: Р. Туровский).
3. Добровольно-принудительная благотворительность, торг, партийная благотворительность, город-комбинат, социальное партнерство (авт.: С. В. Ивченко, М. И. Либоракина, Т. С. Сиваева).

Классификация моделей:

1. Квазисоветские, инновационные, мутантные (авт.: В. Н. Якимец).
2. Нормативная, легитимационная, инструментальная (авт.: Е. В. Белокурова).
3. Партнерское, доминирование, игнорирование, конфронтация (авт.: А. Ю. Сунгуров).

Классификация моделей:

1. Работа с персоналом, содействие окружающему обществу (авт.: Д. Любинин).
2. Денежные гранты, благотворительность, социально значимый маркетинг, эквивалентное финансирование, социальные инвестиции (С. В. Братющенко).
3. Имиджевая поддержка, социальные проекты и инвестиции (авт.: Н. В. Зубаревич).

Рис. 1. Практическая реализация трехстороннего взаимодействия власти, бизнеса и общества

Активным участником социально-экономической системы региона является гражданское общество. Взаимодействие с органами власти может проявляться в виде партнерства, игнорирования, конфронтации, доминирования [19]. Существуют и другие классификации моделей взаимодействия органов власти и общества. В частности, В. Н. Якимец [26, с. 64] выделяет квазисоветские (традиционно сложившиеся в советский период способы взаимоотношений граждан и власти, перенесенные в современность); инновационные (новые или крайне редко применявшиеся в доперестроечный период модели сотрудничества, появление которых стало возможным в связи с изменением государственного устройства и доминирующего типа экономических отношений) и мутантные (взаимодействия, объединившие в себе особенности первых двух видов, при этом в основе лежит некий квазисоветский вариант сотрудничества, обладаю-

щий при этом внешними свойствами, характерными для инновационных методов).

Автор другого исследования [2] предлагает использовать следующую классификацию моделей взаимодействия власти и общества:

- нормативная, основанная на либеральной традиции, в рамках которой общественные организации выступают важными институтами, осуществляющими связь между публичной и частной сферами;
- легитимационная, основанная на системном подходе, в рамках которого общественные организации выполняют важные функции политической системы (функции артикуляции и агрегации интересов);
- инструментальная, основанная на общении как социальном механизме управления и передачи информации, необходимом для эффективного решения социальных проблем.

Особого внимания в рамках изучения

трехстороннего взаимодействия заслуживает рассмотрение моделей взаимодействия бизнес-структур и общества. Устоявшимся является разделение взаимодействия субъектов хозяйствования с персоналом и с окружающим сообществом [12, с. 14]. С. В. Братющенко [3, с. 173] выделил многообразие моделей взаимодействия данных субъектов: денежные гранты; благотворительные пожертвования и спонсорская помощь; социально значимый маркетинг, суть которого состоит в направлении процента от прибыли; эквивалентное финансирование, заключающееся в направлении процента от продаж конкретного товара на реализацию социальных программ компании; социальные инвестиции; социальный бюджет.

Классификацию взаимодействия субъектов хозяйствования и общества в зависимости от вида реализуемой бизнесом социальной программы представила Н. В. Зубаревич [7, с. 44]:

- благотворительность по типу Римской империи – разовые благотворительные проекты в преддверии выборов или региональные (городские) празднования;
- систематическая имиджевая поддержка

социально уязвимых групп населения;

- внутренние и внешние социальные проекты и программы;
- социальные инвестиции в общество, в развитие человеческого капитала (вложения в образовательные проекты, в здоровье населения, спортивные мероприятия и т.д.);
- вход бизнеса во власть (улучшение администрирования территорий в своих интересах и интересах устойчивого социального развития местных сообществ).

Изучение теоретических аспектов взаимодействия власти, бизнеса и общества позволяет сделать вывод о том, что количество классификаций моделей данного сотрудничества велико и многообразно. Тем не менее, такое взаимодействие в настоящее время используется как беспроигрышная модель с высоким потенциалом, в которой партнерские отношения между равноправными стейкхолдерами расширяют возможности решения актуальных социально-экономических проблем и вносят существенный вклад в развитие гражданского общества (см. рис. 2) [8, с. 112; 29, с. 39; 30, с. 144].

Рис. 2. Социально-экономическая значимость трехстороннего взаимодействия власти, бизнеса и общества

По отдельности каждая из сторон, обладая определенными специфическими ресурсами, не способна удовлетворить все общественные потребности. Однако при объединении ресурсов достигается синергетический эффект, суть которого состоит в том, что итог партнерского взаимодействия дает не просто сумму объединенных ресурсов, а превосходящий результат.

Именно поэтому совместные проекты становятся основополагающим инструментом развития экономики территорий, привлечения инвестиций, повышения качества оказываемых услуг населению. По состоянию на начало 2016 года на территории РФ реализуется 873 проекта, по которым заключены соответствующие соглашения суммарным объемом частных средств 640,3 млрд. руб. (на федеральном уровне 12 проектов на сумму 133,7 млрд. руб.; на региональном уровне 104 проекта на сумму 408,1 млрд. руб.; на муниципальном уровне 757 проектов на сумму 98,5 млрд. руб.) [17, с. 22].

Изучение опыта реализации проектов партнерства власти и бизнеса в отраслевом разрезе позволяет выделить следующие особенности (см. табл. 2):

– наиболее востребованными в сфере транспортной инфраструктуры являются проекты по строительству автомобильных дорог и ее инфраструктуры (при этом федеральный и региональный уровни имеют равное количество проектов – 10 единиц);

– в социальной сфере больше всего проектов реализуется в отрасли здравоохранения на региональном уровне (45 проектов) и образования на муниципальном уровне (43 проекта). Отмечается, что отрасль здравоохранения традиционно привлекательна тем, что есть достаточный гарантированный поток через платные услуги [17, с. 18];

– коммунальная инфраструктура представлена проектами на муниципальном уровне в области системы водоснабжения и водоотведения (310 проектов), а также производства и передачи тепловой энергии (280 проектов); на региональном уровне осуществляется 11 проектов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами;

– проекты в энергетической инфраструктуре реализуются только на муниципальном уровне.

Таблица 2

Реализация совместных проектов власти и бизнеса в разрезе отраслей инфраструктуры на территории РФ по состоянию на 2015 год

Отрасль реализации проекта	Уровень локализации проекта			Общее количество проектов
	Федеральный	Региональный	Муниципальный	
Транспортная	12	25	10	47
Социальная	1	76	95	172
Коммунальная	0	11	615	626
Энергетическая	0	0	28	28

Источник: данные Минэкономразвития России, расчеты Центра развития ГЧП.

Что касается участия хозяйствующих субъектов в решении задач развития территорий посредством реализации социальных программ, то, несмотря на то, что за 2013–2015 гг. количество данных программ увеличилось почти в 1,5 раза (и составило 111 ед.), по сравнению с числом программ, направленных на работников компании (145 ед.), их пока значительно меньше.

Вместе с тем только лишь предприятия и организации региона не могут удовлетворить потребности жителей. В улучшении данной ситуации должны быть заинтересованы прежде всего, органы власти, работодатели и профсоюзы, которые являются основными участниками производственных и социальных отношений.

В Вологодской области комитетами и управлениями совместно с органами местного

самоуправления, с отдельными представителями бизнеса и их ассоциациями, с общественными объединениями работодателей и профсоюзами области регулярно осуществляется работа по развитию социального партнерства, прежде всего, с целью совершенствования практик заключения коллективных договоров и соглашений. Законодательной базой деятельности институтов социального партнерства в регионе являются Областной закон Вологодской области от 29 ноября 1996 года № 120-ОЗ «О социальном партнерстве в Вологодской области» (с последующими изменениями), закон Вологодской области от 02 июля 2008 года № 1811-ОЗ «Об общественной палате Вологодской области» (с изм. 29.06.2016 г.).

Кроме того, регулярно заключаются региональные соглашения между Правительством

области, профсоюзами и работодателями, имеющие своей целью всемерное создание условий, способных реализовать права граждан на достойный труд и его оплату, на снижение масштабов бедности, сокращение разрыва между наиболее и наименее обеспеченными слоями населения, свободное развитие человека.

Наиболее распространены такие формы взаимодействия региональных органов власти и населения как работа с письмами и обращениями граждан, личный прием граждан по различным вопросам, осуществление общественных экспертиз, областные информационные дни, работа областной общественной палаты. В городах и районах области существуют приемные Губернатора Вологодской области, налажена система общественных слушаний областного бюджета и значимых для развития области законодательных актов.

Среди неэкономических форм взаимодействия власти, бизнеса и населения в Вологодской области можно выделить, прежде всего, проведение совместных общественных мероприятий, открытые советы, лоббирование интересов, а также публичные слушания.

При всем разнообразии методов связей с общественностью необходимым компонентом каждой из них является коммуникация, предполагающая взаимный обмен информацией о целях деятельности, интересах и запросах, предлагаемых сторонами путях и методах решения проблем, учет мнений и точек зрения. Важную роль в решении этой задачи на протяжении многих лет в Вологодской области играет такая форма взаимодействия с общественностью, как Областная общественная палата, в состав которой входят представители различных некоммерческих организаций и политических партий, представляющих интересы определенных слоев и социальных категорий общества.

На сегодняшний день Областная общественная палата – это востребованный общественный институт. Во-первых, это возможность прямого диалога с органами государственного управления, публичного выражения интересов своих социальных групп. Во-вторых, общественным объединениям предоставлена возможность свободно проводить общественную экспертизу проектов решений органов государственной власти и тем самым способствовать реализации своих программных целей и задач. В-третьих, обладая достаточным интеллектуальным, профессиональным и политическим потенциалом, действуя добровольно и организовано, некоммерческие организации зарекомендовали себя

надежными социальными партнерами органов власти при выполнении общественно значимых программ. В-четвертых, областная общественная палата играет важную роль в социально-экономической и политической жизни региона, способствует консолидации общественных объединений, основных политических сил, органов исполнительной и законодательной власти, сохранению стабильной общественно-политической ситуации [8, с. 114].

Таким образом, взаимодействие власти, бизнеса и населения на территории России в настоящее время осуществляется достаточно активно. Однако при этом оно не всегда носит системный и комплексный характер, зачастую не имеет должной ресурсной поддержки и, в результате, влияет на социально-экономическую политику региона не так существенно, как это необходимо в современных условиях.

В связи с этим одной из важнейших задач региональных органов является *использование и расширение инструментов стимулирования бизнес-структур и общества к участию в решении проблем территории*. Данная цель, по нашему мнению, может быть достигнута при реализации следующих направлений:

- развитие системы информирования и формирование мер, направленных на популяризацию и продвижение опыта участия бизнеса и общества в региональном развитии;
- формирование личной ответственности населения за решение задач развития территорий.

Реализации первого направления будут способствовать организация выставок-ярмарок социальных проектов и просветительских мероприятий, информационная поддержка хозяйствующих субъектов, организация и проведение конкурса на лучшее социально ответственное предприятие. В контексте данного направления задачей органов власти является оказание совместно с научными и образовательными учреждениями методической поддержки в части организации и проведения обучающих программ.

Реализация второго направления предполагает мероприятия в части повышения роли социальных институтов в воспитании и развитии ответственности населения, а также его вовлечения в решение региональных проблем.

Одним из инструментов активизации участия бизнес-структур и общества в решении социально-экономических проблем территории является *проектный подход в управлении экономикой региона*, поскольку он позволяет одновременно решать несколько задач: привлекать ре-

сурсы бизнес-структур, обеспечивать вовлечение населения в решение региональных проблем, повышать их доверие к органам власти, гармонизировать интересы сторон, развивать чувство ответственности за развитие территории, организовывать взаимодействие и конструктивный диалог между участниками проекта.

Установлено, что положительный опыт

использования данного подхода имеется в Белгородской, Вологодской и Иркутской областях, Краснодарском крае, в Республиках Башкортостан (г. Уфа), Удмуртия (г. Ижевск) и др. Анализ реализации проектов в г. Вологде позволил заключить, что происходит ежегодное увеличение количества проектов и предприятий, участвующих в них (см. табл. 3).

Таблица 3

Показатели по реализуемым в г. Вологде социально значимым проектам

Показатель	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2010 г., раз
Количество проектов всего, ед.	5	5	10	25	40	50	70	14,0
Количество организаций-участников всего, ед.	15	15	25	65	150	400	450	30,0
Количество предприятий-участников проекта «Забота», ед.	22	192	174	208	241	251	263	11,9
Количество точек реализации проекта «Забота», ед.	86	452	438	506	522	590	613	7,1

Составлено по: [25, с. 131].

При этом определено, что их осуществление способствует поддержке социально незащищенных слоев населения, снижению социальной напряженности, росту финансово-хозяйственных показателей организаций-участников. Так, за 2009–2015 гг. в процессе реализации проекта «Забота» в г. Вологде экономия держателей дисконтных карт составила около 150 млн. руб., объем реализованных товаров и услуг – 2,4 млрд. руб. Выгода для предприятий от участия в данном проекте заключается в дополнительной рекламе, укреплении имиджа и связей с органами власти и местным сообществом, увеличении привлекательности в глазах потребителя и среди бизнес-сообщества, а также в повышении товарооборота, за счет которого возрастает доходность бизнеса [16, с. 53].

Кроме того, развитие взаимодействия власти, бизнеса и населения требует своевременной корректировки региональной экономической политики. По нашему мнению, *организация системы мониторинга* данного сотрудничества является важнейшим инструментом, способным обеспечить получение обратной связи и объективной информации для принятия эффективных управленческих решений.

Направлениями мониторинга взаимодействия власти, бизнес-структур и населения, на наш взгляд, могут быть следующие.

Первое направление – анализ социально-экономического развития региона. Позволяет оценить результаты взаимодействия власти, бизнеса и населения и влияние данного сотрудниче-

ства на социально-экономическую ситуацию в регионе. Основой для анализа являются данные Росстата, федеральных и региональных органов власти.

Второе направление мониторинга – оценка влияния деятельности бизнес-структур на территориальное развитие. Информационной базой служит отчетность хозяйствующих субъектов. Результаты оценки позволяют строить рейтинг субъектов хозяйствования по степени их участия в региональном развитии.

Третье направление мониторинга – оценка текущего состояния взаимодействия власти, бизнеса и населения. Включает проведение анкетного опроса руководителей хозяйствующих субъектов, который позволит оценить степень их взаимодействия и выявить причины, сдерживающие участие бизнеса и населения в развитии территорий.

Полученные выводы и предложения могут стать основой для корректировки региональной экономической политики.

В заключение отметим, что в условиях слабых финансово-экономических возможностей органов власти для выполнения в полном объеме переданных им полномочий, нестабильной внешнеэкономической конъюнктуры, оказывающей неблагоприятное воздействие на социально-экономическую ситуацию в регионах России, перспективным является развитие взаимодействия власти, бизнеса и общества.

Сложившаяся ситуация характеризуется тем, что потенциал их участия в решении соци-

ально-экономических проблем территории используется не в полной мере. Активизация данного процесса невозможна без повышения роли государства в установлении партнерского взаимодействия между властными, предпринимательскими структурами и населением, обеспечивающего согласование их интересов. Именно партнерское взаимодействие всех субъектов экономических отношений имеет значительный потенциал, развитие которого способно дать синергетический эффект для социально-экономического развития регионов РФ.

Библиографический список

1. Багдасарян, В. Э. О трансформациях системы государственного управления в России В. Э. Багдасарян // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Т. 3. № 2.
2. Белокурова, Е. В. Государство и благотворительные организации: трансформация моделей взаимодействия (на примере Германии и России): авто-реф. дис. ... канд. полит. н. Белокурова Е. В. М., 2000.
3. Братющенко, С. В. Социальная ответственность предпринимательства (обзор концепций) / С. В. Братющенко // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. С. 166–178.
4. Варнавский, В. Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски / В. Г. Варнавский. М.: Наука. 2005. С. 34–37.
5. Все о лидерах 2016: по материалам проекта «Лидеры корпоративной благотворительности 2016». М.: Форум Доноров, 2016. 202 с.
6. Город и бизнес: формирование социальной ответственности российских компаний С. В. Ивченко, М. И. Либоракина, Т. С. Сиваева; под. ред.: М. И. Либоракиной. М.: Фонд «Институт экономики города», 2003.
7. Зубаревич, Н. В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Независимый институт социальной политики / Н. В. Зубаревич. М.: Поматур, 2005.
8. Киварина, М. В. Социальное партнерство: ключевые условия эффективности / М. В. Киварина // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2015. Т. 2. № 4–2 (2).
9. Клейнер, Г. Б. Государство – регион – отрасль – предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Часть 1 / Г. Б. Клейнер // Экономика региона. 2015. № 2 (42).
10. Кулакова, Т. А. Политика изменений: административные реформы и взаимодействие государства и общества / Т. А. Кулакова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. 382 с.
11. Лексин, В. Н. Общегосударственная система стратегического планирования территориального развития / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов // Труды ИСА РАН, 2006. Т. 22.
12. Любинин, Д. А. Партнерство государства и бизнеса: необходимость, содержание и формы реализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Д. А. Любинин. М., 2008. 23 с.
13. Орлова, Э. О. Механизм инвестиционного взаимодействия бизнес-структур и местного самоуправления / Э. О. Орлова, П. М. Советов. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 184 с.
14. Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. URL: <http://rspp.ru/simplepage/476> (дата обращения 12.12.2016).
15. Петров, Ю. «Тринадцатая пятилетка» российской экономики (о ее итогах и о необходимости смены экономической политики) / Ю. Петров // Российский экономический журнал. 1995. № 8.
16. Разгулина, Е. Д. О взаимодействии органов власти и бизнес-структур в управлении региональным развитием / Е. Д. Разгулина // Известия ВУЗов. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2015. № 02 (24).
17. Развитие государственно-частного партнерства в России в 2015–2016 гг. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП / Ассоциация «Центр развития ГЧП», Министерство экономического развития Российской Федерации. М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. 36 с.
18. Смирнова, Е. В. Взаимоотношения бизнеса и власти как фактор качества жизни населения / Е. В. Смирнова // Вестник Ставропольского государственного университета. URL: <http://vestnik.stavsu.ru/68-2010/05.pdf> (дата обращения 12.03.2017).
19. Сунгуров, А. Ю. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт. Ч. 1 / А. Ю. Сунгуров. URL: <http://politprikklad.net.ru/book/export/html/839>. (дата обращения 12.03.2017).
20. Татаркин, А. И. Партнерство власти и бизнеса в реализации стратегий развития территорий / А. И. Татаркин, Д. А. Татаркин, К. А. Леванова // Экономика региона. 2008. № 4.
21. Туровский, Р. Региональные модели взаимодействия между деловыми и властными элитами: современные процессы и их социально-

политические последствия / Р. Туровский // Итоговый аналитический отчет. М., 2009. 42 с.

22. Уколов, В. Ф. Взаимодействие власти, бизнеса и общества / В. Ф. Уколов. М.: Экономика, 2009. 621 с.

23. Ускова, Т. В., Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: состояние и инструменты развития // Проблемы развития территорий. 2016. № 6 (86).

24. Ускова, Т. В. Частно-государственное партнерство как механизм модернизации экономики территорий: теоретико-методологические основы // Проблемы развития территории. 2013. № 3.

25. Шулепов, Е. Б. Социальный корпоратизм: теоретические основы и опыт реализации. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 154 с.

26. Якимец, Л. В., Хананашвили Н. М. Межсекторные взаимодействия в России: методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры (Настольная Книга – 1999): ИСА РАН, Фонд НАН, 2000. 184 с.

27. Carroll, A. B. A three-dimensional conceptual model of corporate performance // Academy of Management Review. 1979. Vol. 4. № 4. P. 497–505.

28. Freeman, R. E. The stakeholder approach revisited / R. E. Freeman // Zeitschrift fur Wirtschafts und Unternehmensethik. 2004. Vol. 5. № 3. P. 228–241.

29. Joseph, E. A New Business Agenda for Government. – 2003.

30. McGuire, J.W. Business and Society N.Y.: McGraw-Hill, 1963. P. 144.

УДК 323-053.66/.81
ББК 66.75

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ И ЕЕ ВИДЫ

Е. Ю. Абрамова, С. В. Варакин

Аннотация. В современном обществе понятие молодежная политика является многозначным и в разных формах охватывает различные сферы взаимодействия. В статье рассматриваются различные авторские понятия относительно молодежной политики. Анализируются виды молодежной политики с учетом принципа субъектности.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, государственная молодежная политика, общественная молодежная политика; конфессиональная молодежная политика.

YOUTH POLICY: SYSTEMATIZATION OF CONCEPTS AND ITS TYPES

E. Y. Abramova, S. V. Varakin

Abstract. In modern society, the concept of youth policy is multidimensional and in different forms and covers different areas of cooperation. The article discusses various authors' concepts regarding the youth policy. Analyzes the views of the youth policy based on the principle of subjectivity.

Key words: youth, youth policy, state youth policy, the public youth policy; the confessional youth policy.

Перед тем как рассматривать понятие молодежной политики, целесообразно определить, что включает в себя понятие молодежь. Молодежь представляет собой особую социально-демографическую группу, с которой неразрывно связано будущее России и развитие страны в ближайшее будущее [13, с. 266].

В современных условиях роль молодого поколения в жизни общества постоянно растет, отношение к молодежи меняется: она рассматривается не как проблема, а как ресурс общественного развития и экономических реформ. От молодых людей во многом зависят темпы и характер общественного развития.

В последнее время признанной формой взаимодействия поколений стала молодежная политика, успешная реализация которой способна обеспечить возможности инновационного развития общества и государства. Однако молодежная политика в Российской Федерации реализуется в сложных экономических и социальных условиях.

Молодежная политика – сложная, многосторонняя система отношений, которая состоит из нескольких структурных элементов: совокупность идей, концепций, принципов, функций, приоритетов, главных направлений, стратегии и тактики социального развития молодежи.

В научной литературе встречаются различные подходы к трактовке понятия «молодежная политика». Один из них представлен А. П. Скробовым, который определяет молодежную политику как «сложную, многогранную систему отношений» [12, с. 127]. Применяя программно-целевой подход, автор аргументирует методологические принципы молодежной политики через сферу управленческих процессов: «управление процессом формирования и реализации молодежной политики можно рассматривать как субъектно-объектное явление, где к субъективной стороне относится деятельность субъекта управления, то есть государственных органов и их должностных лиц; молодежных объединений, их ассоциаций, молодых граждан. Общественная потребность в эффективной государственной молодежной политике выступает как объективная необходимость, как объективная сторона управления» [12, с. 128].

Другой автор А. А. Зеленин трактует молодежную политику как «социальную поддержку со стороны органов государственной власти слабых слоев» [4, с. 69]. В данном определении акцентируется социальный аспект, когда государство является гарантом прав и защитником обделенных слоев населения. Аналогичная позиция представлена О.А. Коряковцевой: «мировая история убеждает, что в условиях изменения общественной системы особое значение всегда приобретает вопрос о роли молодежи и ее гражданственности. Государство в этом отношении выполняет значимую функцию, а государственная молодежная политика оказывает стимулирующие и направляющие влияние» [6, с. 75]. Соучастие молодежи в политике прямо коррелирует с кругом интересов государства, ввиду чего, обозначенная проблема является животрепещущей на всех стадиях развития общества. Органы гос-

ударственной власти являются своеобразными посредниками в молодежной политике, а молодежь непосредственно субъект и объект влияния.

При этом И. М. Ильинский молодежную политику трактует через политико-философский аспект, как «систему идей, взглядов по поводу молодежи и ее роли в общественном развитии, а также практических действий различных структур гражданского общества, направленных на претворение этих идей и взглядов в жизнь в целях достижения общественных перспектив, одобряемых большинства народа» [5, с. 6].

В. Т. Лисовский, обращаясь к дефиниции «молодежная политика», рассматривает ее как «молодежный срез» государственной (общенациональной), муниципальной (региональной, районной) социально-экономической политики. Молодежная политика, по мнению автора, «это система мер по «завоеванию», удержанию и поддержанию определенного социального (экономического, правового, политического, этнического, культурологического и т. д.) статуса группы молодежи, которая в силу тех или иных причин оказывалась или может оказаться и перспективе в трудном, ущемленном положении по сравнению с другими группами (слоями) населения и при этом только собственными силами не в состоянии улучшить свое положение» [7, с. 126].

Расширяя данное понимание молодежной политики, российские ученые Ю. Р. Вишневецкий и В. Т. Шапко формулируют значимый вывод: в обстановке быстрых изменений и обновления всех сфер общественной жизни первостепенное значение имеет преодоление противоречий между молодежью и обществом, укрепление их взаимодействия и согласования интересов [1, с. 34].

Учитывая принцип субъектности молодежной политики, следует выделить три основных ее вида (см. рис. 1).

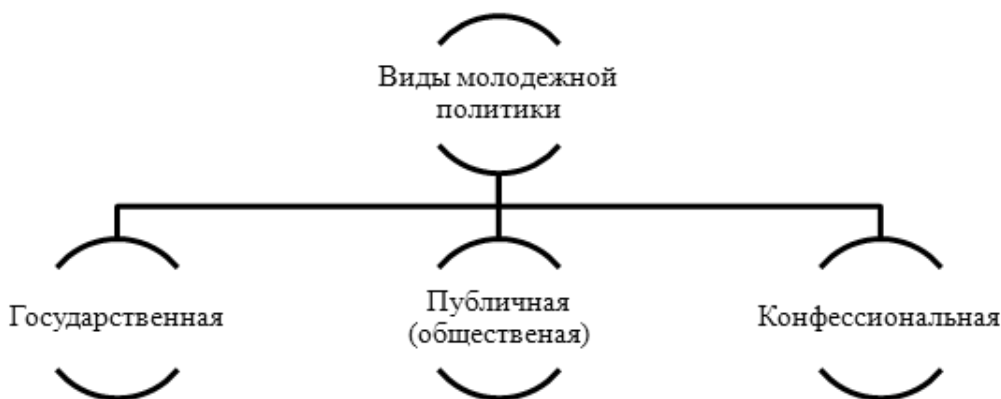

Рис. 1. Виды молодежной политики

Первый вид молодежной политики рассматривает профессор А. П. Скробов, который полагает, что «государственная молодежная политика – это деятельность государства по выработке концептуальных направлений деятельности и обеспечению целостной системы по созданию социально-правовой защищенности (гарантий) молодого поколения, реализации его права на свободное социальное развитие, творческую инициативу в соответствии с учетом их интересов и современным состоянием общества» [12, с. 111].

В соответствии с действующим законодательством под государственной молодежной политикой понимается «деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических, организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных движений и инициатив» [9]. Таким образом, здесь субъектом выступает государство в лице его институтов или полномочных органов, деятельность которых в большей или меньшей степени связана с развитием личности.

В свою очередь А. В. Прудник заявляет, что «государственная молодежная политика – это интегрирование отдельных программ и проектов, касающихся молодежи, в единое целое при усилении регулирующей роли современного государства» [10, с. 19].

Институты государства имеют возможность использовать в своей молодежной политике такие важные ресурсы, как:

- система права, которая нормативно закрепляет базовые параметры идеального проекта (образа) молодежной страны, отвечающего вызовам истории и потребностям развития современного общества в целом;

- общенациональная идеология как система взглядов, идей, выражающих отношение к существующим в обществе проблемам и противоречиям.

Рассматривая второй вид молодежной политики, интересной представляется точка зрения В.А. Лукова, который считает, что публичная молодежная политика как важная характеристика гражданского общества в современной России скорее только «намечается, чем реально воздействует на политический и социокультурный процесс» [8, с. 6]. При этом молодежная политика политических партий, общественных организаций и других субъектов, невзирая на некоторые ограничения нормативно-правовых и финансовых ресурсов, имеет важнейшее направление развития, состоящее в том, что «вырабатывается

некая идеальная модель (нормативный образ) молодого человека, молодежи, которую организация (корпорация) стремится представить всему обществу как эталон» [3, с. 118]. Таким образом, общественная молодежная политика представляет собой систему идей, взглядов относительно молодежи и ее роли в общественном развитии, а также реального влияния всевозможных структур гражданского общества, устремленного к трансформации этих идей и взглядов в жизнь с целью достижения общественных перспектив, одобряемых большинством народа.

Третий вид молодежной политики представлен авторами Е. В. Добреньковой, С. О. Елишевым: «конфессиональная молодежная политика, представляет собой молодежную общественную политику различных типов религиозных организаций и объединений – как традиционных конфессий, таки новообразований» [2, с. 221]. Данная концепция близка конфессиям, особенно тогда, когда их деятельность в политической жизни расценивается с субъектной стороны. Таким образом, здесь субъектами являются различные политические партии, молодежные организации и объединения, консультативные и совещательные структуры, бизнес-сообщества, СМИ, а также сами молодые граждане.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно уверенно констатировать, что молодежная политика – деятельность государства, субъектов общественных отношений с целью привлечения молодого поколения к активной, политической и социально-экономической жизни страны. Принято выделять следующие виды молодежной политики: государственную; общественную; конфессиональную. Таким образом, нельзя рассматривать молодежную политику как дело какого-то отдельного государственного органа – это общее дело всего государства и общества, интегральная деятельность государственных и общественных структур.

Библиографический список

1. Вишневский, Ю. Р. Социология молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург: Науч.-исслед. центр при институте молодежи. 1997. 211 с.
2. Добренькова, Е. В. Общественная конфессиональная молодежная политика / Е. В. Добренькова, С. О. Елишев // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3.
3. Елисеев, А. Л. К вопросу о разработке государственной молодежной политики в Рос-

сийской Федерации / А. Л. Елисеев // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2(43). С. 118–121.

4. Зеленин, А. А. Национальная модель реализации молодежной политики в Соединенных Штатах Америки / А. А. Зеленин // Вестник Кемеровского государственного университета. 2009. № 4(40).

5. Ильинский, И. М. Государственная молодежная политика в России: философия преемственности и смены поколений / И. М. Ильинский, В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4.

6. Коряковцева, О. А. Тенденции взаимодействия власти и общества в аспекте развития гражданской идентичности молодежи / О. А. Коряковцева, О. А. Климов // YouthWorldPolitic. 2013. № 1.

7. Лисовский, А. В. Социология: Знание о мире и мировоззрение / А. В. Лисовский, В. Т. Лисовский // Социология журналистики: Очерки методологии и практики. М.: Изд-во МГУ. 1998. 232 с.

8. Луков, В. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы /

В. А. Луков // СОЦИС. 2012. № 1.

9. Постановление ВС РФ от 03.06.1993 № 5090-1 «Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» // Ведомостях Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 24 июня 1993 г., № 25, ст. 903

10. Прудник, А. В. Молодежь и общество / А. В. Прудник // Стенограмма заседания «Нижегородского эксперт-клуба». 2009.

11. Скробов, А. П. О некоторых новых подходах к молодежной политике в период реформ / А. Скробов // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 127–134.

12. Скробов, А. П. О некоторых новых подходах к молодежной политике в условиях реформ / А. П. Скробов // Социальная политика. 1998. № 3. С. 111–112.

13. Шиндряева, И. В. Сравнительный анализ оценок и суждений современной российской молодежи / Развитие региона как социальной системы: социально-экономические индикаторы и показатели: монография / Шиндряева И. В. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2014. С. 269–283

УДК 323.1

ББК 63.3(2)64-38

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СССР

А. А. Маркелова

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты национальной политики правительства СССР. Национальная политика советского периода имела противоречивый характер по той причине, что была одновременно направлена как на унификацию народов, так и на организацию их государственности. Как следствие, в СССР сложилась искусственная иерархия народов, основанная на различиях в экономическом, демографическом и политическом статусах этносов.

Ключевые слова: национальная политика, СССР, коренизация, депортация, самоопределение, советский народ, «парад суверенитетов».

TO THE QUESTION OF THE USSR NATIONAL POLICY

A. A. Markelova

Abstract. The article examines the main aspects of the USSR government national policy. The Soviet period national policy was controversial for the reason that it was simultaneously aimed at both the peoples unification and the organization of their statehood. As a consequence, an artificial hierarchy of peoples was formed in the USSR, based on differences in the economic, demographic and political statuses of ethnic groups.

Key words: national policy, USSR, korenizatsiya, deportation, self-determination, Soviet people, «sovereignty parade».

После краха Российской империи в 1917 году и в условиях Гражданской войны резко обострились межнациональные отношения. В связи с этим национальный вопрос стал неотъемлемой частью программы большевиков.

В. И. Ленин считал, что эффективным средством решения национального вопроса может стать создание федерации нового образца на основе национально-территориального принципа, который предполагает создание субъектов по нацио-

нальному признаку, на территориях, где компактно проживает какая-либо этническая группа. Так, в Конституции РСФСР 1918 года был закреплён принцип федеративного устройства государства [6]. Кроме того, в 1917 году в составе Совета Народных Комиссаров был образован специальный орган, задачей которого стало проведение в жизнь национальной политики советской власти, – Народный комиссариат по делам национальностей. Во многом позиция большевиков относительно национального вопроса предопределила их победу в борьбе с внутренними политическими силами.

Основные направления национальной политики советского государства были отражены в таких документах, как Декларация прав народов России, Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа, обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» и др. К примеру, Декларация прав народов России, принятая 2 ноября 1917 года, закрепила главный принцип национальной политики большевиков – право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения [2]. В. И. Ленин был убежден, что, обретя свободу выбора, российские народы не захотят выходить из состава государства, так как долгая история сосуществования в рамках единой страны, экономическая специализация и давние культурные связи непременно переселят их стремление к обретению независимости. Более того, провозглашение принципа «самоопределение, вплоть до отделения» было необходимо для достижения прежде всего внешнеполитических целей, направленных на создание всемирной федерации социалистических республик, которая должна была возникнуть в результате всемирной революции. Не выдвинув этот лозунг, большевики могли потерять союзников по борьбе – социал-демократов Польши, Литвы, Латвии.

При создании СССР не было какой-либо слаженной концепции федерализма. Так, И. В. Сталин предложил «план автономизации», смысл которого заключался в том, что национальные республики должны были войти в состав РСФСР на правах автономий без возможности выхода [10, с. 62]. В. И. Ленин же видел единое советское государство как союз республик, каждая из которых имела бы право на выход. Поэтому он внес существенные поправки в проект И. В. Сталина, отказавшись от идеи автономизации.

В 1922 году был заключен Договор об образовании СССР, согласно которому было создано объединение, соединявшее в себе как черты высокоцентрализованной федерации (об-

щесоюзные налоги, установление «общих начал» в области народного просвещения, «основ и общего плана» народного хозяйства, единое союзное гражданство и т.д.), так и конфедеративный принцип «права свободного выхода из Союза» [9, с. 122]. Важно подчеркнуть, что Конституции СССР 1924, 1936 и 1977 годов также сохраняли за каждой союзной республикой право свободного выхода из состава союзного государства, но это право не было ничем гарантировано, а главное, нигде не прописывались механизмы его реализации. Только в 1990 году был принят Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», который разъяснял процедурную сторону отделения [11].

В итоге после 1922 года в результате разрастания национально-территориальной структуры СССР сложилась многоуровневая система национально-государственных и национально-территориальных образований. В сочетании с принципом национальной государственности эта система являла собой построение иерархии народов по статусам соответствующих национальных территорий. Принимая во внимание тот факт, что многие народы страны не обладали вообще никакими формами самоопределения, мы можем говорить, что СССР строился на принципах, которые предусматривали неравноправие народов и неравенство возможностей для их развития. Так, например, территории, не имевшие национального статуса, оказались в неравном положении, даже по сравнению с автономиями.

Заметим, что действия советской власти, проявившиеся в национальном размежевании и искусственном огосударствлении избранных этнических групп, вполне логично привели к обострению этнополитической обстановки в целом ряде регионов страны [14]. Так, в 1920–1930-х годах в Центральной Азии развернулось масштабное антисоветское движение, получившее название «басмачество», которое преследовало цель борьбы с советской властью и изгнания большевиков. Антисоветские выступления в Чечне в конце 1920-х – начале 1930-х годов во многом были вызваны политикой коллективизации, нарушившей вековой уклад их жизни. Снижение активности повстанческого движения в середине 1920-х годов было обусловлено образованием автономных областей на Северном Кавказе, что местное население восприняло как переход к реальной независимости через создание своих национальных областей [8, с. 131].

Осознавая всю степень опасности антисоветских движений, стремившихся покончить с советской властью в рамках своих регионов, ор-

ганы государственной власти вынуждены были применить всю мощь репрессивного аппарата для их подавления. Для борьбы с антисоветской деятельностью Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в феврале 1922 года возложил на Государственное политическое управление задачу подавления открытых контрреволюционных выступлений. В октябре того же года ГПУ было предоставлено право репрессий, вплоть до расстрела, в отношении лиц, пойманных с поличным при организации антисоветской деятельности [5, с. 15]. Однако несмотря на жестокость, с которой подавлялись антисоветские выступления, и разнообразные карательные методы, в советских республиках и автономиях до конца так и не удалось искоренить подпольные национальные течения.

Еще одним важным направлением советского правительства в рамках национального вопроса была политика коренизации, главной задачей которой было преодолеть отчуждение и сгладить противоречия между центральной властью и нерусскими народами СССР. Основными направлениями коренизации были: подготовка и продвижение на руководящие должности представителей местного населения, создание национально-территориальных автономий, внедрение автохтонных языков в местное делопроизводство и образование [4, с. 92]. Но уже в конце 1930-х годов в условиях укрепления центральной власти и установления контроля над всеми сферами жизни общества произошло свертывание политики коренизации.

После принятия Конституции 1936 года было заявлено о межнациональном сближении; русский язык был объявлен языком межнационального общения; поменялся принцип комплектования армии (отказ от формирования по национальному принципу). Таким образом, к середине 1930-х произошел переход от дифференцированной политики в отношении многочисленных этнических групп к курсу на ее унификацию [12, с. 26]. Основным принципом национальной политики советской власти в этот и последующий периоды стала реализация идеи слияния наций в единую общность – «советский народ» [1, с. 79]. В некоторой степени это помогло преодолеть противоречия между народами, но до конца снять напряженность в межэтнических отношениях так и не удалось.

Накануне Великой Отечественной войны в СССР сложилась чрезвычайно сложная ситуация. Руководство опасалось, что общество может разделиться по отношению к советской власти. В связи со сложившейся обстановкой советское

руководство пошло на ужесточение мер по отношению к отдельным народам и группам населения, оказывавшим поддержку германским вооруженным силам и выступавшим против советской власти. К числу распространенных мер «наказания» относилась и депортация. Официальным поводом для депортации того или иного народа служили обвинения в измене Родине, дезертирстве из частей Красной Армии, пособничестве немцам, участие в карательных операциях и т.д. [7, с. 80]. Так, депортации были подвергнуты десять «наказанных народов»: корейцы, немцы, финны-ингерманландцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и турки-месхетинцы. Из них – немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы и крымские татары – были лишены своих национально-территориальных автономий вследствие их ликвидации. Выселение представителей данных народов происходило не только с их исторической родины, но и из всех остальных регионов государства.

Депортация сопровождалась изменением административно-территориальных границ и заселением территорий, на которых проживали депортированные народы, представителями других этнических групп, что не могло не заложить основы для межэтнических противоречий в будущем. В целом, можно говорить о том, что национальная политика И. В. Сталина выступала в качестве политики национального нигилизма, которая не брала в расчет чьи-либо национальные интересы. Так, в зависимости от политической конъюнктуры определялись границы территориальных образований, входивших в состав союзных республик, а также происходило повышение или понижение их статуса.

Показательным примером является изменение статуса Карело-Финской ССР в 1940–1950-е годы. Как правило, политические решения по Карелии принимались с учетом внешней политики и отношений с Финляндией [13, с. 72]. В 1940 году Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР несмотря на то, что она не подходила под требования для образования союзной республики. В ней проживало менее миллиона человек, «титутельные» нации не являлись абсолютным большинством населения, но зато у республики имелась внешняя граница с Финляндией. Существует точка зрения, что советское правительство имело намерение в будущем присоединить Финляндию к СССР. В 1956 году произошла реорганизация Карело-Финской ССР в Карельскую АССР. Это должно было продемонстрировать, что у СССР отсутствуют агрессивные цели

относительно Финляндии, и положить конец вопросам о пересмотре границ.

После 1953 года было положено начало новой волне коренизации в республиках и перераспределения власти в их пользу [3, с. 4]. Президиумом Центрального комитета КПСС было принято решение, что во главе ЦК компартий республик должны находиться представители «титულных» наций. В связи с тем, что акцент в республиках ставился на выдвижение национальных кадров, произошло значительное сокращение представительства русских в партийном аппарате и в других республиканских органах власти. Такая практика привела к тому, что в республиках этнический облик руководства начал складываться по формуле: первый секретарь и большинство членов Политбюро были представителями основной национальности республики, второй секретарь – обычно русский, остальные «номенклатурные» места в высшем партийном руководстве распределялись между коммунистами так называемой коренной нации [15]. В итоге обновление республиканских структур в таком ключе значительно способствовало укреплению этнократии.

Примечательно, что на фоне роста этнократических тенденций в 1970-х годах появилась официальная теория «новой исторической общности – советского народа», которая игнорировала этничность и предполагала формирование наднационального сознания. Власть хотела считать, что национальный вопрос решен окончательно и бесповоротно. В связи с этим, советское руководство не видело надобности в фундаментальных и прикладных исследованиях проблемы межэтнических отношений в СССР. Таким образом, правительство СССР оказалось не готово к обострению межнациональных отношений в период перестройки и суверенизации союзных республик.

Инициированные М. С. Горбачевым процессы демократизации и децентрализации способствовали тому, что образовавшийся вакуум плюралистических структур и институтов гражданского общества стал заполняться политической практикой и идеологией национализма, в рамках которого этнические группы рассматриваются в качестве легитимизирующей основы для обретения собственной государственности. В отличие от центрального правительства, утверждавшего, что основной целью перестройки является демократизация общества и повышение уровня жизни советских граждан, в республиках и автономиях этому процессу придавали совсем другое значение: борьба за суверенитет, государственную независимость, экономическую самостоятельность, сохранение языка и культурной самобытности и т.д.

Подъему националистических настроений в республиках способствовало и ухудшение социально-экономического положения в СССР во второй половине 1980-х годов. Так, период улучшения социально-экономической ситуации в СССР в конце 1970-х – начале 1980-х годов способствовал росту потребностей и ожиданий народов, что сделало необходимым новый прорыв в области общей модернизации. Но вместо этого начались совершенно противоположные процессы: ухудшение экономического положения и нарастание политической нестабильности. В свою очередь, это привело к росту неудовлетворенности качеством жизни у советских граждан повсеместно. Однако те этнические группы, которые переживали период перехода от традиционного общества к современному, стали переносить свою неудовлетворенность на правительство СССР и на ассоциировавшихся с ним русских.

Ослабление центрального правительства и образование вакуума власти над национальными элитами стали причиной того, что в их рядах началась борьба за власть. Таким образом, логическим следствием накопившихся в СССР внутренних противоречий стал «парад суверенитетов» союзных республик в конце перестройки.

Таким образом, непоследовательность и волюнтаризм в области национальной политики и отсутствие ее слаженной концепции в условиях реформы политической системы, углубляющийся кризис власти в государстве и ослабление центрального правительства, а также созревший сепаратизм и национализм как источник центробежных тенденций закономерно привели к распаду СССР. При этом СССР необходимо рассматривать не только как определенное географическое пространство, но и как государственно-политическую и идеологическую систему, которая в течение 70 лет определяла установки в области межнациональных отношений. С крушением этой системы некоторым народам пришлось вернуться к традиционным этническим основам, часто обращенным к национализму и идее этнического превосходства.

Библиографический список

1. Белозерова, М. В. К проблеме проявления сепаратизма у коренных народов Южной Сибири: XX столетие / М. В. Белозерова // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312.
2. Декларация прав народов России URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5307/> (дата обращения: 24.02.2017).
3. Зубкова, Е. Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР 1953–1985 гг. / Е. Ю. Зубкова // Отечественная история. 2004. № 4.

4. Казиев, С. Ш. Политика коренизации и проблемы межэтнического доверия в Казахстане (1923–1936 гг.) / С. Ш. Казиев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 4.

5. Камалова, Г. Т. Подразделения ВЧК – ГПУ – ОГПУ в системе органов государственной власти / Г. Т. Камалова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 7.

6. Конституция РСФСР 1918 года URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/1/#block_1000 (дата обращения: 23.02.2017).

7. Кринко, Е. Ф. Советский Северный Кавказ в 1920–1940-е гг.: проблемные зоны современной отечественной историографии / Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина // Вестник ЮНЦ РАН. 2009. № 3.

8. Марченко, Г. В. Антисоветское движение в Чечне в 1920–1930-е годы / Г. В. Марченко // Вопросы истории. 2003. № 1.

9. Прузаускас, А. А. От Российской империи к Союзу ССР / А. А. Прузаускас // Вестник Евразии. 1999. № 1.

10. Соблиров, Х. Х. История российского федерализма / Х. Х. Соблиров // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 6.

11. Старовойтова, Г. В. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев / Г. В. Старовойтова. – URL: <http://vehi.net/politika/starovoit/03.html> (дата обращения: 02.03.2017).

12. Суздалева, Т. Р. Советская империя или содружество наций? / Т. Р. Суздалева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6.

13. Тебенко, В. А. Еще раз о преобразовании Карело-Финской ССР в Карельскую АССР в 1956 г. / В. А. Тебенко // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 4.

14. Тишков, В. А. «Национальная политика» довоенного советского периода. / В. А. Тишков. – URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/vystupleni2/stalinizm.html> (дата обращения: 03.03.2017).

15. Тишков, В. А. Национальность – коммунист? / В. А. Тишков. – URL: http://www.polisportal.ru/files/File/pubvlication/Starie_publicacii_Polisa/T/1991-2-3-Tishkov_Nacionalnost-kommunist.pdf (дата обращения: 03.03.2017).

УДК 325.254.4

ББК 60.73-25

ПЕРВИЧНАЯ АДАПТАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ УКРАИНЫ В МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

К. Г. Назаретян

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и направления иммиграции в Россию вследствие вооруженного конфликта на юго-востоке Украины, а также проблемы первичной адаптации беженцев в российское сообщество. Вооруженный конфликт на Украине и его последствия втянули украинское население в глубокий социально-экономический кризис, выходом из которого для многих послужила эмиграция из страны. Одним из основных направлений потока беженцев выступила Российская Федерация, в силу многочисленных факторов: этнокультурное и историческое родство, близость территории, более благоприятные социально-экономические условия, родственные связи.

Сложностей, с которыми пришлось столкнуться беженцам, было достаточно и решить их собственными силами оказалось практически невозможно. На законодательном уровне руководством нашей страны был предпринят комплекс мер, направленный на быструю и максимально качественную помощь прибывающим людям. Прежде всего это создание более облегченного получения гражданства РФ или статуса «беженец», размещение в специально оборудованных ПВР (пунктах временного размещения), гуманитарная помощь. На деле беженцам все же пришлось столкнуться с целым рядом проблем, на решение которых необходимо обратить более пристальное внимание как со стороны государственных структур, так и со стороны местного населения.

Ключевые слова: миграция, вооруженный-конфликт, Украина, Российская Федерация, адаптация, миграционная политика, беженцы, трудовая миграция.

PRIMARY ADAPTATION OF REFUGEES FROM UKRAINE TO THE LOCAL COMMUNITY OF RUSSIA: STATE AND PROBLEMS

K. G. Nazaretyan

Abstract. The article examines the specifics and directions of immigration to Russia as a result of the armed conflict in the southeast of Ukraine, as well as the problems of the primary adaptation of refugees to the Russian communi-

ty. The armed conflict in Ukraine and its consequences have dragged the Ukrainian population into a deep social and economic crisis, the exit from which for many has served as emigration from the country. One of the main directions of the flow of refugees was the Russian Federation, due to numerous factors: ethno-cultural and historical kinship, proximity of the territory, more favorable socio-economic conditions, family ties.

The difficulties that the refugees had to face were sufficient and it was almost impossible to solve them by their own forces. At the legislative level, the leadership of our country has taken a set of measures aimed at prompt and highest quality assistance to the arriving people. First of all, it is the creation of a more facilitated acquisition of Russian citizenship or refugee status, placement in specially equipped temporary accommodation centers, and humanitarian assistance. However, in fact, refugees still had to face a number of problems, which should be addressed more closely both by state structures and by the local population.

Key words: migration, armed conflict, Ukraine, Russian Federation, adaptation, migration policy, refugees, labor migration.

На сегодняшний день Российская Федерация находится под давлением множества миграционных потоков с самых разных направлений. Миграционные процессы несут для любой страны свои определенные риски и угрозы. Для России предпосылками миграционных угроз являются и военные действия на Ближнем Востоке, и нестабильная ситуация на Северном Кавказе, но главная проблема на данный момент кроется в соседней Украине. Сегодня неустойчивое и взрывоопасное положение в этой стране, вызванное вооруженным конфликтом, начавшимся в 2014 году, только усугубляется политикой «постмайдановской» власти. Бесспорна актуальность проблемы, рассматриваемой в данной статье, в силу так и не нормализовавшейся в полной мере политической ситуации, а также нарастания напряженности в других политически нестабильных регионах.

Проблема украинских беженцев привлекла огромное внимание общественности, СМИ, научной интеллигенции. На сегодняшний день опубликовано множество работ журналистов, политологов, научных деятелей, рассматривающих украинский кризис с разных сторон. В ходе исследования были изучены труды отечественных (М. А. Подлесная, С. И. Рязанцев, В. Н. Скоробогаева и др.) и украинских (О. А. Притула, Э. А. Лобанова, А. И. Агафонов) специалистов в области миграционных процессов.

До 2014 года граждан Украины, постоянно проживающих на территории России, было

сравнительно немного, их численность составляла примерно 100 тыс. человек [3]. При этом миграционные потоки оставались на высоком уровне. Это объясняется тем, что большинство трудовых мигрантов из Украины работали методом вахты.

В связи с кардинальным ухудшением политической и социально-экономической ситуации на Украине в 2014 году, поток беженцев в Россию принял глобальные масштабы. Таких прибывающих иммигрантов можно отнести к категории «близких к России» по ряду факторов: это и исторически сложившая этнокультурная схожесть, и добровольное желание многих украинцев жить в России ввиду лучших социально-экономических и политических условий, и наличие профессий и квалификаций, востребованных на российской бирже труда, и славянский генотип украинцев и длительное проживание в рамках единого государства [6, с. 41].

Усилившийся процесс миграции украинцев в Россию можно разделить на три основных направления. Во-первых, это вынужденная миграция. По данным Федеральной миграционной службы России, на ноябрь 2015 г. на территории Российской Федерации находилось около 2,6 млн. граждан Украины, из них с юго-востока страны приехало около 1 млн. человек. С апреля 2014 г. в ФМС за временным убежищем или статусом беженцев обратились 404 тыс. украинцев, 265 тыс. человек – за разрешением на временное проживание.

Построено на основе на официальных данных Федеральной миграционной службы Российской Федерации в 2016 году

Во-вторых, продолжалась временная трудовая миграция. Еще до начала конфликта значительно возрос поток временных трудовых мигрантов из Украины в Россию. В некоторых регионах количество приезжих рабочих увеличилось в десятки раз по сравнению с прошлогодними показателями (в Москве в 10 раз, в Ленинградской области в 30 раз!). Согласно данным Федеральной миграционной службы РФ, в 2015 году приобрели патенты около 152 тыс. украинских граждан для работы в России. Однако в связи с прогрессирующим на тот момент вооруженным конфликтом, прибывающие трудовые мигранты не спешили возвращаться обратно и находились на территории Российской Федерации больше положенного срока.

В-третьих, это переселение украинцев в Россию в рамках «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Изначально предполагалось, что это механизм станет наиболее удобным и простым способом легализации украинцев в РФ. По данным ФМС РФ, летом и осенью 2014 года ежедневно около 500 граждан Украины обращались с заявлениями об участии в программе. Во многих регионах участники программы существенно пополнили население территории, причем многие ехали даже в отдаленные регионы страны (например, в Сибирь, Урал, Дальний Восток) в надежде быстрее получить там российское гражданство.

На практике, по свидетельствам многих экспертов и мигрантов, украинцам довольно ча-

сто стали отказывать в получении гражданства. Главными причинами тому стали непонимание местными властями важности украинской миграции, а также коррупция со стороны должностных лиц [4, с. 3].

В октябре 2015 года ФМС России была опубликована информация «О ситуации в отношении граждан Украины и лиц без гражданства, покинувших территорию страны в экстренном и массовом порядке», в которой приведены данные мониторинга обращений граждан Украины на территории Российской Федерации по состоянию на 30 сентября 2015 года. Согласно показателям мониторинга, в период с 1 апреля 2014 г. на территорию Российской Федерации въехало и не убыло 1 089 618 граждан Украины.

На территории 69 субъектов Российской Федерации развернуты 321 ПВР (пункт временного размещения), в которых размещено 18 156 человек. В частном секторе размещено 569 566 чел. В период с начала 2014 г. по 30 сентября 2015 г. обратились:

- с ходатайством о предоставлении статуса беженца – 6 082 человек;
- с заявлением о предоставлении временного убежища – 395 119 человек;
- для оформления разрешения на временное проживание обратилось 259965 человек;
- с заявлением о предоставлении гражданства РФ обратилось 125 312 человек;
- для оформления вида на жительство – 60 206 человек;
- с заявлением об участии в Государственной программе содействия добровольному пере-

селению соотечественников на территорию России из-за рубежа (вместе с членами семьи) – 146 367 человек.

Краснодарский край стал одним из главных направлений миграции украинских беженцев, ввиду географической близости, схожести природно-климатических условий, а также культурно-исторической близости жителей Кубани и украинского народа. По состоянию на март 2015 года в регионе размещено более 40 тысяч украинских беженцев, развернуто 76 ПВР на 5013 мест, выдано 1433 разрешения на временное проживание, 160 видов на жительство, 2582 предоставлено временное убежище, оформлено 101 гражданство РФ. Во всех городах и районах края организованы пункты сбора гуманитарной помощи, куда местные жители и общественные организации могут приносить вещи и продукты питания [7].

Миграция неразрывно связана с процессами адаптации и интеграции на новом месте. Среда обитания для «приезжих» складывается под влиянием различных фактов, регулируемых государственными структурами и обществом. Помощь со стороны государства во многом распространялась на беженцев, которые находились в ПВР в законном статусе беженца. Таким мигрантам предоставлялось бесплатное питание, проживание, содействие в трудоустройстве, медицинская помощь [1]. Важным подспорьем для беженцев стала гуманитарная помощь со стороны как государственных органов, так и общественных организаций и социальных служб. Муниципальные администрации оказывали поддержку в виде обеспечения беженцев временным жильем.

Другими важными моментами стали проблемы поиска жилья и прохождения процедуры регистрации. Сложности с жильем были связаны во многом из-за сомнения местного населения в платежеспособности приезжих, так как многие покинули свои дома в спешке, успев прихватить лишь документы. Оформление документов тоже требовало материальных затрат, что усугублялось еще и тем фактом, что многие депозитные счета беженцев были заблокированы [9].

Усиливающаяся политическая напряженность между Россией и Украиной порождала страх неприятия со стороны коренного населения. Многие боялись быть отвергнутыми из-за вражды между странами, другие испытывали растерянность из-за того, что в России их никто не ждет. Но даже те, у кого здесь были родственники, отмечали, что не все оказались готовы их принять. В этом плане стоит отметить такой по-

ложительный момент, что украинские беженцы являются во многом носителями русской культуры, языка, некоторые имеют родственников в России. В этой связи этнокультурная адаптация прошла максимально сглажено. Больше половины беженцев (53,8 %) отмечают, что отношение к ним со стороны коренного населения можно характеризовать как нормальное, а очень хорошее, доброжелательное отношение отметили 32,6 %. Прохладное отношение отметили всего 6,7 %, недоброжелательное, враждебное – 2,4 % [5]. Исходя из этого можно сделать вывод, что украинские переселенцы не чувствуют острого неприятия, непонимания их со стороны граждан России.

Заключение. Таким образом, социальная адаптация украинских беженцев проходила не всегда гладко, безболезненно и легко. В итоге можно выделить несколько условий эффективной социальной адаптации, обозначая и субъектов соответствующих действий и решений. Одним из первых и главных субъектов, безусловно, является государство, которое, как отмечали переселенцы, могло бы облегчить процедуры получения гражданства и патента на работу. Еще одним пожеланием к государству со стороны беженцев стала проверка работы УФМС и повышение квалификации ее сотрудников. Не менее важной, по мнению респондентов, является и помощь государства с жильем и работой, детскими садами.

Если давать характеристику деятельности органов государственной власти в отношении украинских беженцев, то в целом меры оперативного реагирования во многом благоприятно способствовали адаптации мигрантов в российскую среду. Однако проводимая политика зачастую не имела логического продолжения и не носила системного характера в вопросах стимулирования адаптации переселенцев, к концу 2015 года отечественная миграционная политика и вовсе вернулась к процедурам ужесточения в отношении украинских беженцев. «Политика открытых дверей» постепенно сворачивается; беженцам все сложнее получить статус участника «Государственной программы добровольного переселения соотечественников из-за рубежа», вид на жительство, разрешительные документы на временное проживание и работу [8].

Современная миграционная политика Российской Федерации пока далека от восприятия украинских переселенцев как важного трудового и демографического ресурса для развития России. Необходимо пересмотреть ее и, используя современную геополитическую

ситуацию, привлечь как можно большее их число в свои регионы.

Библиографический список

1. Агафонов, А. И. Украина: эмиграция 2014–2015 гг. / А. И. Агафонов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. № 1.
2. Лобанова, Э. А. Украина теряет наиболее талантливых людей / Э. А. Лобанова // Социолог. Украина и Мир. 2013. 10 июля.
3. Осипов, Г. В. Демографическая политика в России: трансформация, результаты, перспективы / Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев // Вестник РАН. 2014. № 11. Т. 84.
4. Официальная информация Федеральной миграционной службы России, Москва, 2015–2016 гг.
5. Подлесная, М. А. Беженцы с юго-востока Украины: опыт социальной адаптации / М. А. Подлесная // Высшая школа современных социальных наук. 2016. № 1.
6. Попова, А. Р., Тимофеева Т. С. Проблема переселения беженцев из Украины: соци-

альные и экономические последствия для России // Фундаментальные исследования. 2015. № 11-1. URL: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39307>, (дата обращения 16.02.2017).

7. Притула, О. Последняя волна эмиграции уничтожит Украину? / О. Притула // Специальный корреспондент. 2014. 8 янв.
8. Рязанцев, С. А. Украинская миграция в приоритетах развития России / С. А. Рязанцев // Международные процессы. 2016. № 1. DOI 10.17994/IT.2016.14.1.44.3
9. Симатова, Ю. Более 40 тысяч беженцев из Украины размещено в Краснодарском крае / Ю. Симатова // Югополис. 2015. URL: (<http://www.yugopolis.ru/news/social/2015/03/10/79819/ukraina-socialnaya-pomosh-bejenc>) (дата обращения 12.02.2017).
10. Скоробогатова, В. Украинская миграция в приоритетах развития России / В. Скоробогатова // Международные процессы. 2016. № 1. DOI 10.17994/IT.2016.14.1.44.3
11. Эмиграция из Украины URL: (<http://emigration.ru/information/emigraciya>), (дата обращения 04.03.2017).

УДК 316
ББК 60.5

**ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА:
РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД**

М. О. Пащенко

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли средств массовой информации в формировании многополярного мира. Автором рассмотрены методы, используемые средствами массовой информации с целью влияния на общественное мнение и создание имиджа страны. Также определена важность обеспечения информационной безопасности государства для минимизации негативного воздействия зарубежных массмедиа.

Ключевые слова: средства массовой информации, многополярный мир, «центр силы», общественное мнение, манипулирование.

**INFLUENCE OF THE MEDIA ON THE FORMATION
OF THE MULTIPOLAR WORLD: THE RUSSIAN VIEW**

М. О. Pashchenko

Abstract. The article is devoted to revealing the role of mass media in the formation of a multipolar world. The author describes the methods used by the media to influence public opinion and the creating an image of the country's image. The importance of ensuring the information security of the state to minimize the negative impact of foreign mass media has also been determined.

Key words: mass media, multipolar world, "center of power", public opinion, manipulation.

После краха Фашистской Германии и распада Британской империи установился биполярный мир – главными мировыми державами стали США и СССР, возглавившие соответственно ка-

питалистический и коммунистический лагеря. Большинство стран, ввиду своих политических, идеологических и экономических интересов, присоединились к одному из этих двух «полно-

сов», государства, не присоединившиеся ни к кому, вошли в так называемое «движение неприсоединения».

Однако постепенно на мировой карте начали появляться новые центры силы. В результате коммунистической революции, а затем и советско-китайского раскола Китай вышел из зоны влияния как США, так Советского Союза. Исламская цивилизация также стала объединяться вокруг единых центров, прежде всего вокруг Ирана, в целях проведения независимой политики. В это же время возрастает роль и самостоятельность ряда латиноамериканских государств (Бразилия, Аргентина). В конце 90-х годов прошлого века после объединения Германии и вступления в Европейский союз (далее – ЕС) части восточноевропейских стран на роль нового «центра силы» начал претендовать Евросоюз. Однако, выделению новых крупных игроков на мировой арене в лице объединенных исламских, латиноамериканских и европейских стран активно противостояли США, пытаясь сохранить свое доминирование в мире.

После распада СССР в 1990-е гг. влияние России на международной арене ослабло, что позволило США установить в мире полное если не политическое, то экономическое и культурное доминирование западной цивилизации. Этот период истории характеризуется как однополярный мир.

Современный мир находится на пути к установлению нового мирового порядка, созданию мира многополярного.

Сегодня мы можем говорить о том, что влияние «центров силы» в формирующемся многополярном мире определяются четырьмя основными факторами: во-первых, масштабами и степенью диверсификации мировой экономики; во-вторых, интенсивностью экономического взаимодействия с остальными полюсами; в-третьих, масштабом и боеспособностью вооруженных сил и, в-четвертых, способностью интегрировать вокруг себя своих ближайших соседей.

С экономической точки зрения мир уже достиг многополярности: доля США в мировом ВВП снижается, огромный военный потенциал – не слишком весомый аргумент в капиталистическом мире, тогда что же поддерживает Соединенные штаты на вершине власти?

Первый фактор, определяющий лидирующую позицию США на мировой арене, – это американский доллар, на котором завязана подавляющая часть мировой экономики.

Второй фактор – господство Штатов в информационной сфере, истинную степень которой оценить просто невозможно.

Основным инструментом в рамках информационной сферы, в том числе на международном уровне выступают средства массовой информации (далее – СМИ). Исходя из внешнеполитического подтекста деятельности СМИ, американский исследователь Г. Лассуэлл выделил 4 основные функции данного института (ссылка):

- наблюдение за миром (сбор и распространение информации);
- «редактирование» (отбор и комментирование информации);
- формирование общественного мнения;
- распространение культуры [7, с. 32].

Особенности деятельности СМИ заключаются в том, что они оказывают огромное влияние на аудиторию, формируя, таким образом, общественное мнение и управляя сознанием и поведением людей. Современный этап развития общества характеризуется всевозрастающей ролью информатизации практически всех сфер жизнедеятельности человека, в данных условиях СМИ более активно и в больших масштабах начали вовлекаться в процессы управления обществом [8, с. 96].

В настоящее время можно утверждать, что основной задачей печати, радио и телевидения является создание человека, совершенно лишённого способности разобраться в положении вещей, критически мыслить, человека с крайне подавленным эмоциональным состоянием, когда он может действовать под влиянием только внешних, а потому искусственных возбудителей и направляющих сил [6, с. 102].

По мнению Э. Фромма, манипуляция общественным мнением представляет собой одну из серьезнейших проблем современной политической жизни. «Гипнотические методы, используемые в рекламе и политической пропаганде, представляют собой серьезную угрозу психическому здоровью, особенно ясному и критическому мышлению и эмоциональной независимости» [9, с. 118].

Говоря о программировании общественно-го сознания, стоит выделить тот факт, что в конце XX века широкое распространение получили психотехнологии, основанные на новейших достижениях психолингвистики, эриксоновского гипноза, нейролингвистического программирования (далее – НЛП), которые отличаются высокой степенью эффективности информационного воздействия на подсознание человека.

Таблица 1

Основные виды психотехнологий, используемых СМИ [8, с. 97]

Вид психотехнологии	Содержание психотехнологии
Фрагментация информационного потока	Подача большого количества информации единым потоком, так, что определенную тенденцию уловить довольно сложно, а массовому потребителю практически невозможно.
Метод семантического манипулирования	Тщательный отбор слов, вызывающих позитивные, либо негативные ассоциации и таким образом влияющих на восприятие информации (например, их человек – шпион, наш – разведчик, и т. д.)

Таким образом, информационные потоки влияют на выбор человека, его поведение, управляют действиями. В глобальном мире эти процессы выходят на межгосударственный уровень, становятся инструментом внешней политики.

Для эффективного налаживания внешнеполитических отношений с привлечением СМИ необходимо сформировать информационную стратегию. На практике применяются два вида стратегий, применяемых в зависимости от преследуемой цели:

1. Первый вид стратегий посвящен технологическим проблемам информационной без-

опасности и защиты информации в компьютерах и компьютерных сетях.

2. Второй вид связан с политическим и идеологическим аспектом.

В рамках выстраивания внешнеполитических отношений важнейшую роль играют именно «идеологические» стратегии, определяющие содержание информационного противостояния в зоне интересов того или иного государства или отдельного политического института, в том числе и в области внешней политики.

Сами СМИ как инструмент внешней политики также обладает рядом информационных стратегий, которых они придерживаются при освещении внешнеполитических процессов.

Таблица 2

Информационные стратегии СМИ [2, с. 18]

Информационная стратегия СМИ	Характеристика стратегии
Информирование	независимое разностороннее освещение внешнеполитической деятельности государства
Лоббирование	поддержка и продвижение интересов внешней политики государства
Пропаганда	распространение идей и взглядов на различные внешнеполитические процессы государства с целью формирования общественного мнения
Манипулирование	прием психологического воздействия, направленный на достижение определенных целей путем незаметного для объекта манипуляции подталкивания к осуществлению желаемых манипулятором действий

Более радикальные средства – шантаж и дезинформирование – обычно применяются во время вооруженных конфликтов или информационных войн.

Технологиям манипулирования в последнее время уделяется большое внимание. Так, в частности, И. Н. Панарин, ссылаясь на отечественные и зарубежные источники, выделяет 7 основных приемов информационно-психологического воздействия, более известные специалистам, как «азбука пропаганды»:

- «приклеивание или навешивание ярлыков» (использование оскорбительных эпитетов, метафор, наименований, «ярлыков» для обозначения человека, организации, процесса, идеи, явления и т. д.);

- «перенос» (распространение престижа и авторитета того, что ценится в обществе на то,

что преподносится в процессе коммуникации, также возможно обратное действие, то есть распространение негативного восприятия);

- «сияющие обобщения» или «блистательная неопределенность» (замена названия конкретного чего-либо или кого-либо более обобщающим наименованием, имеющим положительную эмоциональную окраску);

- «перетасовка» или «подтасовка карт» (отбор и преподнесение только положительных или только отрицательных фактов о процессе, организации, человеке и т.д. при одновременном замалчивании противоположных);

- «ссылка на авторитеты», «свидетельства» (ссылка на высказывания личностей, обладающих высоким авторитетом в обществе);

- «свои ребята» или «игра в протонародность» (установление доверительных отношений с аудиторией, как с близкими людьми);

• «общий вагон» или «фургон с оркестром» (подбор высказываний, создающих впечатление, будто так делают все) [2, с. 21].

Глобальный контроль над СМИ обеспечивает господство США в сфере общественного сознания. Усугубляет сложившуюся ситуацию и тот факт, что сегодня для обработки практически любой информации во всем мире используются компьютеры, работающие на операционных системах Microsoft и Apple, которые были разработаны в США. И даже противники Соединенных штатов используют при общении между собой социальные сети и интернет-сервисы вроде Facebook и Twitter, контролируемые ЦРУ.

Эта почти безраздельная информационная монополия Америки определяет ее лидирующую позицию на мировой арене, и, несмотря на то, что экономическая мощь Штатов за последние десятилетия резко сократилась, ее влияние в информационном пространстве парадоксальным образом продолжает расти.

Россия, как один из наиболее перспективных полюсов влияния в рамках становления многополярного мира и наиболее влиятельный противовес «владычеству» США, в 90-е годы прошлого столетия практически не предпринимала усилий во внешнеполитической информационной деятельности, и сейчас уступает США в масштабности таких мероприятий. Однако с начала 2000-х годов данная ситуация кардинальным образом изменилась, и российская информационная политика за рубежом стала более активной, она заимствует многие принципы, приемы и технологии у США и других продвинутых в этой области стран.

В настоящее время в нашей стране создается необходимая нормативная база, основная задача которой – «доведение до широких кругов мировой общественности объективной и точной информации о позициях по основным международным проблемам, внешнеполитических инициативах и действиях РФ, а также о достижениях российской культуры, науки, интеллектуального творчества». Так приняты Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов, ФЗ «Об участии в международном информационном обмене».

Вновь стали использоваться возможности информационных агентств в проведении информационных кампаний. В декабре 2005 г. начал вещание англоязычный канал «Russia Today», который предназначен для зарубежной аудито-

рии и освещает мировые события с российской точки зрения. Также в рамках укрепления позиций в мировом информационном пространстве в 2009 г. была создана Комиссия по формированию международного имиджа страны при Администрации президента.

Президентом России В. В. Путиным перед министерством иностранных дел России поставлена задача представлять руководству государства «рекомендации, учитывающие специфику общественного мнения в каждой стране, необходимые для отладки потока адресной объективной информации о России». Данное поручение предполагает поддержку на государственном уровне работы информационных агентств по продвижению их продукции на внешний информационный рынок. В качестве наиболее существенных внешних угроз информационной безопасности отмечаются «информационное воздействие иностранных политических, экономических, военных и информационных структур на разработку и реализацию стратегии внешней политики России, распространение за рубежом дезинформации о внешней политике Российской Федерации (далее – РФ)». В этой связи актуален вопрос о степени присутствия иностранного элемента на внутреннем национальном информационном поле, о вытеснении с него российских СМИ о «черном пиаре» направленном на широкую аудиторию [3].

Актуальность вышеуказанных угроз информационной безопасности подтверждает, в том числе, тот факт, что большинство граждан России считают телевидение наиболее достоверным источником информации. Это связано с тем, что телевидение обладает таким качеством, которое социальные психологи именуют «парасоциальным» характером. Суть его заключается в создании иллюзии «присутствия» при действии, которое показывается на экране телевизора, в соответствии с чем в сознании зрителя формируется устойчивая иллюзия «объективности» и достоверности вещаемого явления. Подсознательно накладывая свои ощущения на ощущение происходящего на экране, зритель зачастую воспринимает получаемую с «голубого экрана» информацию как абсолютно достоверную [8, с. 96].

С. Г. Кара-Мурза отмечает, что телепродукция – это «товар» сродни духовному наркотику. Человек современного потребительского общества зависим от телевидения, потому что воздействие его таково, что человек утрачивает свободу воли и проводит у экрана гораздо больше времени, чем требуют его потребности в информации и развлечении. Потребляя современную телепрограмму, человек не может объектив-

но оценить характер ее воздействия на его психику и поведение. Более того, по аналогии с наркозависимостью, человек становится «зависимым» от телевидения, и продолжает потреблять его продукцию даже в том случае, если отдает себе отчет в ее пагубном воздействии [5].

После отмены цензуры в СМИ, на всех экранах стали демонстрироваться тысячи отечественных и зарубежных произведений, содержащих эпизоды насилия без соблюдения возрастных ограничений. Кроме отмены цензуры, насилие, демонстрируемое с экранов, во многом связано с коммерциализацией телевидения [3].

Еще Екатерина II в своем педагогическом сочинении четко определяла место пропаганды ненасилия в формировании мировоззрения подрастающего поколения: «Отдалять от глаз и ушей... все худые и порочные примеры. Чтоб никто при детях не говорил грубых слов, непристойных и бранных слов и не сердился. Отдалять от воспитанников всякие разговоры, рассказы и слухи, умаляющие любовь к добру и добродетели или умножающие пороки... Пороки вообще уменьшают смелость и храбрость, добродетели же умножают твердость духа и укрепляют рассудок, истинную его смелость и храбрость. Истинная смелость состоит в том, чтоб прибывать в том, что долг человеку предписывает» [6, с. 103].

В настоящее время практически все российские телевизионные каналы, вне зависимости от названий, не являются истинно государственными, как никогда не являлись и общественными. Современное телевидение преследует одну основную цель – коммерческую, а потому не будет предела творческому подходу в манипуляции сознанием человека, когда речь идет о деньгах.

По словам Льва Криштаповича, директора Научно-исследовательского института теории и практики управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь: «Свободные и независимые СМИ, несущие достоверную информацию обществу, – это кровеносная система демократии». По его мнению, они призваны выполнять следующие функции: в качестве аккумулятора общественного мнения служить трибуной для обсуждения интересов народа, мобилизовать население для участия в политической жизни, выявлять случаи злоупотребления властью, повышать уровень транспарентности в деятельности правительства и заставлять государственных служащих и бизнес-сообщество отчитываться за свои действия перед общественным мнением [10].

К сожалению, таких СМИ крайне мало. Большинство из них являются коммерческими

организациями и действуют в соответствии с законами рынка, становятся товаром, поскольку для коммерческих предприятий в сфере информации важна прибыль, а не истина. С другой стороны, тот, кто платит журналистам, тот и заказывает музыку, естественно в своих корыстных интересах [1, с. 321].

Так в своей книге «Купленные журналисты» бывший сотрудник одной из крупнейших немецких газет Frankfurter Allgemeine Zeitung журналист Удо Ульфкотте признался, что на протяжении многих лет Центральное разведывательное управление платило ему за публикацию «правильных» статей и что такие случаи в Германии не редкость. С достаточной степенью уверенности можно предположить, что и в других странах эта практика распространена [11].

Анализируя процессы, происходящие в российских СМИ, можно проследить тенденцию превращения их в специфический институт, обладающий следующими характеристиками:

- подверженность иностранному влиянию;
- повышенная требовательность к своей стране;
- ярко выраженная клановость;
- некритичность по отношению к себе;
- отсутствие ротации кадров;
- круговая порука.

Эта опасная тенденция угрожает становлению российского гражданского общества и национальной безопасности России [8, с. 97].

Еще одной острой проблемой в рамках информационной безопасности РФ является распространение за рубежом дезинформации о внешней и внутренней политике России.

В условиях постиндустриального общества, как никогда раньше, результативность политики зависит от позиции СМИ.

Защита национальных политических интересов на международном уровне в условиях глобального мира, главным образом, реализуется посредством информационной поддержки внешней политики государства с привлечением СМИ через формирование определенного имиджа страны за рубежом [2, с. 17].

Известно, что СМИ являются одним из важнейших институтов общества, некоторые специалисты называют их даже «четвертой ветвью власти», показывая тем самым огромное влияние, которое СМИ оказывают на общественную и политическую жизнь государства. Очевидно, что СМИ играют ключевую роль в формировании и эволюции общественного мнения. Не секрет, что в мире бытуют различные стереотипы о России, которые препятствуют

распространению положительного имиджа страны на международной арене. И зарубежные СМИ занимают не последнее место в распространении таких стереотипов и усилении антироссийского настроения за рубежом, ввиду чего назрела проблема: агрессивная антироссийская пропаганда пытается навязать мировому сообществу негативные клише о России, что также служит угрозой информационной безопасности РФ.

Имидж России в международном контексте, с одной стороны, определяется характером отношения к России и россиянам со стороны граждан других стран мира, с другой стороны, он в высокой степени подвержен влиянию освещения проблем России зарубежными СМИ.

Болгарский фотограф, дизайнер и иллюстратор Янко Цветков составил семь карт, на которых страны Европы представлены с точки зрения бытующих в обществе национальных стереотипов. Так, на карте «Европа глазами США» Россия окрашена в красный цвет, а ее жители названы «коммуняками», Италия отождествляет Россию с «Газпромом», на карте представлений французов Россия обозначена как «Мечты Наполеона», для немцев Россия в первую очередь «Газохранилище», для англичан – «Большие растратчики», На карте болгар Россия – «Большой брат». С точки зрения самого Цветкова, Россия является «Параноидальной нефтяной империей» [1, с. 320].

В рамках создания имиджа страны важную роль играет имидж отдельных ее элементов, которые, в свою очередь, также зависимы от СМИ. Так, влияние политика и политического института также находится в зависимости от того удастся или не удастся им заручиться поддержкой СМИ.

Использование в политической сфере Интернета в сочетании с другими новейшими информационно-коммуникационными технологиями, несомненно, может способствовать скорейшему развитию различных форм так называемой «электронной демократии» – механизмов компьютерно-опосредованной политической коммуникации, отвечающих реальным потребностям строящегося информационного общества.

Первым шагом к информатизации демократического развития на общероссийском уровне, стало создание сайта президента, сначала В. В. Путина, а затем и Д. А. Медведева. Именно сайты и блоги, а также странички в социальных сетях все больше привлекают к себе внимание со стороны граждан. Для большей части населения это абсолютно новый способ общения с правящей верхушкой.

Сегодня Интернет открывает возможность реализовать принципиально новую модель политической коммуникации – перейти от «вещания» к демократическому диалогу между «управляемыми» и «управляющими», что в значительной мере способствовало бы достижению и укреплению их взаимного доверия и взаимопонимания на основе равноправного обмена сведениями о политических явлениях и процессах, происходящих в мире, стране и обществе [2, с. 16].

Резюмируя все указанное выше, можно отметить, что для успешного позиционирования России на мировой арене как «центра влияния» в многополярном мире нашему государству необходимо в первую очередь информационно присутствовать на пространстве, которое оно считает зоной своих интересов.

Привлечение информационных ресурсов в интересах определенной страны содействует решению внешнеполитических задач, дает преимущества в геополитическом противостоянии. Эти преимущества заключаются в возможности контролировать информационное пространство, устанавливать необходимую повестку дня в глобальных масштабах, ключевая роль при этом отводится СМИ. Поэтому странам, стремящимся сегодня к построению действительно многополярного мира, следует пересмотреть свои приоритеты и начать всерьез конкурировать с США в информационном пространстве, не сводя все к одной только экономике. Ведь если общественное сознание будет многополярным, многополярным будет и мир [4].

Библиографический список

1. Бахтигузина, Ф. З. Россия и Китай в многополярном мире / Ф. З. Бахтигузина // Россия в многополярном мире: поиск путей инновационного и креативного развития: сборник научных трудов IV Всероссийской научно-практической конференции, г. Ульяновск, 16–17 ноября 2010 г. / под ред. Т. В. Петуховой. Ульяновск: УлГТУ, 2010. 438 с.
2. Быков, А. Ю. СМИ в глобальном информационном пространстве: проблемы и решения / А. Ю. Быков // Современные зарубежные СМИ в условиях глобализации: сб. статей / науч. ред. А. Ю. Быков. СПб.: Арт-Экспресс, 2011. 161 с.
3. Зелинский, С. А. Манипулирование массовым сознанием с помощью СМИ (Современные психотехнологии манипулирования) / С. А. Зелинский // ПСИ-ФАКТОР. URL:

<http://psyfactor.org/lib/zln1.htm> (дата обращения: 09.04.2017).

4. Итальянский писатель: Возможен ли многополярный мир в условиях однополярной информационной среды? // Новости ИноТВ. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-02-05/Italyanskij-pisatel-Vozmozhen-li-mnogopolyarnij> (дата обращения: 11.04.2017).

5. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза // СоюзИнфо. URL: <http://www.souz.info/library/manipul/manipul51.htm> (дата обращения: 11.04.2017).

6. Кравченко, В. И. Основы политологии: учебное пособие / В. И. Кравченко / СПбГУАП. СПб., 2001. 128 с.

7. Ласвель, Геральд. Техника пропаганды в мировой войне / Геральд Ласвель. М.: Государ-

ственное издательство: Отдел военной литературы, 1929. 105 с.

8. Панарин, И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны / И. Н. Панарин. М.: Поколение, 2012. 169 с.

9. Фромм, Эрих. «Иметь или быть?»: Пер. с англ. / Эрих Фромм. Киев: Ника-Центр, 1998. 400 с.

10. Черняк, А. В. Что несет нам глобализация и какова роль в этом СМИ? / А. В. Черняк // Единое Отечество. URL: <http://otechestvoua.org/main/20086/2406.htm> (дата обращения: 13.04.2017).

11. Udo Ulfkotte Gekaufte Journalisten Copyright © 2014 by Kopp Verlag e.K., Germany: Пер. с англ. ЭГО Транслейтинг. М.: ООО «Издательство «Эксмо», 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АБРАМОВА** – магистрант, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
Елена Юрьевна
контактная информация: e.abramova.84@mail.ru
- АНИПКИН** – профессор, Директор консалтинговой компании «Alexander Consultancy», Великобритания
Михаил Александрович
контактная информация: manipkin@hotmail.com
- АРПЕНТЬЕВА** – доктор психол. наук, доцент, профессор, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования, руководитель лаборатории психолого-педагогического сопровождения семьи и детства Центра социально-гуманитарных исследований, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского
Мариям Равильевна
контактная информация: mariam_rav@mail.ru
- БЕЙЛИН** – доктор филос. наук, кандидат технических наук доцент, старший научный сотрудник, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет НИУ БелГУ, г. Белгород
Михаил Валерьевич
контактная информация: mysh_07@mail.ru
- БЕЛЯЕВА** – студент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» Юридический институт, Красноярск
Инна Борисовна
контактная информация: 09031801@mail.ru
- БУЛАТКИН** – кандидат филос. наук, доцент, Тихорецкий техникум железнодорожного транспорта – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский государственный университет путей сообщения»
Александр Николаевич
контактная информация: bulatkin@mail.ru
- ВАРАКИН** – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры государственного правления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
Сергей Володарьевич
- ВЛАСЕНКО** – канд. юрид. наук, старший научный сотрудник отдела Теории и истории права и судебной власти Российского государственного университета правосудия, Москва
Валерий Николаевич
контактная информация: vlasenko84@rambler.ru
- ВЛАСОВА** – доктор филос. наук, доцент, профессор, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, г. Ростов-на-Дону
Виктория Николаевна
контактная информация: oip08@mail.ru
- ВОСКАНЯН** – доктор полит. наук, доцент, профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
Саркис Суренович
- ДРОЗДОВА** – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
Юлия Алексеевна
контактная информация: juliadrozdova@mail.ru

- КОПЫТОВА** – младший научный сотрудник, институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, г. Вологда, Россия
Екатерина Дмитриевна
контактная информация: ekaterina-razgylina@yandex.ru
- ЛИПИЧ** – доктор филос. наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии, социально-теологический факультет Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)
Тамара Ивановна
контактная информация: lipich@bsu.edu.ru
- МАГОМЕДОВ** – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания факультета психологии и философии, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Республика Дагестан
Камиль Магомедович
контактная информация: magomedov49@mail.ru
- МАКСИМОВ** – канд. юрид. наук, доцент по кафедре «ГМУ», доцент кафедры «Региональное управление», Филиал ФГБОУ ВО «Московский технологический университет», г. Ставрополь
Владимир Юрьевич
контактная информация: maximow26@yandex.ru
- МАРКЕЛОВА** – аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Анна Александровна
контактная информация: markelova9292@inbox.ru
- НАЗАРЕТЯН** – аспирант, Кубанский государственный университет г. Краснодар
Карен Григорьевич
контактная информация: nazaretyan21@mail.ru
- ОЛЕЙНИКОВА** – доктор ист. наук, профессор, директор центра Школа кадрового резерва, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала РАНХиГС, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Елена Геннадьевна
контактная информация: gattogatto@mail.ru
- ПАЩЕНКО** – студент, Ростовский филиал Российской таможенной академии
Максим Олегович
контактная информация: СНАТНЕКО@mail.ru
- ПОЛОМОШНОВ** – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии, Ростовский государственный экономический университет
Платон Андреевич
контактная информация: platon_@list.ru
- САВЧЕНКО** – канд. педагогических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Волгоградского филиала РАНХиГС
Галина Константиновна
контактная информация: ppevmel@yandex.ru
- СОЛОВЬЕВ** – доктор ист. наук, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова
Константин Анатольевич
контактная информация: KSoloviov@sra.msu.ru
- ЯХЬЯЕВ** – доктор филос. наук, профессор, декан факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», заслуженный деятель науки РД
Мухтар Яхьяевич
контактная информация: muchtar59@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует статьи, рецензии, научные сообщения; выходит 4 раза в год (ежеквартально), материалы для публикации в очередном номере принимаются до 25 числа второго месяца каждого квартала. Публикация осуществляется **бесплатно**, номер журнала можно получить в научном отделе ВФ РАНХиГС (Волгоград, ул. Гагарина 8, ауд. 303), иногородним авторам будет выслан по указанному Вами адресу.

Материалы представляются на электронном носителе в виде двух файлов.

В первом файле на русском и английском языках данные об авторе: Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, должность, контактную информацию (место работы/учебы, полный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail). Информация о результатах проверки на плагиат, а также о том, что рукопись не была опубликована ранее и не будет направлена в другое издание.

Во втором файле материал для публикации. Требования к **рукописям**:

1. Объем не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами), шрифт Times New Roman размером 14, через 1,5 интервала, поля по 2 см с каждой стороны, нумерация страницы по центру внизу.

2. Представленный материал должен включать следующие элементы издательского оформления: индексы УДК и ББК (на русском языке); заглавие, инициалы и фамилия, аннотация (50–100 слов), ключевые слова (5–8) на русском и английском языках.

3. Текст статьи (рецензии, сообщения) и список литературы на русском языке. Список литературы располагается после текста статьи, предваряется словом **Библиографический список**, оформляется в алфавитном порядке и нумеруется. Ссылки на использованные источники приводятся внутри текста после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [5, с. 12].

4. Для обособленных фрагментов текста можно использовать шрифт Arial и др. Для табличного, вспомогательного текста допускается использование шрифта меньшего размера. Рисунки (черно-белые, цветные) внедрены в текст, журнал публикуется в черно-белом варианте.

Рукописи рецензируются членами редколлегии и приглашенными специалистами. По результатам рецензирования рукопись может быть возвращена на доработку с краткими замечаниями редакции. Редакция не разглашает имена рецензентов, не знакомит авторов с текстом рецензии, не вступает в содержательную полемику с авторами. Для российских авторов (аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук) необходимо дополнительно представить рекомендацию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения (подлинник или сканированный вариант). **Все материалы проходят проверку по программе «Антиплагиат». Компьютерный перевод на английский язык не принимается!**

Статьи печатаются на русском или английском языках. Журнал размещается в базе РИНЦ и учитывается при подсчете индекса цитирования. Адрес для пересылки статей и последующей переписки: vestnik-vags@yandex.ru

Более подробная информация о требованиях, рекомендациях для подготовки научных публикаций в журнал расположена по адресу:

http://vlgr.ranepa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2671

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС**
Серия: политология и социология. 2017. № 3.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Редакторы *Н. В. Никитина, М. И. Мульганова*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Свидетельство ПИ №ФС77-58708 от 28.07.2014

Подписано в печать 16.12.2017. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Уч.-изд. л. 8,61. Физ. п. л. 10.
Тираж 1000 (1–100) экз. Цена свободная.

Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru

Издательство Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10